

BBC
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 51 ДЕКАБРЬ 1982

# МОСКВА

# ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

**ТЕРРИТОРИЯ** — 878,7 квадратного километра

Город разделен на 31 административно-территориальный район. Отдельным районом является Зеленоград, расположенный за пределами Кольцевой автодороги.

**НАСЕЛЕНИЕ** — 8 миллионов 302 тысячи человек.

**ОБЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА** возрос по сравнению с 1940 годом в 12 раз. Промышленность Москвы сегодня — это около 1000 предприятий, представляющих многие отрасли народного хозяйства.




Жилищный фонд по сравнению с 1940 годом увеличился в 5 раз.

В Москве сходятся 11 железнодорожных магистралей и 12 крупнейших автодорог, соединивших столицу с многими городами страны. Самый популярный московский транспорт — метро. Протяженность его линий — 184 километра. Количество станций — 115.

# МОСКВА! Я ДУМАЛ О ТЕБЕ...



**Михаил АЛЕКСЕЕВ,**
**Герой Социалистического Труда**

В дни радости, в дни, полные тревог и горестных размышлений, в дни светлых, солнечных надежд и упований, на малых и больших дорогах своего обширного социалистического Отечества и за его пределами во всех частях света, повсюду и всегда, все вместе и каждый по отдельности мы думаем о тебе, Москва, возлюбленная наша столица, сердце единственной страны, где разноязыкие, разноплеменные народы и народности шесть десятков лет назад соединились и образовали уникальную семью, названную двумя великими словами: «Семья Народов».

Москва вечная и вечно меняющаяся, и, меняясь, обновляясь, молодея, она не перестает быть для всех нас и всех наших городов матерью. Даже для тех селений, которые по годам значительно старше ее. Для каждого поколения она являет свой неповторимый облик. Для Пушкина в самом слове «Москва» так много слилось и отозвалось в сердце, что в конце концов выплеснулось в обжигающие страстной любовью строки; для Есенина — это город вязевый, который так кстати стране березового ситца, коей виделась поэту Россия... Ну, а для нас, нынешних, что же она, Москва?..

Любопытно было бы спросить юного москвича или человека, какой по разным причинам часто бывает в последние годы в Москве, спросить о том, мог бы он представить себе нашу столицу, ежели б в ней не было ни университета на Ленинских горах, ни сказочного спортивного комплекса в Лужниках, ни дивных архитектурных созданий, возникших, как по щучьему велению, в Олимпийский восьмидесятый; ни высотных домов на Котельнической набережной, на Смоленской и на площади Восстания, на Комсомольской площади, тех самых, так несправедливо выбраненных в недавнюю пору и выстоявших перед кривыми улыбками своих порицателей; ни грандиозных новых жилых массивов из многоэтажных золотистых домов-громадин; ни «Детского мира», ни Бородинской панорамы, ни Калининского, ни Комсомольского и многих других проспектов; ни Дворца съездов в древнем Кремле, где проходят главные торжества и съезды, где тысячи людей соберутся и на этот раз, чтобы отпраздновать славное шестидесятилетие Союза Советских Социалистических Республик. А мыслимо ли представить Москву сегодняшнюю без гостиницы и кинотеатра, взявших для себя священное имя России? А без телевизионного комплекса в Останкине с его пятисотметровой башней, без многочисленных новых, появившихся буквально в последние десять лет станций прославленного на весь мир метрополитена? Без множества всего того, что вырастает в Москве буквально не по дням, а по часам, и вырастает, конечно же, не по щучьему велению.

Тридцать два года назад судьбе угодно было меня, фронтового офицера, несшего до этого боевую вахту за границей, сделать постоянным жителем столицы нашей Родины, то есть москвичом. Нужно ли говорить о волнении, охватившем человека, который ни разу до этого в Москве не был, однако в сердце не расставался с нею ни на одну минуту! Сражаясь против врагов на фронтах Великой Отечественной, мы всегда думали: а как там Москва, всегда верили — она выстоит.

Тридцать два года и для человека-то не слишком какой срок, а для города, который существует восемь с лишним веков,— это лишь минута, менее того. Но вы только подумайте: в Москве в ту как раз пору не было всего того, что помянуто мною выше, и великого множества другого, что мною не названо и что теперь ласкает и наш глаз и наше сердце, когда мы «идем, шагаем по Москве».

Каждый день приносит нам вести о новых свершениях москвичей, но все это мы принимаем как должное, как само собой разумеющееся, потому что перестали удивляться вещам самым удивительным. А ведь жаль: порою надобно бы было хоть на миг остановиться и оглядеться вокруг, задуматься над тем, какой великой и неисчерпаемой творческой силой наделены люди, живущие рядом с нами и носящие высокое и гордое имя — москвичи. Люди, во главе которых более чем миллионная армия коммунистов. Москвичи — они за все в ответе. Столица вносит свой — и притом весьма ощутимый и весомый — вклад в развитие народного хозяйства и культуры всей страны. Вспомните, сколько московских юношей и девушек участвовало в освоении целины, сооружало гидроэлектростанции на Ангаре, Енисее, Зее... А сколько их теперь на стройке века, заключенной в одном звучном имени — БАМ! Не остались москвичи в стороне и от новой грандиознейшей проблемы, выраженной в Продовольственной программе нашей партии,— и тут нашли они приложение и своим рукам, и своему разуму, и своим сердцам.

Случается, едешь в какой-нибудь отдаленный уголок столицы и думаешь: тысячи, сотни тысяч огоньков мерцают в окнах домов, и за каждым окошком живут люди. И каждому из них, из этих миллионов, надобно дать пищу, тепло, свет, газ, воду, каждого одеть, обуть, и не просто обуть и одеть, но облачить в добротную, современную одежду и обувь, а вдобавок еще и обеспечить доброй духовной пищей — и это изо дня в день, учитывая при этом непрерывно растущие материальные и духовные потребности каждого из нас.

Вспоминается, как когда-то на одной из строительных площадок в Черемушках я увидел старого рабочего, который с грустью смотрел на последнюю деревянную избу, доживавшую свой век рядом с огромными новыми домами. Я спросил: "Не ваша ли это?" «Нет, но я бы на месте строителей ее оставил. Чтобы вон тот карапуз,— он показал рукой на дом, где на балконе девятого этажа стояла возле детской коляски молодая женщина,— знал, на какую высоту его Советская власть подняла».

Да, неплохо было бы, если бы все мы почаще вспоминали об этой Высоте.

Говоря сейчас о Москве и думая о ней во все другие времена, я как-то не могу оторвать от нее и от собственного сердца и тот край, который зовется Подмосковьем. Кровеносные сосуды, стекающиеся к Москве со всех концов необъятной страны, здесь, в Подмосковье, сходясь, сгущаются, становятся наиболее наполненными и горячими. Это, собственно, уже Москва. Если Москву многие из нас называют золотой, возлюбленной, то Подмосковье я бы назвал ненаглядным — так уж повелело сердце.

И это неожиданно, может быть, даже странно, если иметь в виду, что сам-то я родился далеко отсюда, в знойном полустепном краю, где летней порой быстро вянут зори, где, бывает, месяцами не увидишь на небе не то что тучки, но даже малого облака,— в краю, который, однако, дорог мне беспредельно. Сивенький полынок с его горьковато-грустным запахом, дрожащее серебристое марево, расчесывающее невидимым своим гребешком светлые головки ковыля, хлебные нивы без конца без края, душистый запах золотистой пыли в пору страды над полями — это мир, который окружал меня в детстве и полонил мое сердце.

А тут Москва и Подмосковье.

Отчего же учащает свой бег сердце, когда я мысленно или вслух произношу эти два слова? Может быть, потому, что половина жизни моей прошла в столице, в городе, с именем которого с давних еще времен и поныне так много отзывается в душе патриота. Может быть, потому дорого нам, скажем, Подмосковье, что жарким летом, когда в гигантском городе от многолюдья и множества машин было бы человеку невмоготу, оно, ненаглядное наше Подмосковье, накидывает на каменную столицу зеленые ризы своих лесов, освежает нас живительной прохладой, а в зимнюю пору зовет, манит в свои парчовые снега, чтобы, вернувшись в город, мы чувствовали себя помолодевшими.

Может быть, еще и потому, что с вашими именами, Москва и Подмосковье, мы живее, ощутимее чувствуем свою принадлежность не только к нашему великому Настоящему и Будущему, но и к славному Прошлому,— тени богатырей России всюду возникают перед нами, когда мы совершаем путешествие по Москве и Подмосковью. Некогда гордый и заносчивый, орел наполеоновский склонил голову, опустил хищный клюв свой, застыв в унылой этой позе на поле Бородинском; такая же судьба ожидала тут и фашистских завоевателей.

Гордая, стройная, несломленная Зоя встала как бы вечным часовым на самой оживленной твоей магистрали, земля подмосковная, и поток людской, денно и нощно вливающийся к нам с запада, невольно останавливается тут в молчаливом восхищении перед бессмертием человека, который смертию смерть попрал.

По всем дорогам, ведущим в Москву и из Москвы,— обелиски, обелиски, обелиски. Где-то тут есть местечко Дубосеково, окропленное кровью двадцати восьми, с их именами врезавшееся на веки вечные в нашу память. Тут пролили свою кровь Панфилов и Доватор, тысячи, сотни тысяч известных и безвестных наших ратников. Пантеоном общим стала для них ты, добрая, памятливая земля Подмосковья. Одного из этих тысяч взяли из братской могилы возле деревни Крюково и похоронили под Кремлевскою стеною, и с того дня неисчислимые людские массы движутся к могиле Неизвестного солдата с ее Вечным огнем.



Во время переговоров. Фото В. Будана (ТАСС)

# С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президента и правительства Финляндской Республики 9 декабря в Хельсинки с официальным визитом прибыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов. Его встречали Президент Финляндской Республики М. Койвисто, Премьер-Министр К. Сорса, министр иностранных дел П. Стенбэк, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол СССР в Финляндии В. М. Соболев.

В этот же день начались переговоры Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто.

В ходе переговоров, проходивших в теплой, дружественной обстановке, были рассмотрены вопросы состояния и перспектив развития двусторонних отношений между Советским Союзом и Финляндией.

С обеих сторон было выражено глубокое удовлетворение достигнутым уровнем всестороннего советско-финляндского сотрудничества, основой динамичного развития которого является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года. Было подчеркнуто, что в условиях серьезно обострившейся международной обстановки наглядно видна ценность взаимопонимания и доверия между Советским Союзом и Финляндией.

10 декабря переговоры были продолжены.

При обмене мнениями по актуальным проблемам международного положения Н. А. Тихонов и М. Койвисто выразили глубокую озабоченность продолжающимся обострением международной обстановки, усилением угрозы новой войны. Обе стороны подчеркнули необходимость проявления всеми государствами взвешенного подхода и политической воли в целях предотвращения угрозы ядерной катастрофы, прекращения гонки вооружений, улучшения международной обстановки и развития международного сотрудничества.

11 декабря Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, Президент Финляндской Республики М. Койвисто и Премьер-Министр К. Сорса посетили судоверфь государственного акционерного общества «Валмет». Здесь состоялась церемония присвоения названия «Нижнеянск» одному из судов, строящихся по заказу Советского Союза.

В этот же день глава Советского правительства отбыл на родину. В аэропорту Н. А. Тихонова провожали М. Койвисто, К. Сорса, министр иностранных дел П. Стенбэк, другие официальные лица.

---

Я люблю подмосковные города с их старинными именами. Люблю Рузу, люблю Верею-Вереюшку, люблю Одинцово, Звенигород, Люберцы, люблю древний Серпухов, люблю Наро-Фоминск с его реченькой Нарой, люблю Волоколамск, Истру с ее храмом знаменитым. Сохранив старинные названия, города эти не захотели остаться городками и местечками — они выросли, обновились, похорошели, расцвели.

А что за прелесть села и деревни подмосковные, кутающиеся в зелень своих густых лесов, бочком-бочком прижимающиеся к подступающим вплотную к ним несравненным лугам с их высокими сочными травами, где на утренней зорьке, зацепившись рогами за первый солнечный луч, раскидываются черно-белой скатертью-самобранкой стада колхозных и совхозных коров! А мчащиеся в сторону Москвы бесконечные автоцистерны с парным молоком, чтобы успеть к просыпающимся твоим колыбелькам, Москва! А сочный капустный дух на дорогах, когда чуть прижмет первый легкий морозец! Это ведь тоже Подмосковье!

Дубна, Пущино — и это все Подмосковье. Стоит ли раскрывать скобки за этими именами? Здесь наша наука — на самой высокой отметке человеческих познаний. Рядом с этими городами я должен был бы поставить Серпухов, но он помянут выше в другом, не менее славном ряду.

Есть под Москвой городок, каких не было и нет на всем белом свете. Мы еще ничего не знаем, когда отсюда пока что неизвестные для нас парни (а позже и девчата) приезжают в столицу, выходят на Красную площадь, молчаливые, приближаются к ленинскому Мавзолею и дают тут свою клятву без слов: впрочем, слова-то есть, но они такие, что помещаются лишь в самых заветных уголках сердца. Сюда весенней ранью пришел однажды голубоглазый юноша, чтобы назавтра стать Юрием Гагариным, человеком, которого породившая его Земля впервые выпустила из своих материнских объятий,— силою человеческого разума, волею партии нашей он преодолел земное притяжение, и изумленный мир рукоплескал этому солнечному человеку. А готовился он к своему подвигу на твоей земле, Москва! Вслед за Гагариным один за другим устремились в космос его товарищи — теперь уж их легион. Городок свой космонавты нарекли столь же дерзко и волшебно, сколь дерзки и волшебны их дела,— Звездный. Один за другим, выполнив необыкновенное свое задание, спускаются космические соколы в родимое гнездовье. Гордые, они, немного передохнув, вновь устремляются ввысь, увлекая за собой и давая убежище в своих чудо-кораблях молодым людям других стран и континентов, тех, что готовы вместе с нами служить великому делу мира в обеспокоенном и тревожном мире.

И это святое дело — дело твоих добрых рук, Москва, нареченная теперь уже многими миллионами честных людей на нашей планете столицею мира.

Доброго тебе здоровья для великих и добрых дел твоих, Москва!

С праздником тебя, Москва!

Земной тебе поклон, возлюбленная, золотая, единственная!


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!




ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (2892)

18 ДЕКАБРЯ 1982

# ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

**Римма КОРНАУШЕНКО**

Вот и пришел он, последний день программы — двести двенадцатый для Анатолия Березового и Валентина Лебедева — на орбитальной научной станции «Салют-7».

Двести одиннадцать дней и ночей — как это долго! А уж если вести счет на космические, искрометные дни и часы, так это просто запредельно много.

Экипаж этот жилист, до работы жаден. В сеансах связи слушаешь — цифры, цифры, сухие доклады. Бурные обсуждения: как установить технологическую печь, как станцию удерживать в нужном положении, как выкроить топливо для дополнительных экспериментов... Вроде бы так прижились там, что и о Земле забыли. Вдруг недавно Лебедев говорит: «Я в окошко посмотрел, точь-в-точь как пасмурный день на Земле промелькнул. Оказалось, нет, просто такая ориентация была, лучики солнца сквозь неплотно прикрытые шторки иллюминатора пробиваются. Даже странно показалось: неужели там у нас может быть пасмурно!»

Когда улетаешь так надолго, как-то забывается, что есть дождь и снег. Они помнили Землю теплой, помнили свежий ветер, запах трав, помнили, как соловьи пели на Байконуре перед стартом, спать мешали.

— У вас там сезоны меняются,— говорил перед спуском Лебедев,— а у нас всегда плюс двадцать.

Земля ждала их тоже двадцатью градусами, только с обратным знаком. Да думали, что к ночи, к моменту приземления, еще похолодает. Похолодает в местах посадки.

Я не оговорилась. Раньше выделялся один основной район для посадки, а теперь их два, равноправных. Оба в Казахстане: первый — Аркалык, другой — в районе города Джезказгана. Дело в том, что ночью после длительных полетов никогда не садились, а теперь так получилось по баллистическим условиям. В общем, два района — это на случай, если вдруг видимость будет плохая или ветер сильный задует. Всякое возможно...

**...В ЦУПе прошло сообщение о том, что поисково-спасательные службы заняли назначенные места. Снег там глубокий, более десяти сантиметров. Это хорошо: чем больше снега, тем мягче садиться.**

**В ЦУП съехались практически все, кто в эти семь месяцев участвовал в полете, специалисты самых разных направлений. Нельзя не видеть, как от полета к полету множится их дружная команда. Приходят они обычно сюда строго по расписанию, а сегодня всем не терпится проверить, не забыли ли про его «научный багаж» там, на орбите, каждый считает, что именно его груз самый важный. Каждый буквально дышит в спину оператора связи.**

**Идет последняя проверка укладки возвращаемого оборудования. Сделано так много — около трехсот экспериментов,— что уложить все в довольно-таки маленький шарик спускаемого аппарата непросто. Упаковки с пленкой, а на ней 20 тысяч снимков поверхности Земли. Масса пленки с астрофизическим материалом, металлические ампулы технологической печи «Магма», капсулы с кристаллами установки «Корунд», уникальные по своей значимости укладки с биологическими веществами. При этом специалисты, не дожидаясь их возвращения, открыто говорят, что эксперимент получился на все сто процентов: впервые в невесомости биологические вещества удалось разделить на несколько сверхчистых составляющих, причем сделано это методом электрофореза.**

**— Обратите внимание,— требует Земля,— все тяжелое — по правому борту.**

**Центровка в спускаемом аппарате чрезвычайно важна. Космос вообще не терпит «примерно», «около», «приблизительно». Скрупулезно в последний раз проверяются веса.**

**— Ребята, умоляю, осторожнее с растениями, не забудьте там что-нибудь, все довезите,— просит биолог Галина Нечитайло.**

**— Ну, что ты волнуешься, про наш огород не забудем,— отвечают с орбиты.**

**Огород. Вот потомки улыбнутся. Через годы, когда в космосе будут настоящие оранжереи. А сейчас пока — два пучка лука, два стебля гороха, вазончик с арабидопсисом. Но чтоб были потом космические теплицы, нужно сегодня в невоспроизводимых на Земле условиях изучить, как влияют на растения и искусственный свет, и переменное магнитное поле, и невесомость.**

**Ну, вот, кажется, кончили расчеты по укладке. Полным-полна коробочка.**

17 часов. Экипаж докладывает, что начали надевать посадочные скафандры. Сейчас будут переходить в спускаемый аппарат.

— Мы все народ абсолютно не сентиментальный, но в эти минуты прощания со станцией как-то не по себе,— говорит долгожитель космоса руководитель полета Валерий Рюмин.— Боль не боль, а жалость какая-то. Оглядываешь все — столько вложено труда, столько было сомнений, мучений. Сколько передумано, пережито. А еще, когда покидаешь станцию, не можешь избавиться от мысли: что-то недоделал. Вот еще бы денек-другой... И потому этот момент, когда нужно, наконец, перешагнуть порог и закрыть дверь, сам как бы растягиваешь...

Один за другим на борту выключаются пульты, замирают приборы. Ждать теперь станции новых хозяев.

18 часов 45 минут. Расстыковка. Медленно-медленно отходит транспортный корабль от станции. Впрочем, это только здесь, на Земле, кажется, что медленно.

Сообщение информатора Центра управления для внутренних служб:

— Принято решение садиться в Джезказгане.

Про операцию спуска космонавты говорят: самая динамичная, на станцию летишь сутки, а обратно — три часа с небольшим.

Сейчас как раз должен наступить этот момент — включение тормозных двигателей. Они погасят скорость корабля, и тогда он перейдет на траекторию спуска.

21 час 12 минут — этот момент наступил. У экипажа сейчас день. Таково одно из главных условий посадки, чтобы в момент включения тормозных двигателей экипаж мог видеть, как разворачивается и ориентируется относительно Земли их корабль. Они должны лететь обязательно спиной вперед, только тогда они попадут туда, где их ждут.

**Пролетают над южной Атлантикой, там стоит судно АН СССР «Космонавт Георгий Добровольский». Впервые используется такая связь: экипаж — спутник связи «Радуга» — судно — ЦУП. Причем связной спутник находится на геостационарной орбите, у него, стало быть, максимальное поле радиовидимости. В темпе событий или, как здесь говорят, в реальном масштабе времени идет обсуждение важнейшего участка полета. В прежних полетах эта зона торможения была всегда вне радиовидимости, то есть работа двигателей контролировалась с морских судов, но сообщения в ЦУП приходили с задержкой в несколько минут.**

**На огромной демонстрационной карте главного зала ЦУПа мы видим, как солнечный зайчик — спускаемый аппарат — вплотную подошел к расчетной точке посадки.**

**Сидят здесь в зале космонавты, переживают, обсуждают живо и горячо, каждый вспоминает себя, свой полет.**

**— Сейчас их три раза как следует тряхнет,— говорит Виктор Савиных,— вытяжным, тормозным и основным парашютами.**

**— И такая пылища в кабине поднимется,— добавляет Георгий Гречко.**

**Сообщили, что спускаемый аппарат обнаружен с борта поискового вертолета, и потому никто из нас уже не сомневался, что все остальное — лишь, как говорится, дело техники, привычной, отработанной.**

А оказалось иначе. Степь будто только и ждала, когда звенящая тишина будет нарушена ревом двигателей мягкой посадки спускаемого аппарата. Рев этот словно спугнул тишину и безмятежье, которое тут же обратилось небывалым вихрем. Снег залепил спускаемый аппарат. Пелена тумана ослепила командира вертолета Н. В. Карасева, который уже, казалось, наверняка шел к опустившемуся шарику. Шел поначалу хорошо, видя его, и вдруг потерял и теперь был вынужден, проявляя чудеса мастерства, приближаться по радиопеленгу.

Экипаж вертолета так и не увидел землю, только ощутив, наконец, сильный толчок, понял: сели. Выскочили из машины: вот он, спускаемый аппарат. Лежит на боку. Он сел на холмик и потому его немного проволокло по земле. Взялись, перекантовали. Руками торопливо протерли иллюминаторы спускаемого аппарата: все в порядке.

Потом открыли люк. Каждый встречающий старался, чем мог, помочь, поддержать. Или просто сказать трогательное, доброе слово. Наконец-то не в эфир, а наяву. Они на борту, в космосе, так стосковались по этим словам, по людям, по живым земным запахам. И в этот момент им вряд ли вспомнилось совсем недавнее видение: пасмурная Земля. Теперь, даже в этом слепящем буране, она казалась им теплой, родной. Своей.

Центр управления полетом

**Первая встреча А. Н. Березового и В. В. Лебедева с журналистами после приземления.**

**Телефото В. Кузьмина (ТАСС)**



# ДРУГОГО ПУТИ НЕТ

**Юрий ПОПОВ**

Казалось бы, проблема ясна и понятна для всех. Действительно, что может быть разумнее политики, направленной на ослабление международной напряженности, на разрядку и предотвращение опасной гонки вооружений, в итоге которой может стать реальностью мрачный призрак ядерной войны. Ведь перед человечеством стоит множество сложнейших задач, которые необходимо решать в самое ближайшее время. Здесь и вопрос о развитии стран, сбросивших колониальное иго и нуждающихся в помощи для укрепления собственной экономической базы, здесь и вопросы увеличивающегося народонаселения земли, проблемы экологии, ликвидации безработицы в странах, где правит капитал, и т. д. Короче говоря, средства, которые расходуются сейчас в мире на гонку вооружений, могли бы использоваться более разумно для блага всего человечества, для блага всех народов.

Тем не менее правящие круги США продолжают нагнетать международную напряженность. Отказавшись от всех своих предыдущих обязательств и договоренностей с Советским Союзом, касающихся уменьшения опасности новой мировой войны, они начали новый виток в гонке вооружений и тратят огромные средства на создание новых видов оружия, на дальнейшую милитаризацию американской экономики.

Одновременно нынешняя американская администрация развязала оголтелую антисоветскую кампанию, пытаясь доказать, что якобы СССР имеет военное превосходство над Соединенными Штатами и что поэтому США должны соответственно не только ликвидировать это отставание, но и стать значительно сильнее СССР в военном отношении. Курс на достижение военного превосходства США был еще раз продемонстрирован на недавнем совещании руководителей агрессивного блока НАТО в Брюсселе. Там был одобрен план размещения в Западной Европе около 600 американских ракет средней дальности. Министры обороны стран — участниц НАТО одобрили так называемый «план Роджерса», в котором предусматривается резкое наращивание обычных вооружений за счет новейшей военной техники. Было решено увеличить количество американских войск в Западной Европе, и, что особенно характерно, принято решение о модернизации химического оружия. На этом же совещании было одобрено решение американской администрации развернуть в нарушение существующих договоров 100 межконтинентальных ракет «МХ». Таким образом, США не только сами вступили на опасный путь военной конфронтации с СССР, но и затягивают на него другие западноевропейские страны.

В своих ответах на вопросы корреспондента ТАСС министр обороны СССР Д. Ф. Устинов самым решительным образом опроверг утверждения американской администрации о якобы имеющем место военном превосходстве СССР над США. Подобные утверждения, заявил товарищ Устинов, не соответствуют действительности. Они рассчитаны на обман общественности и служат для того, чтобы оправдать беспрецедентные военные программы и агрессивные доктрины США.

В своих попытках навязать Советскому Союзу очередной этап военного соперничества американские стратеги новой холодной войны делают ставку на то, чтобы обескровить СССР, поставить под удар экономику Советской страны. Однако расчеты эти не имеют под собой никакой основы. Советский Союз обладает всеми необходимыми научно-техническими и другими предпосылками, чтобы ответить на любой вызов, создать все для защиты как собственной безопасности, так и безопасности других социалистических стран, являющихся его союзниками.

Ответы Д. Ф. Устинова вызвали самый широкий отклик в различных странах мира, в том числе и в самих США. Газета «Вашингтон пост» обращает внимание на то, что высказывания министра обороны СССР содержали намек на предпочтительность переговоров с США о достижении договоренностей по ограничению вооружений. Советский министр, пишет газета, высказался также в том духе, что Советский Союз не хочет платить любую цену за такие договоренности и в случае необходимости готов принять вызов Рейгана. Хорошо информированные обозреватели расценили высказывание министра обороны СССР как свидетельство твердой позиции СССР.

Политика правящих кругов США вызывает глубокую тревогу во всем мире. Демонстрации протеста против гонки вооружений, за предотвращение сползания в пучину ядерной войны проходят и в странах Европы и в других районах земли, в том числе и в Соединенных Штатах. Слишком опасен тот путь, на который вступили сейчас безответственные американские лидеры. Отражением этих настроений явилось и недавнее решение палаты представителей США изъять из бюджета страны почти миллиард долларов, предназначенных на производство первых пяти ракет «МХ». Это красноречивый показатель тех настроений, которые вызывает нынешняя политика американского правительства в вопросах гонки вооружений. Большинство обозревателей газет расценили это решение палаты представителей как первое серьезное поражение президента в вопросах стратегии, направленной на достижение военного превосходства США над СССР.

У человечества сейчас не может быть другого пути, чем укрепление мира на земле, укрепление взаимного доверия и сохранение разрядки. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов отмечал: «Мы за поиски здоровой, приемлемой для сторон основы решения самых сложных проблем и прежде всего, конечно, проблем обуздания гонки вооружений как ядерных, так и обычных. Но пусть никто не ждет от нас одностороннего разоружения. Мы не наивные люди. Одностороннего разоружения Запада мы не требуем. Мы — за равноправие, за учет интересов обеих сторон, за честное соглашение. К этому мы готовы».

# КОМУ НЕ НУЖЕН МИР В ЛИВАНЕ



Оккупанты в Бейруте. Они рассчитывают остаться здесь надолго.

Фото из журнала «Швайцер иллюстрирте»

**Выступление министра иностранных дел Израиля И. Шамира перед членами Всемирного сионистского конгресса поначалу шло гладко. Однако вскоре вышла заминка: около десяти представителей оппозиционной Партии труда поднялись со своих мест, бойкотируя его выступление. Они призвали к выводу израильских оккупационных войск из Ливана. Речь пришлось прервать. Но ненадолго. Сторонники правительства, применив наиболее популярный сегодня в Израиле метод решения политических споров — а именно кулачный,— быстро восстановили в зале спокойную обстановку, столь необходимую для продолжения выступления министра.**

**А говорил господин Шамир как раз о Ливане. И о желании израильского правительства «как можно быстрее» вывести оттуда свои войска. «Граница между Ливаном и Израилем будет открытой границей мира и дружбы»,— заявил он. Но, как следует из текста выступления, все это произойдет никак не раньше, чем будет достигнуто соглашение «об установлении нормальных мирных отношений», включая пресловутое обеспечение безопасности на юге Ливана.**

**Нормальные мирные отношения в израильской трактовке — это, как известно, такое положение, при котором Израиль мог бы диктовать суверенной стране свои политические**

«Запугать СССР... американской администрации не удастся. Ей не следует гипнотизировать себя возможностью достижения военного превосходства над СССР. Из этого ничего не выйдет».

Из «Ответов министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова на вопросы корреспондента ТАСС».



**Наш совет аферистам таков —**
**Не надейтесь на свой «перевес»:**
**Для заморских горячих голов**
**Есть надежный холодный**
**компресс!**

**Рисунок Бор. ЕФИМОВА**

**Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА**

условия. Именно подписания мирного соглашения под диктовку требуют сегодня израильские лидеры от Ливана, нимало не смущаясь тем, что правительство этой страны уже неоднократно указывало на необходимость скорейшего и полного вывода израильских оккупационных войск со своей территории.

Из Тель-Авива, однако, продолжают поступать совершенно неприемлемые «условия мира». Все они выдвигаются под предлогом заинтересованности в обеспечении стабильности в самом Ливане.

Предлог явно фальшивый. За последние недели и месяцы обстановка в Ливане еще более обострилась, особенно в горных районах страны, где израильская армия провоцирует новую вспышку гражданской войны. Ежедневно оттуда поступают сообщения о столкновениях между вооруженными формированиями правохристианского «Ливанского фронта» и отрядами самообороны местного друзского населения, причем столкновения эти уже приобрели характер крупных военных действий,— в боях применяются все виды вооружений. В правительственных кругах Ливана справедливо опасаются, что эти события могут перерасти в широкомасштабную гражданскую войну. Поэтому вопрос о положении в Горном Ливане стал главным объектом обсуждения на встречах представителя друзской общины, бывшего министра Х. Джумблата с президентом Ливана А. Жмайелем и премьер-министром Ш. Ваззаном. На этих встречах был сделан вывод о том, что только ввод частей регулярной ливанской армии в район столкновений может положить им конец. Однако все такие попытки наталкиваются на отказ со стороны израильтян, которые используют эти столкновения в качестве предлога для затягивания оккупации этого района. Разжигая новую гражданскую войну в Ливане, Тель-Авив хочет заставить международную общественность забыть о тех чудовищных злодеяниях, которые творили и продолжают творить израильские захватчики, помешать сплочению национально-патриотических сил Ливана для отпора израильской агрессии, связать эти силы в братоубийственном конфликте.

Касаясь подлинной сути событий, происходящих сегодня в Горном Ливане, генеральный секретарь ЦК Ливанской коммунистической партии Ж. Хауи в своем недавнем интервью еженедельнику «Аль-Маукыф аль-Араби» сказал: «...Опираясь на израильские оккупационные власти, религиозно-фанатические, изоляционистские силы пытаются усилить свое влияние в стране. Но это не религиозный конфликт, хотя в некоторых своих проявлениях он и имеет такую окраску, а политический и даже национальный конфликт, в котором, с одной стороны, стоят силы, борющиеся против установления религиозно-фанатической гегемонии изоляционистов над Ливаном, а с другой стороны,— круги, связанные с Израилем и пытающиеся осуществить израильский план расчленения нашей страны...»

Точность такой оценки бесспорна. Тем более, что существует аналог подобной ситуации. Ведь именно с помощью сепаратистской группировки, которую возглавляет Хаддад, Израиль захватил значительную часть территории на юге Ливана, поставив арабов перед очередным «свершившимся фактом» сионистской агрессии.

Злополучная речь министра Шамира, его рассуждения о «границе мира и дружбы» — не что иное, как попытка закамуфлировать истинные агрессивные намерения Израиля в отношении суверенной страны. Средства, правда, для этой попытки выбраны негодные.

**А. СОКОЛОВ**

# МЕЧТАЮТ ВЕРНУТЬСЯ ЖИВЫМИ

**В ответ на репрессии в отношении мирного населения на оккупированной Израилем части территории Ливана ширится движение сопротивления агрессору. Все большее число патриотически настроенных ливанцев вступает в справедливую борьбу. Это именно те, кого израильские лидеры пытались представить заложниками, чуть ли не жертвами «палестинских террористов» и якобы на помощь которым двинули в июне этого года свои войска.**

**Партизанские операции наносят оккупантам все более ощутимый ущерб. Как сообщает палестинское агентство ВАФА, израильское радио со ссылкой на официальные военные источники сообщило, что только за последние три месяца против войск, вторгшихся в Ливан, была совершена 361 операция, в ходе которых партизаны убили и ранили 465 израильских солдат и офицеров, уничтожили 104 танка и бронетранспортера, большое количество артиллерийских орудий и другой боевой техники.**

**Моральное состояние израильской армии падает с каждым днем. Сейчас ни один захватчик не чувствует себя в безопасности. По признанию израильской газеты «Едиот ахронот», «каждый солдат, который попадает в Ливан, мечтает только об одном — спасти свою шкуру и вернуться живым».**

# 1973–1982

# «ДА!»-МИРУ, «НЕТ!»-ВОЙНЕ

Долгие годы — шесть десятилетий шли мы к этому радостному празднику. И вот уже стоим на его пороге.

В этом году в пяти номерах журнала мы рассказывали о пяти десятилетиях Советской страны. И вот фотолетопись «Огонька» последнего, уходящего от нас шестого десятилетия.

Что же было главным среди множества проблем современности за все это время? Самой главной, самой волнующей была и остается та, что тревогой наполняет сердца людей во всем мире: как отвести угрозу ядерной катастрофы и сохранить жизнь на земле. Надежда на мир без войны — не просто упование нашей страны на миролюбие тех, кто все эти годы не оставляет мысли о новом военном пожаре. Верный ленинской политике мира Советский Союз, его правительство, партия, делали и продолжают делать все от них зависящее, чтобы сохранить и упрочить мир. Вспомним как это было...

Год 1973-й. Мы вступили в него со счастливой вестью из Парижа. Здесь было подписано Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Это была наша общая замечательная победа. А спустя полгода в Белом доме в торжественной обстановке главы двух великих держав подписали Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны! В репортажах из Вашингтона деловые люди и обыкновенные, простые американцы в один голос называли это событие победой разума.

Шаг за шагом все прогрессивное человечество продвигалось вперед. Шаг за шагом мир шел к осознанию огромного значения советской внешней политики, направленной против гонки ядерного вооружения. В сорок пятом, ноябрьском номере этого счастливого года—Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве. Делегаты 144 стран, представляющие 1100 политических партий, национальных организаций и движений, прибыли на «генеральную ассамблею народов», как назвал ту встречу Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра. «Мир» и «борьба» — эти разные по значению слова в последние годы встали рядом, и потому не удалось поджигателям войны поднести зажженный факел к «пороховой бочке», где столько собралось уже смертоносных запасов, что только одной их пятнадцатой части достаточно, чтобы превратить земной шар в мертвую пустыню! «Мир — это дело многих поколений и недостаточно его желать. За него надо бороться!» — сказал на этой встрече член английской делегации, писатель Джеймс Олдридж, с которым читатели «Огонька» не раз встречались на страницах нашего журнала. И в этом великом сражении за мир международная встреча миролюбивых сил в Москве стала важным рубежом.

Год 1975-й. Еще одна замечательная победа миролюбивых сил. Первого августа в Хельсинки, во дворце «Финляндия» руководители 33 европейских государств, США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это было беспрецедентное событие не только в истории Европы, но и всего мира. Три дня работы во дворце «Финляндия» увенчали многолетние усилия здравомыслящих сил Европы, и в первую очередь социалистических стран, направленных на укрепление прочного мира. Этот документ подвел политический итог второй мировой войны, создал надежную основу для превращения Европы в континент мира. Государственные и общественные деятели многих стран, международная общественность, пресса в те дни отдавали должное Советскому Союзу и лично Леониду Ильичу Брежневу за большую целеустремленную работу по подготовке и осуществлению этого совещания, напоминая, что путь к его завершающему этапу был отмечен такими вехами, как подписание Договора между СССР и ФРГ и визитами главы Советского государства во Францию, Индию, ФРГ, США.

Слово «разрядка», бывшее до того неологизмом в политическом лексиконе, вошло в разговорный язык. Будущие историки напишут, что семидесятые годы XX столетия были переломными в жизни человечества. Именно в это время вступила в действие советская Программа мира, провозглашенная с трибуны XXIV съезда и развитая на XXV и XXVI съездах КПСС.

**В январе 1974 года братские страны социализма подошли к важному рубежу: Совету Экономической Взаимопомощи исполнилось 25 лет. Этому событию наш журнал посвятил серию репортажей — «К друзьям на «Жигулях». Десять тысяч километров по дорогам семи братских социалистических стран проделала бригада журнала вместе с представителями Волжского автозавода, совершив путешествие на двух машинах «Жигули», которые, образно говоря, рождаются на «Большом конвейере» СЭВа. В путевых репортажах, которые вместе с нами писали журналисты Польши, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Румынии, мы рассказали о том, как работает этот необычный «конвейер», о своих встречах с самыми разными людьми, которые участвуют в осуществлении Комплексной программы.**

Ныне в СЭВ, отметивший в 1979 году свое 30-летие, входят десять стран Европы, Азии и Америки, с общим населением в 434 миллиона человек. Эти страны дают свыше половины прироста мирового промышленного производства, их совокупная индустриальная мощь больше, чем у США, больше, чем у всех государств Западной Европы. С 78 развивающимися государствами сотрудничает СЭВ. При их экономическом и техническом содействии сооружено и сооружается 3560 промышленных предприятий и других объектов в молодых государствах.

Съезды партии были главными событиями жизни нашей страны. Они наметили экономическую стратегию минувшего десятилетия. Что было характерно для пятилеток семидесятых годов? Планы стали теснее увязываться с долгосрочными перспективами. Если на XXIII съезде был назван один крупный комплекс — Братский лесопромышленный, то в Директивах XXIV съезда КПСС предусматривалось создание уже нескольких мощных новых индустриальных районов, комплекс заводов по производству грузовых автомобилей в Татарии, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. Именно тогда было решено приступить к формированию крупнейшего, не имеющего себе равных, Саянского территориально-производственного комплекса и созданию нефтяной промышленности в Западной Сибири. В области сельского хозяйства курс на интенсификацию сопровождался увеличением государственных вложений в развитие колхозно-совхозного производства. Были начаты комплексные работы по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. В журнале появились фотографии и очерки, рассказывающие о переменах на селе Калининской, Ярославской, Костромской, Вологодской и других областей, рассказ о создании районного агропромышленного объединения в Талсах Латвийской ССР.

Но главный, коренной поворот в подъеме сельского хозяйства и связанных с ним отраслей произведет осуществление грандиозной Продовольственной программы, одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК партии. Это центральная хозяйственная и политическая проблема десятилетия.

«Огонек» посылает своих репортеров по адресам новых строек, появившихся на карте: Набережные Челны, Волгодонск, БАМ, трасса газопровода от Оренбуржья к Западной границе СССР, Канско-Ачинский угольный бассейн, Павлодар — Экибастузский комплекс в Казахстане...

Претворение в жизнь таких масштабных замыслов стало возможным потому, что страна встала на путь научно-технического перевооружения. Современные предприятия невозможно уже представить себе без АСУ — автоматических систем управления. Сегодня мы знаем, сколь успешно выполняются эти грандиозные программы. С ними связаны, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, крупные перемены, происшедшие в размещении производительных сил страны. Они позволили, например, в десятой пятилетке обеспечить весь общесоюзный прирост нефти, газа и угля. Уже действует первый на трассе БАМа Южно-Якутский комплекс. Дает уголь и наращивает мощности Нерюнгринский угольный разрез.

**«Мы знали, — рассказывала на наших страницах Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, главный геолог С. С. Каримова, — уголь — это первый этап. Понадобится много железа, и это будет второй этап в истории юга Якутии. А руды тут много, и с высоким содержанием железа, и лежит она прямо, можно сказать, на дороге, недалеко от Нерюнгри, в бассейне реки Чары...»**

Нам памятен в эти годы первый в мире выход атомного ледокола на Северный полюс. Пуск самого крупного в мире атомного реактора на быстрых нейтронах. Вот они, шаги пятилеток Страны Советов!

**...История творится буднично. Или, может быть, так кажется нам, современникам? В «Правде» за январь 1973 года помещены две заметки. В одной рассказывалось о том, что в освобожденных районах Лаоса советские журналисты встретились с Председателем ЦК Патриотического фронта Лаоса,**

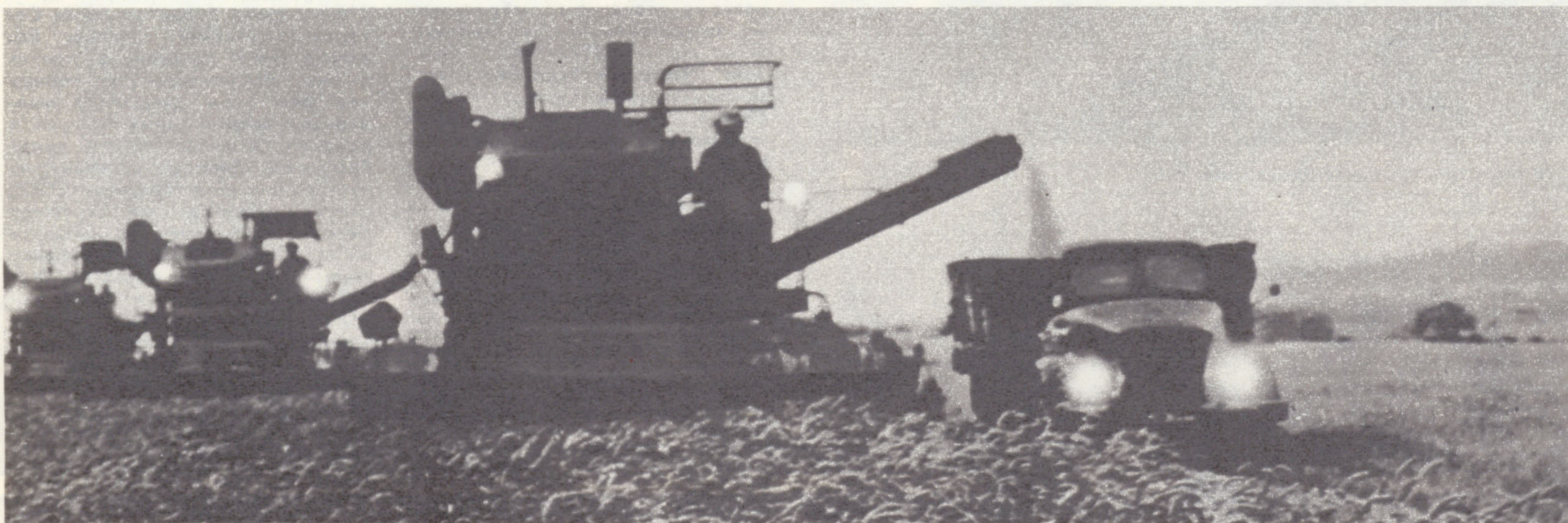




Торжественное открытие совещания

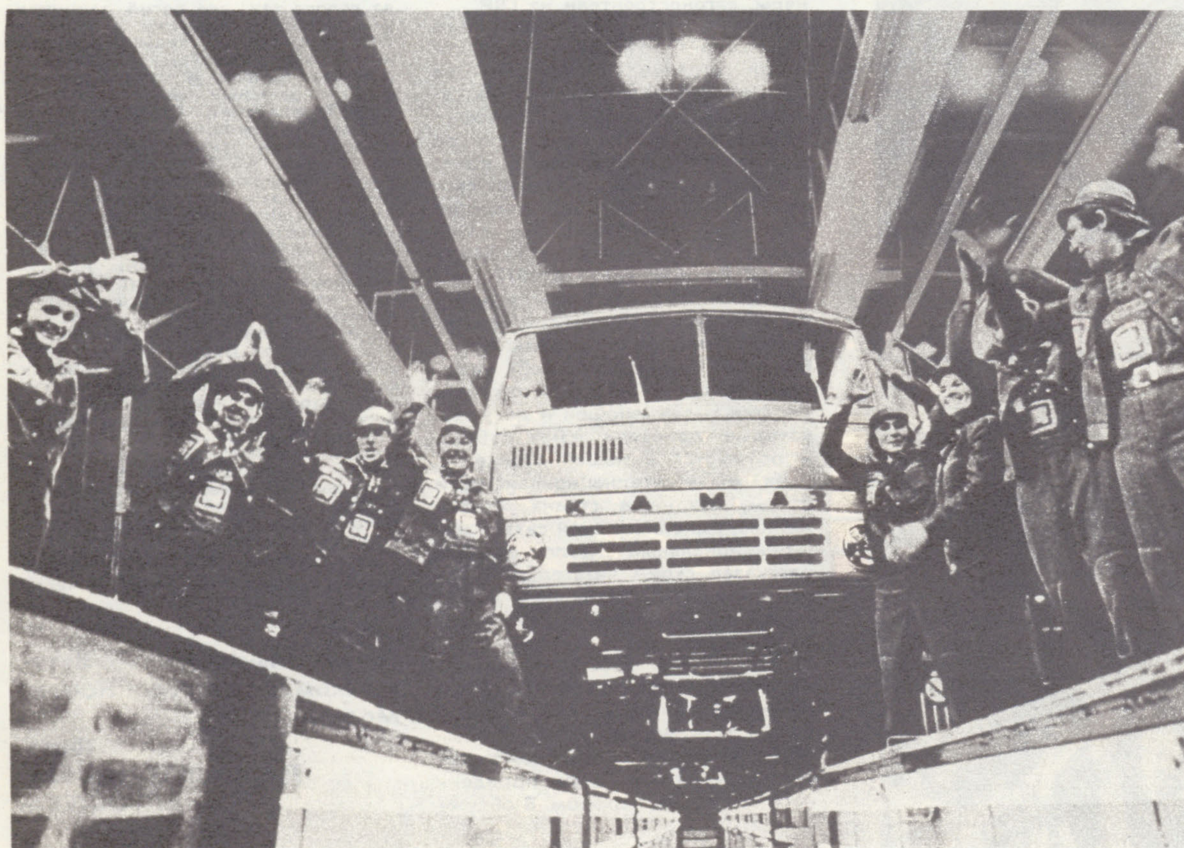
# ПОБЕДА РАЗУМА

1975 год. Хельсинки. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

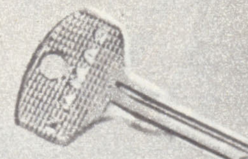


1974 год. Битва за хлеб шла днем и ночью.

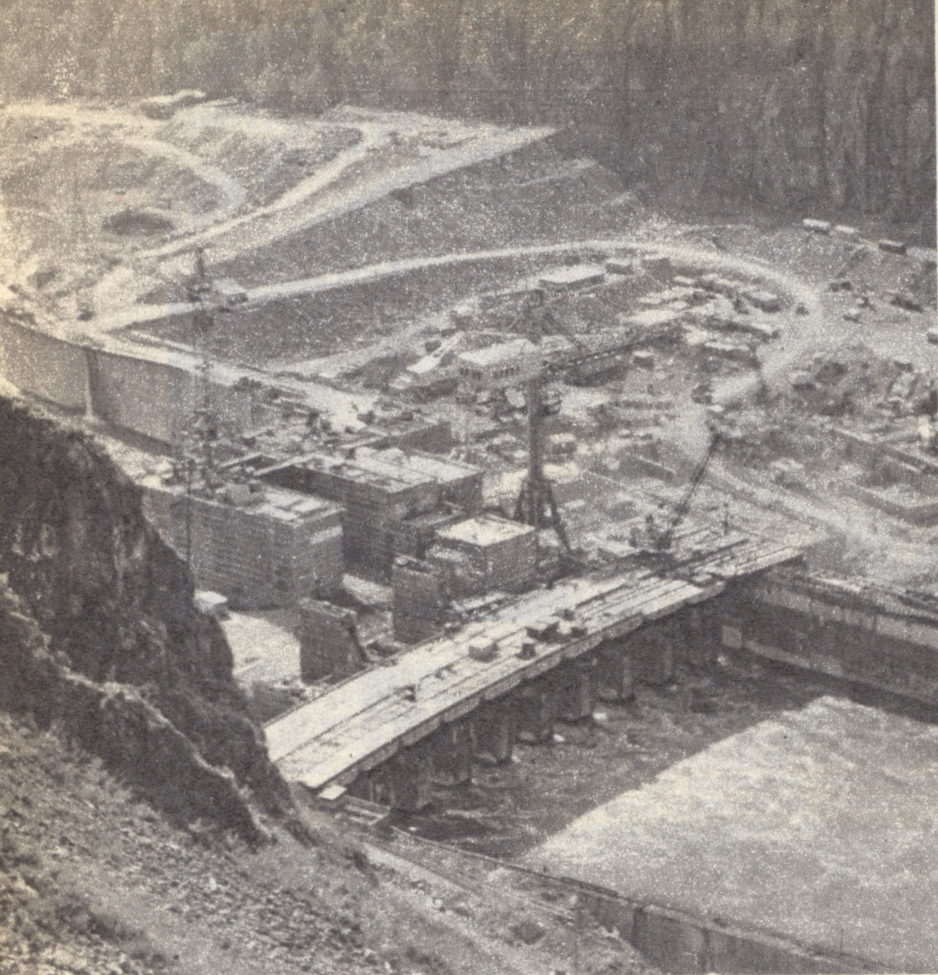
1976 год. Рождение первого КамАЗа.





# ЗДРАВСТВУЙ, КАМАЗ!



1976 год. Строится Саяно-Шушенская ГЭС.



1976 год. Делегаты XXV съезда КПСС Герои Социалистического Труда В. П. Сериков и Н. А. Злобин.

1979 год. На Южно-Якутском территориально-производственном комплексе.



**принцем Суфанувонгом. «Ежедневно американские самолеты сбрасывают тонны бомб на школы, больницы, рисовые поля,— сказал он.— Но империалистам не сломить дух нашего народа!» В другой информации сообщалось, что в трех из девяти провинций Мозамбика патриоты ведут активные боевые действия против португальских колонизаторов... Бойцы ФРЕЛИМО удерживают территорию в десятки тысяч квадратных километров.**

Спустя два года на карте мира появились два новых независимых государства — Лаосская Народно-Демократическая Республика и Народная Республика Мозамбик. Одному из пишущих эти строки довелось тогда проехать по всему освобожденному Лаосу, увидеть, как начиналась новая жизнь, а перед отъездом встретиться с Президентом ЛНДР, членом Политбюро ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председателем Верховного народного собрания республики товарищем Суфанувонгом.

А в двадцать шестом номере за минувший год были помещены репортажи из Мозамбика. Тяжелое наследство досталось молодому революционно-демократическому государству, сбросившему пятивековое иго, и Председатель партии ФРЕЛИМО, Президент Народной Республики Мозамбик товарищ Самора Мойзес Машел, рассказывая о главных достижениях первых шести лет жизни страны, подчеркнул то неоценимое значение, которое имеет интернациональная помощь Советской страны, других стран социализма.

**И они вошли в огоньковский репортаж, люди, приехавшие помочь свободному Мозамбику. Инженер Владимир Алексеевич Забелин, который руководит проектом комплексного освоения долины реки Лимпопо, чтобы решить острую продовольственную проблему. Хлопкороб из Узбекистана Мухаммад Абайдуллаев, обучающий в госхозе «Мезерпаны» выращиванию высоких урожаев хлопка. Мастер производственного обучения из Душанбе Равиль Иблеев, который в Центре профтехобразования, созданном при участии нашей страны в местечке Матола, ведет занятия с будущими сварщиками. Здесь работают самозабвенно, отказываясь от выходных дней, советские геологи, болгарские врачи, кубинские учителя, венгерские инженеры, вагоностроители из ГДР.**

В тяжкие послевоенные годы Советский Союз бескорыстно помогал странам, вступившим на путь социализма. Помните тех самых первых студентов, которые приехали к нам из этих стран за знаниями? Мы дружили с ними, мы любили их, мы считали их своими родными. Как же радостно было нам получить от них сотни писем с объяснением в любви к нашей Родине, когда в 1977 году «Огонек» объявил международный конкурс «По следам советского диплома»! «Полпреды дружбы с СССР» — так они себя называют. И так будут себя называть десятки тысяч юношей и девушек, которые приехали из-за рубежа и обучаются в нашей стране.

Да, мы — интернационалисты, и о том, как наша страна, страна Ленина, выполняет свой святой интернациональный долг, журнал рассказал своим читателям в репортажах из Республики Куба, Вьетнама, Кампучии, Индии, Анголы, Афганистана...

...Год 1977-й. Шестидесятилетие Великого Октября. В тот год была принята новая Конституция Союза ССР. Связь между этими событиями прямая — в Основном законе подведен итог пути, пройденного советским народом. В обсуждении проекта участвовало свыше 140 миллионов человек — более четырех пятых взрослого населения нашей страны. Поступило около 400 тысяч предложений и добавлений. Такое событие в жизни СССР не могла обойти молчанием даже буржуазная пресса. Американская газета «Балтимор сан» вынуждена была признать, что этот проект предусматривает для советских граждан «более полные права по сравнению с любыми западными конституциями: право на труд, отдых, выбор профессии, социальное обеспечение, обеспечение жильем, образование, бесплатную медицинскую помощь».

В Основном законе отражены значительные итоги движения нашего общества по пути к формированию новой исторической общности людей — советского народа.

...В истории нашего народа есть даты, которые вечно и свято будут хранить наши потомки. День Победы в мае сорок пятого... Как он уже далек и как он всем нам близок! В тот незабываемый счастливый день мы еще не знали, что пройдет всего четыре года и в Вашингтоне будет подписан Североатлантический договор. Его острие будет направлено против страны, заплатившей за победу над фашизмом двадцатью миллионами жизней своих сыновей и дочерей, а также против стран Восточной Европы, вставших на путь социализма. Границы СССР, границы наших друзей окружили американские военные базы, и тогда, в мае 1955 года, в Варшаве главы восьми правительств европейских социалистических стран подписали коллективный союзнический договор, который вошел в историю как Варшавский Договор.

**Память о войне — оружие против войны. И, вступив в год 35-летия Великой Победы, «Огонек» обратился к участникам минувшей битвы, к их отцам, матерям, женам, детям и внукам с просьбой прислать к нам в редакцию фронтовые письма и фотографии. Мы получили полторы тысячи бесценных документов, которые по сей день хранятся как реликвия, особенно в тех домах, где так и не дождались родных, любимых. И зазвучали в «Летописи Великой Отечественной» со страниц журнала голоса тех, кто погиб, защищая Родину. Сражаясь, они мечтали о том, как будут строить мирную жизнь после победы, и завещали нам беречь мир. И на страже его стоит надежный щит социализма — Варшавский Договор. В интервью, посвященном его 25-летию, первый заместитель министра обороны СССР, Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, Маршал Советского Союза В. Г. Куликов, который юным лейтенантом в первые дни войны принял тяжелый бой с врагами, подчеркнул, что создание этого военно-политического союза братских стран социализма было вынужденной, ответной мерой. Темпы гонки вооружений капиталистических стран раскручиваются, и не учитывать этого страны Варшавского Договора не могут. Они принимают соответствующие меры. Провоцирование ракетно-ядерного состязания в мире, а тем более в Европе,— дело опасное и бесперспективное. Советский Союз не допустит, чтобы с ним разговаривали с позиции силы!**

Да, враги мира и разрядки вынуждают наше государство часть

---

**Триумфальная арка на Кутузовском проспекте * Ночная Москва.**

**Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА**



средств — и немалых притом — тратить на укрепление обороноспособности страны. Но главная задача партии направлена на благо человека. Не случайно документы планов 9, 10 и 11-й пятилеток начинаются со слов об обеспечении значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа...

Давайте вместе вспомним!

Девятая пятилетка. Повышен минимум зарплаты, тарифные ставки и оклад среднеоплачиваемой категории рабочих и служащих отраслей материального производства. Увеличена зарплата врачам, учителям, воспитателям дошкольных учреждений. Увеличены доплаты за работу в ночное время для рабочих. В результате — повышена оплата труда более 75 миллионам человек.

Повышены минимальные размеры пенсий по старости. Увеличено число оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком. Увеличены стипендии студентам.

В результате возросли доходы еще у 40 миллионов человек!

Десятая пятилетка. Увеличена зарплата отдельным категориям работников черной и цветной металлургии, угольной, сланцевой и текстильной промышленности... В результате повышения окладов и тарифных ставок работников непроизводственных отраслей зарплата увеличена 31 миллиону рабочих и служащих.

Улучшены материально-бытовые условия участников Великой Отечественной войны... Введена бесплатная выдача учебников ученикам I—V классов.

А вот как росли выплаты и льготы из общественных фондов потребления на душу населения: 1970 год — 262 рубля; 1975 год — 354 рубля; 1980 год — 438 рублей.

За девятую и десятую пятилетки улучшили жилищные условия более ста миллионов человек! Ныне около 80 процентов городского населения живет в отдельных квартирах.

...На страницах «Огонька» очерк, рассказывающий о старинном рабочем роде Романовых из Подмосковной Коломны, судьбе его молодых поколений; история наследников крестьянской династии Меллупсов из Латвийского колхоза «Страуме».

**«Счастлива ли я? Да! Вы же видели, какие у меня дети, как живут, — рассказывала основательница рода, 74-летняя Эльза Меллупс. — Могла ли я мечтать, что у каждого будет свой дом, да еще кирпичный? А мебель посмотрели? А «Жигули», которые купила семья дочки Дзинтры? Вот так Советская власть оплачивает труд моих детей! Знаем мы с Антоном, что не всем за границей нравится наша счастливая жизнь. Забыли войну, что ли? А я помню, как вернулся Антон с фронта, рассказывал, как освобождал Латвию, наши места. Он вернулся, а многие не вернулись. Я простая крестьянка, но знаю цену мира на земле!»**

**Трагично могла бы сложиться судьба Сергея Михайловича Романова, доведись ему жить в капиталистическом мире. «Я работал слесарем-сборщиком корпусно-сварочного цеха. Производство очень шумное. Врачи обнаружили у меня начинающуюся профессиональную болезнь, частичную потерю слуха, — рассказывал Романов. — Что бы сделал заводчик, прежний хозяин предприятия, на котором работал мой прадед, или капиталист в буржуазной стране? Выбросил бы меня на улицу, и точка. А мне в цехе подобрали другое занятие. Я теперь слесарь-инструментальщик. Работаю в помещении, где нет никакого грохота. Получаю по инвалидности пособие — 85 рублей плюс оклад. Брат мой достиг пенсионного возраста, но продолжает работать, его даже повысили в должности, он теперь не наладчик, а мастер».**

Такое немыслимо в стране капитала. Точно так же невозможно представить, чтобы там рабочий заботился об увеличении прибылей хозяина и его процветании. В социалистической стране экономить, повышать производительность труда — значит увеличивать общенародное благо.

В этом десятилетии, когда страна приступила к крупномасштабным стройкам-комплексам, «Огонек» отдал немало страниц проблемам низового хозрасчета — бригадного подряда. Предложили его два бригадира, независимо друг от друга. Один, Владислав Сериков, строил на Кольском полуострове рудник, мясокомбинат, мельницу. Другой, Николай Злобин, — жилые дома в Подмосковье. Вот в «Огоньке» их портреты, а вот и рассказы В. Серикова: «Подряд и его стимулы» и «Что мешает подряду». Да, за подряд надо бороться, есть у него помехи, и «Огонек» рассылает своих корреспондентов на подшефные стройки — КамАЗ, БАМ, «Атоммаш». Помогает испытанный рычаг социализма — соревнование. В его орбите сотни, тысячи, десятки тысяч подрядных бригад. Они строят быстрее, дешевле, лучше. Такое может быть только в социалистической стране!

...В 1980 году на четырех обложках нашего журнала Игры XXII Олимпиады. И это неудивительно! Мы помним, как готовилась и как проходила она. Впервые за почти вековую историю олимпийского движения Игры состоялись в социалистической стране, и олимпийский огонь, преодолев расстояние в пять тысяч километров, был доставлен из Эллады в Москву. И впервые в истории современного олимпизма так четко встала перед странами, перед правительствами альтернатива. «Да» — Играм, «да» — международному сотрудничеству. «Нет» — Играм, «да» — холодной войне». «Олимпиада в Москве выявила тех, кто на словах за разрядку, а на деле старался столкнуть ее на «гололед» «холодной войны», — писал в те дни «Огонек», рассказывая своим читателям о провале попыток администрации президента США Картера сорвать проведение Олимпийских игр на советской земле. Своим бойкотом США стремились нанести удар по политике разрядки. Хотя американской администрации удалось не допустить участия в Играх своих спортсменов и спортсменов тех стран, что идут в фарватере американской политики, высокие спортивные достижения московских Игр показали, что они стали новым шагом в развитии мирового спорта. За две олимпийские недели было установлено 36 мировых и 74 олимпийских рекорда!

**Те, кто пытался угрозами, подкупом и шантажом сорвать Игры, не учли растущей мощи и демократизма современного олимпийского движения. Только за последние перед встречей в Москве четыре года в него вошли четырнадцать стран, в том числе такие, как Лаос, Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Мавритания, и другие. «Восхитительные, выдающиеся Игры», «Это — праздник молодости и спорта служит миру между народами!» — под такими заголовками шли из Москвы репортажи иностранных журналистов. И большинству из них пришлись по душе слова лорда Килланина, заявившего на**



1982 год. Участники Марша мира-82 на площади Ленинского комсомола в Киеве.




1982 год. На трассе газопровода Уренгой — Ужгород.



1982 год. Эльза Меллупс и ее внуки.



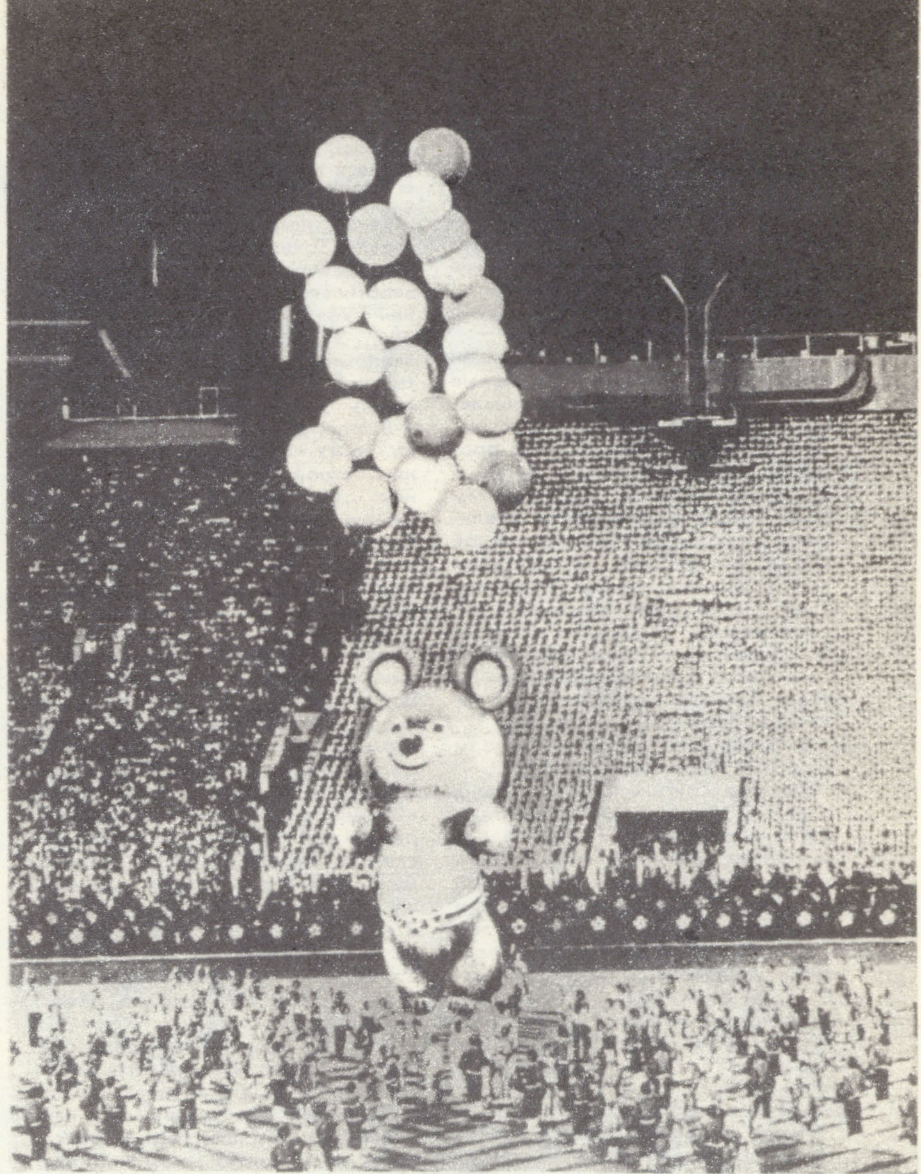
1973 год. Третий семестр.

1977 год. Бригада К. Альчикова — победитель соревнования коллективов «Камгэсэнергостроя» на приз «Огонька».



**Экскурсия в Кремле.**



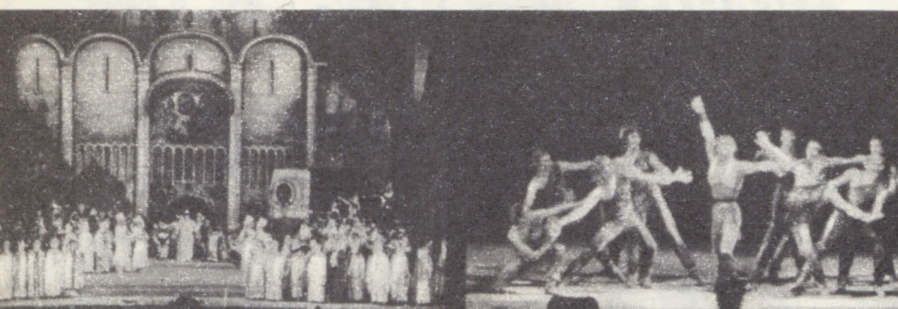



1975 год. Советские и американские космонавты на орбите Земли.

1976 год. 200 лет Большому театру.

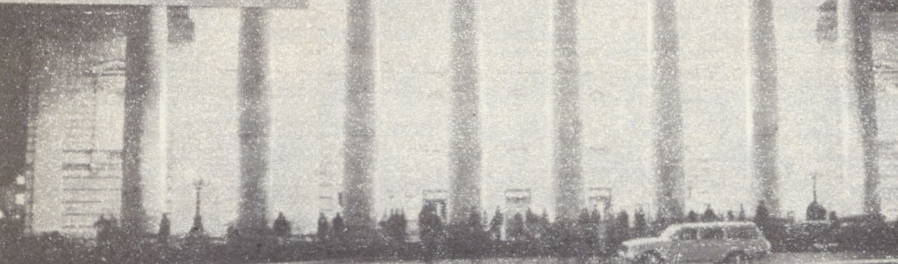
1980 год. Закрытие игр XXII Московской Олимпиады.

1982 год. Весь мир был потрясен трагическими событиями в Ливане.

















открытии Игр, что он особо приветствует тех, кто, приехав в Москву, продемонстрировал свою независимость. Спорт — это мир и для нашей страны и для других участников Олимпиады-80, борьба за ее проведение стала частью борьбы за отстаивание достижений разрядки.

Юрий Гагарин, первый человек, увидевший нашу планету из космоса, сказал: «Не является ли наша Земля... космическим кораблем, который несется в просторах Вселенной? Этот корабль принадлежит нам, всем народам, и его команда должна жить в мире и дружбе». И минувшее десятилетие оставило потомкам замечательные свидетельства дружной работы в космосе посланцев двенадцати государств!

15 июля 1975 года. С космодрома Байконур стартовал на орбиту советский космический корабль «Союз-19» для осуществления стыковки и совместного полета с американским космическим кораблем «Аполлон». В те дни «Огонек» вел репортаж из подмосковного Центра управления, где на столе руководителя полетом А. С. Елисеева стояли красные телефонные аппараты прямой связи с Хьюстоном, с его коллегой Питом Франком. И вот оно, наконец, долгожданное сообщение — «Есть стыковка!» Люк «Союза-19» открылся, и мы услышали слова Алексея Леонова, обращенные к Томасу Стаффорду: «Ну, давай, Том, входи же, наконец!» Все телекомментаторы мира вели в те часы передачи, и человечество, словно одна семья, волновалось и радовалось за своих пятерых сыновей, ведущих в космосе невиданный эксперимент. Обратившись с посланием к экипажам двух кораблей, президент США Дж. Форд назвал это явление историческим событием.

А вслед за тем социализм вписал в историю освоения космоса человеком новую страницу. 3 марта 1978 года в 20 часов 10 минут московского времени была произведена стыковка космического корабля, пилотируемого первым международным экипажем в составе командира корабля летчика-космонавта Алексея Губарева и космонавта-исследователя, гражданина ЧССР Владимира Ремека с орбитальным комплексом «Салют-6» — «Союз-27»,— и на околоземной орбите начал впервые работать международный экипаж. С того дня открылся новый этап совместного исследования и использования космического пространства, проводимых в мирных целях социалистическими странами — участницами программы «Интеркосмос». На космической целине проложили свою борозду сыны Польши, ГДР и Болгарии, Венгрии и Вьетнама, Кубы и Монголии, Румынии. Летом этого года на научной орбитальной станции «Салют-7» семь суток работал советско-французский экипаж, и сейчас, в эти дни, в Звездном городке готовятся к старту кандидаты в космическую семью из Индии.

...История творится на наших глазах. В начале этого десятилетия мир радовался советско-американскому рукопожатию в космосе. И сегодня мир встревожен безумием вашингтонских стратегов, которые выделили в нынешнем финансовом году миллиарды долларов только на космические программы Пентагона и подталкивают работу по созданию лазерного космического оружия. Этого не должно случиться! К началу восьмидесятых годов чаши мировых весов политики резко заколебались. Сенат США отложил дебаты по договору об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2), а Совет НАТО принял безрассудное решение установить в странах Западной Европы еще 600 американских ядерных ракет, превратив тем самым ее в ядерную заложницу Пентагона. И «Огонек» публикует репортажи, разоблачающие американских торговцев смертью.

Ливан... Сколько раз за последние месяцы взоры миллионов людей обращались к этой многострадальной арабской стране, ставшей жертвой наглой израильской агрессии. Мужественные защитники Бейрута не склонили головы перед интервентами! Журнал рассказывает о бесчинствах израильских фашистов в Ливане, печатает фотографии и свидетельства палестинских патриотов о геноциде, творящемся с ведома администрации американского президента Рейгана.

И планета снова благодарно откликнулась на голос миролюбия, разума и доброй воли, прозвучавшего летом минувшего года из Москвы в обращении «К парламентам и народам мира». Оптимизмом, верой в то, что можно уберечь планету от ядерного пожара, проникнуто это обращение. Наша страна продолжает последовательно и твердо вести борьбу за мир.

«СССР вообще отвергает точку зрения тех, кто пытается внушить людям, будто сила, оружие решают и всегда будут решать все,— заявил на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов.— Ныне на авансцену истории, как никогда ранее, выходят народы. Они обрели право голоса, который никому не заглушить. Они способны активными и целеустремленными действиями устранить угрозу ядерной войны, сберечь мир, а значит, и жизнь на нашей планете. И Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство будут делать все, чтобы так оно и было».

Да, мы — оптимисты, но оптимизм наш реальный, действенный. Вернемся к событию, которое происходило 30 декабря 1922 года, в одиннадцать утра в Большом театре. В тот день претворилась в жизнь воля 132-миллионного многонационального населения страны — открылся I съезд Союза Советских Социалистических Республик. К съезду в Москве было аккредитовано 12 полномочных представителей: из Германии, Эстонии, Финляндии, Латвии, Литвы, Турции, Персии, Афганистана, Монголии, Бухары и Хорезма; Польскую республику представлял поверенный в делах; Великобританию, Италию, Швецию, Норвегию и Чехословакию — уполномоченные по коммерческим отношениям. А ныне наша страна имеет дипломатические отношения со 132 странами мира. И сегодня, в канун нашего праздника — шестидесятилетия СССР,— мы с гордостью говорим: посмотрите, какой могущественной стала наша Родина, каким величественным, богатым стал наш общий большой дом — Союз Советских Социалистических Республик!

**Новелла ИВАНОВА,**
**Галина КУЛИКОВСКАЯ**

# ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

## ПО СТРАНИЦАМ «ОГОНЬКА»

**1973** **25 МАЯ.** Ввод в действие первого комплекса Нурекской ГЭС.

**22 ИЮНЯ.** Подписание Соглашения между СССР и США о предотвращении ядерной войны.

**25—31 ОКТЯБРЯ.** Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве.

**1974** **ЯНВАРЬ.** 25 лет со дня основания Совета Экономической Взаимопомощи.

**7 ФЕВРАЛЯ.** Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Академии наук СССР орденом Ленина в связи с 250-летием со дня основания.

**20 МАРТА.** Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

**23—27 АПРЕЛЯ.** XVII съезд ВЛКСМ.

**30 ДЕКАБРЯ.** Ввод в действие на Криворожском металлургическом заводе имени В. И. Ленина крупнейшей в мире доменной печи.

**1975** **29 ИЮНЯ.** Ввод в действие крупнейшей в мире термоядерной установки «Токамак-10».

**15—21 ИЮЛЯ.** Экспериментальный полет и стыковка космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон».

**1 АВГУСТА.** Подписание в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

**1976** **24 ФЕВРАЛЯ — 5 МАРТА.** XXV съезд КПСС.

**28 МАЯ.** Подписание Договора между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

**29 ДЕКАБРЯ.** Ввод в действие первой очереди Камского объединения по производству большегрузных автомобилей.

**1977** **21—25 МАРТА.** XVI съезд профсоюзов СССР.

**7 ОКТЯБРЯ.** Внеочередная сессия Верховного Совета СССР, на которой была утверждена новая Конституция.

**1978** **2—10 МАРТА.** Первый международный полет по программе «Интеркосмоса».

**25—28 АПРЕЛЯ.** XVIII съезд ВЛКСМ.

**13 ОКТЯБРЯ.** Вступил в строй газопровод «Союз», сооруженный силами и средствами стран — членов СЭВ.

**18 ДЕКАБРЯ.** Ввод в действие первой очереди волгодонского завода «Атоммаш».

**19 ДЕКАБРЯ.** Пуск первого агрегата Саяно-Шушенской ГЭС.

**1979** **17—24 ЯНВАРЯ.** Всесоюзная перепись населения.

**20 ЯНВАРЯ.** Включение энергосистемы СССР в Объединенную энергосистему стран — членов СЭВ «Мир».

**6 МАЯ.** Опубликование Постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

**12 ИЮЛЯ.** Опубликование Постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов».

**1980** **1 ЯНВАРЯ.** На БАМе открылось движение поездов на участке Тында — Беркакит.

**14 МАЯ.** 25 лет со дня подписания Варшавского Договора.

**19 ИЮЛЯ — 3 АВГУСТА.** Игры XXII Олимпиады в Москве.

**8 СЕНТЯБРЯ.** Празднование 600-летия Куликовской битвы.

**1981** **23 ФЕВРАЛЯ — 3 МАРТА.** XXVI съезд КПСС.

**1982** **16—20 МАРТА.** XVII съезд профсоюзов СССР.

**18—21 МАЯ.** XIX съезд ВЛКСМ.

**24 МАЯ.** Пленум ЦК КПСС принял Продовольственную программу СССР на период до 1990 года.

**10 НОЯБРЯ.** Смерть Л. И. Брежнева.

**12 НОЯБРЯ.** Внеочередной Пленум ЦК КПСС избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропова.




# В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

## БРАТ БРАТОМ СИЛЕН

Гурия — прекрасная, благодатная земля! Полюбишь ее, отдашь ей свое сердце, свой труд, и родит она щедрые урожаи чая, цитрусовых, винограда. Мы, гурийцы,— народ немногочисленный, а земляки наши известны на всю страну. Революционер, большевик Филипп Махарадзе — его имя носит районный центр, мой родной город. Герой-партизан времен гражданской войны Нестор Каландаришвили. Семья Леселидзе — четверых сыновей проводила мать на Великую Отечественную, вернулся из них только один. Константин Леселидзе и его брат Виктор удостоены высокого звания Героя. Другой наш земляк — крупный советский военачальник, Герой Советского Союза П. Г. Чанчибадзе. В годы войны из Махарадзевского района ушли на фронт около двенадцати тысяч человек, каждый второй пал на полях сражений.

...Гремели бои. Из белорусских и украинских сел и городов прибывали к нам оборванные, голодные люди, лишенные крова над головой. Много приняли мы эвакуированных из Генического района Херсонской области, особенно из колхоза «Ровно». Еще до войны подписали договор о соцсоревновании колхоз «Шрома» и украинский колхоз «Ровно». Встречали мы их как родных. Делились последним, гуриец никогда не оставит друга в беде.

После тяжелого ранения получил отпуск молоденький лейтенант Лаврентьев. Надо долечиться, отдохнуть. Но дома, на Херсонщине, уже хозяйничали немцы. И тогда он приехал в колхоз «Шрома». Как родного сына приняла его грузинская крестьянка Меленки Мжаванадзе. Выходила, поставила на ноги. Своей второй матерью назвал ее лейтенант Лаврентьев. Когда был освобожден от оккупации Генический район, тишину грузинского села разорвали выстрелы винтовки: председатель колхоза «Шрома» М. Орагвелидзе салютовал в честь освобождения своих побратимов. Есть у нас фотография, запечатлевшая этот момент.

Дружба продолжается и сейчас. В колхозе решили построить животноводческую ферму, но опыта не было, дело новое, трудное. За помощью обратились в Генический район. Съездили туда, поучились. Сейчас в колхозе прекрасная ферма.

Приезжают к нам в гости жители других городов страны. Совсем недавно в Махарадзе побывала делегация совхоза «Знамя Октября» из Минской области. Совхозный фольклорный ансамбль «Лявониха» выступал у нас уже дважды. Гурийцам нравятся белорусские народные пляски, песни. А коллектив нашей художественной самодеятельности, в свою очередь, показывал свое мастерство белорусским колхозникам.

Радуются люди, что можно вот так, запросто, по-соседски приехать в гости, поделиться опытом. Но память никогда не забудет пережитое в годы войны. Живет в нашем городе Владимир Мануилович Талаквадзе. Сейчас он председатель Совета ветеранов войны, а в те далекие годы был командиром партизанской бригады в Белоруссии. Освобождал те города и села, где мы сейчас показываем свое мастерство и национальное искусство.

Говорит о себе Владимир Мануилович очень скупо:

— Войну я встретил на границе, молодым лейтенантом. Отступал, был ранен. Под Великими Луками наш госпиталь попал в окружение. Собрав группу бойцов в сто человек, ушел в леса Белоруссии. В марте 1942 года создали партизанский отряд «Грозный», командиром которого был я, а комиссаром — бывший учитель истории белорус Н. Жижков. Уже в конце месяца отряд освободил три сельсовета, несколько деревень. В сентябре нас стало 800 человек. С боями отряд вырос в бригаду. Представляете, какая сила в тылу — три тысячи партизан. В июне 1944 года бригада соединилась с частями Советской Армии.

За боевые заслуги В. М. Талаквадзе награжден многими наградами. Он почетный гражданин белорусского города Витебска.

В Махарадзе в декабре прошлого года был открыт музей боевой славы. На открытие приехали ветераны войны из многих уголков нашей Родины. И, конечно же, из Белоруссии, Украины. Директор музея — Георгий Антонович Хохленко — сам участник войны, кандидат исторических наук, настоящий энтузиаст своего дела. Часто он ведет экскурсии, рассказывает о том, как участвовали уроженцы нашего города в революционном движении, о подвиге моих земляков в годы Великой Отечественной войны, о сегодняшнем дне Махарадзе.

Гурия — маленькая часть нашей огромной многонациональной Родины. Но в истории моей земли, в жизни моего народа, как мне кажется, отразились все достижения, вся суть ленинской национальной политики. Недаром же один из разделов музея так и назван — «Брат братом силен».

**Г. НИКОЛАИШВИЛИ,**
инспектор роно

Махарадзе,
Грузинской ССР.

## НА ЗЕМЛЕ КУБАНСКОЙ



Монтажники комсомольско-молодежной бригады Николая Сыпко. Фото Б. Охотина

Когда на Краснодарский химзавод, строящийся рядом в Белореченске, приехали гости — писатели Азербайджана, Адыгеи, Украины, каждого из них приветствовали на их родном языке. А секретарь парткома стройки Владимир Семенович Галкин заметил:

— Если к нам приедут писатели даже не трех, а тридцати национальностей, то, вероятно, каждый найдет с кем поговорить на своем языке. Ведь у нас работают люди более чем сорока народностей.

Сегодня на стройке и заводе хорошо знают Валерия Хачатуровича Саарбекова, начальника цеха экстракционной фосфорной кислоты, как энергичного и инициативного инженера. Признание пришло не сразу. В Белореченск Саарбеков приехал из Сумгаита около двух лет назад. Поначалу он производил впечатление человека застенчивого, мягкого, казалось бы, мало подходящего для должности командира производства. Его и назначили замом. Шло время, и Саарбеков постепенно раскрывался. Оказалось, что за «тихой» внешностью прячется одержимость, за медлительностью — стремление решать все не наспех, а основательно, по-инженерному, с дальним прицелом, прощупав все своими руками. Недаром одно из самых любимых выражений Саарбекова: «Я должен удостовериться лично».

Мне доводилось видеть, как Валерий Хачатурович основательно беседовал с каждым поступающим на работу в цех, стараясь точно определить, где он может оказаться полезнее.

Видел, как он в напряженные дни пуска боялся хоть на минуту оставить цех. И жена, отчаявшись дождаться его дома, приносила на завод ужин... собственно, уже завтрак.

Ныне цех экстракционной фосфорной кислоты кубанского завода плодородия, крупнейший в стране, вступил в действие. Освоено сложное зарубежное оборудование, обучены люди, создан боевой, способный на большие дела коллектив. Есть в этом заслуга и коммуниста Валерия Хачатуровича Саарбекова, его заместителя молодого инженера Владимира Степановича Пальчика, других его помощников.

Саарбеков еще недавно шутливо называл себя азербайджанцем армянского происхождения.

— А уж кто я сейчас, просто запутался. Азербайджанский кубанец армянского происхождения, что ли? — шутит Валерий Хачатурович.

Кубань стала вторым домом и для начальника цеха серной кислоты Виктора Федоровича Цыпкина, для главного прибориста завода Норберта Латыповича Совбанова и ведущих специалистов Бенедикта Иосифовича Лернера, Урала Рахимовича Каримова, Валерия Петровича Лисовицкого и Эдуарда Ахметовича Тарзиева и, конечно, для директора завода Николая Ивановича Андреева. Каждый из них — человек завидной и яркой судьбы. По-разному складывалась она в начале пути. И вот сейчас свела всех воедино.

Что цементирует их, сынов и дочерей разных народов Страны Советов, сплачивает в единую семью?

Листаю страницы летописи ударной стройки. Вот по почину бригады плотников-бетонщиков треста «Краснодархимстрой» Вячеслава Бороздина развертывается соревнование за право уложить первый кубометр бетона. Рядом с бригадой В. Бороздина идут плотники-бетонщики Гарюкуна Акопяна. Их называют «друзья-соперники». Спрашиваю Артема (так здесь на свой украинский лад переделали имя Гарюкуна):

— Как ты думаешь, кто победит?

— Наша бригада. Но хочу, чтобы бетон мы укладывали вместе с Вячеславом.

Так и было. На митинге в июле 1974 года с алыми лентами победителей социалистического соревнования через плечо в котлован спустились лучшие люди этих двух бригад.

Дружба и соперничество, товарищеская взаимопомощь и выручка, соревнование по принципу «рабочей эстафеты» — это традиция. Во имя общего дела здесь отдадут товарищам машину с бетоном, вибраторы, поделятся кислородом и электродами, помогут с башенным краном, откроют свои «секреты».

С первого колышка работает на стройке бригадиром Александр Васильевич Пушкарев, прибывший из Донбасса. Коммунист, наставник. Здесь он был награжден орденом Дружбы народов. Его постоянный соперник в соревновании на стройке — Анатолий Сергеевич Кутейников, тоже бригадир, партгрупорг участка, депутат городского Совета, рассказывает:

— Свой путь на стройке я начинал в бригаде Александра Васильевича. Учился у него, старался. Сдал на четвертый разряд, так что иногда Васильич оставлял меня в бригаде за себя. Стройка росла, создавались новые коллективы. Александр Васильевич рекомендовал меня бригадиром: «Расти, Толя!» Дал мне рекомендацию в партию. Вот такой он человек, щедрый сердцем.

Вспоминается еще такой случай. Однажды молодой бригаде из СМУ-58 поручили делать фундаменты под цех. По техническим условиям бетонирование должно вестись непрерывно, днем и ночью. А опытных кадров еще не было. Обратились в бригады Н. Калашникова и Ю. Усенко из СМУ-56, самого «старого» на стройке. Опытнейшие сварщики, бетонщики были посланы в помощь бригадам А. Масютина и А. Суруханяна.

Многих интересных людей можно было бы еще назвать, рассказывая об ударной стройке в Белореченске.

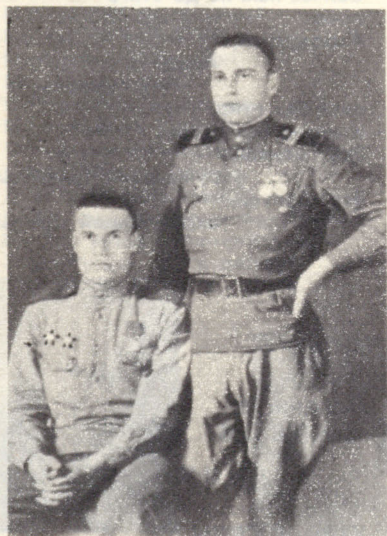
Недаром одна из главных улиц в городе называется Интернациональной. На ней живу я и мои друзья-строители.

**В. ЛАДЕЙЩИКОВ**

Белореченск,
Краснодарского края.

# ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

«Счастливой дороги в будущее,— каждую весну желает выпускникам директор Ольгопольской сельской школы Винницкой области Иван Петрович Байдюк.— Желаю вам высоко пронести честь школы через всю свою жизнь, прославить, как многие прежние выпускники, родное село трудовыми подвигами во имя процветания нашей Родины».



Свыше двух десятков лет руководит он школой. Каждый приходящий сюда может зайти в зал трудовой славы и прочитать имена лауреата Государственной премии СССР члена-корреспондента АН СССР И. М. Гельфанда, профессора, доктора филологических наук Н. Ф. Матвейчука, кандидатов экономических наук В. О. Билыка и В. И. Мацибори, заслуженного артиста УССР В. М. Матковского и многих других.

Портрет самого директора школы И. П. Байдюка можно увидеть в районном центре на аллее славы. Его грудь украшена боевыми орденами, он депутат сельсовета, редактор колхозной многотиражки «Ленинским путем».

Много интересных встреч было в жизни Ивана Петровича. Но самая крепкая дружба сложилась на фронте. Бережно хранил он долгие годы фотографию, на которой был снят с Сергеем Лывиным. Знал, что после войны Сергей стал художником. Как-то весной Байдюк ехал с группой своих земляков по ленинским местам и должен был остановиться в Казани. Невольно пришла мысль разыскать друга, повидать его. Послал телеграмму в Союз художников Татарии, Лывину: «Буду проездом в Казани, встречай. И. Байдюк».

С нетерпением подъезжал Байдюк к городу. Волновался, дошла ли телеграмма. Но вот вышел на перрон, и сразу бросился в глаза высокий пожилой мужчина с фотокарточкой в руках. Мужчины обнялись, словно и не было долгих лет разлуки.

Так встретились бывшие воины — татарин и украинец. Сколько интересного надо было рассказать друг другу! С. О. Лывин стал народным художником Татарии, показал другу свои картины, прошлись по улицам Казани, осмотрели дорогие памятные места, связанные с жизнью В. И. Ленина.

После этой встречи увез к себе на Украину И. П. Байдюк картины своего татарского друга — дар сельской школе.

А через некоторое время приехал в Ольгополь и сам художник. Конечно же, в первую очередь пригласил его Иван Петрович в школу, на встречу с учениками. С гордостью показывал Байдюк красивые, ровные сельские улицы с новыми светлыми домами, Дворец культуры, кинотеатр, хлебозавод, поликлинику. Таким хозяйством не грех похвалиться. Взволнованный, довольный украинским гостеприимством уезжал художник в Казань.

**П. ДЫТЮК,**
учитель

с. Ольгополь,
Винницкой области.

# КОГДА-ТО В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

О дружбе народов в нашей стране говорят сейчас как о чем-то само собой разумеющемся. Но складывались эти отношения не сразу и не просто. В связи с этим хочется рассказать об одной отважной русской девушке Ксении Исаевой.

Дочь саратовского рабочего, она окончила школу и поступила в Ташкентский медицинский институт. Получив профессию акушера-гинеколога, приехала в Мирзачуль — так раньше назывался наш Гулистан.

Было это в начале тридцатых годов, когда еще сильны были пережитки прошлого, многие узбечки носили паранджу, боялись обращаться к врачу. Она ходила по домам. Однажды в старой части Мирзачуля Ксения Иосиповна увидела женщину в парандже, которая, набрав ведро воды из арыка, с трудом несла его. Ксения Иосиповна помогла донести ведро до дома.

— Рахмат,— сказала женщина и жестом пригласила в дом.

Ксения Иосиповна зашла, села на айван. Женщина принесла сухие лепешки из жмыха, чай, несколько горсток кишмиша. Гостью сразу же окружили любопытные детишки, худые, едва одетые. Она сразу отметила, что один ребенок нездоров. Ксения Иосиповна вылечила малыша. После этого случая узбечки начали сами приходить на прием — поверили молодому медику. Но оставались и такие пациентки, которых мужья не пускали в амбулаторию. Приходилось лечить и даже оперировать больных дома. Шестьдесят один кишлак Голодной степи обходила пешком, с тяжелой сумкой Ксения Исаева. Делала прививки детям и взрослым против холеры, тифа. Прививок боялись, прятались по сухим арыкам. Надо было уговаривать, идти на маленькие хитрости. Однажды Ксения познакомилась с девушкой по имени Марьям (сейчас Марьям Алиева — заслуженный учитель Узбекской ССР). Марьям вместе с группой активистов организовала бригаду агитаторов. Они собирались агитировать женщин сбросить паранджу, разъясняли им смысл новой жизни. Марьям предложила и Исаевой включиться в эту работу.

— Очень хорошо помню, как восьмого марта 1927 года директор школы Хамза Данияров поручил нам, агитаторам, собрать всех женщин города на празднование Международного женского дня,— вспоминает Ксения Иосиповна.— В школу «Намуна» (образцовая) многие пришли в парандже. Директор рассказал, что в Ферганской долине большинство женщин уже расстались с этим позорным пережитком прошлого. Айма-апа принесла во двор школы дрова, мы развели большой костер. Первой свою паранджу бросила в пламя Умри Садыкова. Я впервые увидела ее лицо: как она была красива! Вслед за ней кинули покрывала на костер и другие женщины. А потом Айма-апа прочитала свое стихотворение «Сбросили сестры паранджу». Это как бы послужило сигналом к началу импровизированного концерта...

Однажды утром Ксения Иосиповна зашла домой к Марьям. Она была вся в слезах, едва смогла рассказать, что Умри Садыкову за то, что она рассталась с паранджой, муж убил.

Комсомолку У. Садыкову торжественно проводили в последний путь, похоронили в братской могиле, где покоился прах первых борцов за установление Советской власти в Голодной степи. Агитаторы опасались, что смерть Умри Садыковой запугает женщин города, и они вновь наденут паранджу. Но нет, с каждым днем все больше становилось открытых женских и девичьих лиц на узких улочках старой части Мирзачуля. Вскоре вступила в строй первая в Мирзачуле больница, и Ксения Иосиповна возглавила в ней родильное отделение. Первое время приходилось работать и за врача, и за медсестру, и за санитарку. Но миновали тяжелые годы. Сейчас К. И. Исаева — заместитель главврача областной больницы, заслуженный врач Узбекской ССР, член обкома партии.

— Когда слышу слова «не стареют душой ветераны», вспоминаю своих соратников, друзей молодости,— говорит Ксения Иосиповна.— С Марьям Алиевой видимся и сейчас, вспоминаем дела минувших дней... И радостно становится от мысли, что мы увидели светлую жизнь наших женщин, за которую когда-то боролись.

**А. ТАШМАТОВ,**
инструктор общества книголюбов

Гулистан,
Узбекской ССР.

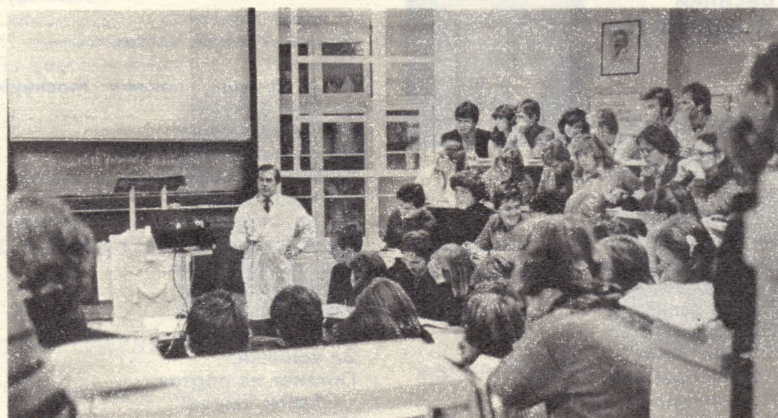
# ФЛАЖКИ НА КАРТЕ

Собираясь в отпуск в Эстонию, мы решили обязательно побывать в Тарту. Много слышали и читали об этом древнем городе, знаменитом своим университетом. Тарту покорил нас сразу. Он оказался таким, каким мы его и представляли,— зеленым, с прекрасными густыми парками, с традиционной ратушной площадью, с маленькими улочками, хранящими в себе тайны почти тысячелетней истории.

Мы гуляли на зеленых склонах Тоомемяги — с этого высокого холма открывается широкая панорама на старую, заповедную часть города, как бы ограниченную лентой реки Эмайыги, на новые кварталы многоэтажных жилых массивов. Мы осмотрели руины Домского собора — он начал строиться еще в XIII веке; конечно, побывали в театре «Ванемуйне», полюбовались Ботаническим садом и, кажется, в каждом кафе выпили по чашке кофе со сливками. По Тарту хочется гулять и гулять без конца... И среди улиц со сложными для нас эстонскими названиями мы вдруг обнаружили улицу Хачатура Абовяна, улицу Николая Бурденко. Не говорю уже о многочисленных памятниках, установленных в Тарту известным ученым — людям самых разных национальностей. Познакомившись с историей университета, мы поняли, что Тарту всегда был очагом интернациональной культуры, что интернационализм — та традиция, которой тартусцы гордятся и активно развивают. Здесь учился первый врач-чуваш Алексей Ефремов, осетинский поэт Цомак Гадиев, русский поэт Николай Языков, автор знаменитого Толкового словаря русского языка Владимир Даль, известные врачи Николай Пирогов и Николай Бурденко.

В музее истории университета нам показали портрет командира 146-й стрелковой дивизии С. Карапетяна. Когда в конце августа 1944 года советские войска освободили от фашистов Тарту, по его распоряжению была выделена специальная группа войск для защиты главного здания и спасения университетского имущества. Благодаря бойцам удалось сохранить многие уникальные ценности. Нам рассказали и о том, как приходили в город эшелоны с книгами, оборудованием, инвентарем... И уже через два с половиной месяца в актовом зале состоялось торжественное открытие университета. А сегодня в его стенах учатся представители двадцати пяти народов и народностей нашей страны.

Конечно, Тарту мы воспринимаем не только как университетский город. Это и промышленный город — заводы, фабрики. Тысячью нитей связан он со всеми республиками Советского Союза. Многие местные специалисты стажируются на предприятиях Москвы, Ленинграда, Киева. Вот уже несколько лет Каунас и Ленинакан — постоянные партнеры Тарту по социалистическому соревнованию. Каунасский хлебозавод и ленинградский «Красный пекарь» помогали эстонским коллегам модернизировать оборудование, усовершенствовать технологию, а ленинаканцы успешно используют опыт местных кондитеров. Текстильная фабрика «Ангер» соревнуется со своими «родственниками» в Риге, Могилеве, Оргееве, Тбилиси...



Идут занятия на медицинском факультете. Фото В. Селезнева

Когда в Тарту приходит вечер, в новом общежитии, что сразу за рекой, загораются огни. Кто-то берет в руки гитару, и звучат песни на разных языках. Есть у ребят карта. От маленькой точки в самой северной из прибалтийских республик бегут флажки на юг и запад, на восток, в Среднюю Азию. А один дотянулся даже до Сахалина.

**С. ОЛЕГОВА**

Москва.

# СТИХИ МОСКО



Алексей
**СУРКОВ**

***КОММУНИСТ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК***

В вихре дней, что шумят над
планетой,
Ты проходишь, в легендах
воспетый,
Покоритель высот и стремнин,
Солнцем общего счастья
согретый —
Коммунист, человек, гражданин.
Верность людям воздвигнув
твердыней,
Веря в правду и правду любя,
Ты корыстью, хвальбой
и гордыней
Никогда не унизил себя.
Беспокойный, пытливый, горячий,
Не разменивал жизнь на гроши
И друзьям раздавал без отдачи
Золотые запасы души.
Трассу счастья назначив планете,
Перед временем совестью чист,
Ты за все в этом мире в ответе —
Человек, гражданин, коммунист.
Дерзкой волей смиряя упрямо
Своенравного времени бег,
Ты в завещанный Лениным век
Входишь твердо, напористо,
прямо —
Гражданин, коммунист, человек.



Василий
**ФЕДОРОВ**

***ПОЛЕ***

Какое поле
Зреет в славе!..
Куда глазами
Ни раскинь,
Кипит, как золото
В расплаве
Перед заливкой
В колоски.
О поле, поле,
Ношей бренной
Под солнцем
Наливайся впрок,
И пусть, как шлаковую пену,
Пыльцу сбивает ветерок.
Плати нам, поле,
Полной мерой
За труд, что многих тяжелей.
Спасибо селекционерам
И сеятелям
Наших дней,
И пращуру
За умный прищур.
Да будет славен на века
Поднявший взгляд
От корневища
До чахленького колоска.

Тот взгляд — полет
От века к веку,
Тот взгляд — бессмертья
Добрый знак.
Спасибо первочеловеку,
Заметившему
Первый злак.



Егор
**ИСАЕВ**

***ВОТ ОНА, ГРАНИЦА...***

(Из поэмы
«Даль памяти»)

Здесь степь да степь.
Здесь эхо, как в колодце,
Глубокое
На дальние слова.
Скажи: Москва,—
И тут же отзовется
И в мыслях перемножится:
Москва...
Москва... Москва...
Растает звук,
Но губы
Все будут пить из донных
родников
Заветный смысл
Возвышенного сруба
Ее восьми слагаемых веков.
— Москва...—
Вздохнет молодка у калитки,
Войдет в избу .
И там —
Одна в избе —
Прикинет шаль московскую
К улыбке
И в зеркале понравится себе.
Москва... Москва...
Бывало, у дороги
Мальчишкой заглядишься
в синеву...
И вдруг отец —
Большой такой, нестрогий —
Шепнет:
— А хочешь, покажу Москву?—
И ты:— Хочу!—
Как выдохнешь,
И словно
Глазами потеряешься в степи.
— Хочу! Хочу!
— Но, чур, сынок,
Ни слова
Про то маманьке.
А теперь терпи.
Терпи, сынок!—
И за уши тихонько,
За кончики,
Потянет из порток:
— Расти, сынок!
Тянись ушам вдогонку.
А если что, ты покряхти чуток.
И ты кряхтишь, согласно уговору,
Но тянешься —
Без этого нельзя —
До той слезы блескучей,
За которой
И впрямь как будто синие леса
И птица-жар!
Все ближе,
Ближе,
Ближе...
И жарче все!
И тут уж ты, малец,
Сморгнешь слезу
И крикнешь:
— Папка, вижу!
А что видал,
Не спрашивал отец.
— Москва? А как же!
Знаем, что большая...—
Припомнит дед, ходок из ходоков,
И все края ни в чем не понижая,
Как стог поставит,
Выведет с боков
И верх навьет —
Куда тебе скворечня!—
По центру чтоб любая сторона:
— Москва, она вот тут стоит,
В овершье,
А вкруг нее слагается страна...



Людмила
**ЩИПАХИНА**

***ПОКОЛЕНИЕ***

Еще поколению хватит
Забот, и побед, и событий!
Возвысить дома на Арбате.
Кристаллы растить на орбите.
Еще мы ответов не дали
На уйму вопросов насущных,
Еще не раскрыты детали
Прогнозов и истин научных.
Еще над загадкою гена
Не властны гипотезы века.
Еще быстротечна и тленна
Нелегкая жизнь человека.
Еще нам достанется лиха
В горячечной той лихорадке!
Сказать свое слово не тихо.
Алмазы посеять на грядке.
Еще между честным и ложным
Распутаем сложные нити!
С нас спросите все, что и должно.
Еще мы — герои событий.
Пловцы, скалолазы Памира,
Шахтеры и рубщики леса,—
Еще мы — вершители мира!
Творцы мирового прогресса.
Еще в океанских широтах
Глубинная вспенится тьма.
Турбины закружатся в гротах,
Прилепятся к грунту дома.
Звезда рукотворная вспыхнет.
Распустится дивный цветок.
И долго наш голос не стихнет,
В единый вливаясь поток.



Роберт
**РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

●

В. Пескову

Кромсаем лед,
меняем рек теченье,
твердим о том, что дел
невпроворот...
Но мы еще придем
просить прощенья
у этих рек,
барханов
и болот,
у самого гигантского
восхода,
у самого мельчайшего
малька...
Пока об этом
думать неохота.
Сейчас нам не до этого
пока.
Аэродромы,
пирсы
и перроны,
леса без птиц
и земли без воды...
Все меньше —
окружающей природы.
Все больше —
окружающей среды.



Владимир
**ФИРСОВ**

***УТРО МОСКВЫ***

Над Кремлем предрассветно
алеет,
Но большая заря — вдалеке.
Мимо близкого всем Мавзолея
Мы спускаемся к вечной реке.
Фонари.
Проплывающий катер.
Редкий шорох машин.
Тишина...
На безлюдном и тихом Арбате
Нестареющая старина.
Мы и прошлою славой гордимся,
И сегодняшний ценим покой.
Помолчим на мосту Бородинском
Все над тою же вечной рекой.
Современным широким
проспектом,
Где Кутузов застыл на коне,
Поспешим на свидание к предкам,
Победившим в священной войне.
Как мы счастливы снова с тобою,
Что над нами
Чисты небеса,
Что заря понесла над Москвою
В день грядущий
Свои паруса!
Как все в мире устроено мудро!
С гор далеких,
Из глубей морей
Виден всем в это ясное утро
Алый парус Отчизны моей.



Владимир
**СОКОЛОВ**

***РОВЕСНИКУ***

Испытание временем,
Испытание веком,
Испытание бременем
И родным человеком.

# ВСКИХ ПОЭТОВ

Испытание рифмами
Бесконечно плохими.
Сухарем, логарифмами
Или двойкой по химии.
Испытание строчками,
Колдовавшими долго.
Испытание стройками —
Ангара или Волга,
Испытание заметью,
Где одно только средство —
Испытание памятью
Опаленного детства...
И довольно застенчивой,
Но весьма величавой —
Испытание женщиной,
Испытание славой.
Обязательно выдюжить
И порадовать вестью.
Обязательно выдержать,
Обязательно с честью.
И, живя перемеченным
Метой празднеств и бедствий,
Быть в душе незамеченным,
Знаменитым, как в детстве.



Олег
**ШЕСТИНСКИЙ**

●

Все выше поднимаюсь в горы
в надежде тайной, что сейчас
родные отчие просторы
откроются для жадных глаз,
где, отрешась от всех уютов,
я рушил чувств девятый вал,
где ночевал я у якутов
и где у коми пировал;
где над рекой Оять малинной,
как горе горькое само,
лежит в шкатулочке старинной
красноармейское письмо...
«Наивный,— говорю себе я,—
ты ищешь по земле пути,
не знаешь, что, душой светлея,
от отчих далей не уйти,
от этой клюквы на болоте,
от свиста птиц в траве густой,
ото всего, что назовете
щемяще —
Русскою землей».



Виктор
**ЯКОВЕНКО**

*ПОЛЮС ВЕКА*

Среди заснеженных торосов
Застывший крейсер
Одинок.
Но, как над трубкою матроса,
Над кораблем — живой дымок.
Живой дымок, голубоватый
Струится тихо над Невой,
Как вестник памяти крылатый,
Влечет к себе поток людской.
Дыша в ладони
(Как ледышки!),
Сквозь редкий падающий снег
Идут девчонки, и мальчишки,
И те, кто доживает век...
Сюда их всех привел не случай,
Им довелось лететь и плыть,
Чтоб вот на этот трап скрипучий
С благоговением ступить.
Пройтись по палубе студеной,
Что повидала сто морей,
Коснуться пушки зачехленной —
Грозы бесправья и царей,
Потом по трапу вниз спуститься —
Навек застывшая корма,—
Вглядеться в бронзовые лица
Тех, кто — История сама.
Им в грозной огненной купели,
Что революцией зовут,
Был путь один к заветной цели,
И песнь свою они допели:
Владыкой мира будет
труд.



Анатолий
**ЖИГУЛИН**

●

Сухая внуковская осень.
На взгорках убраны овсы.
На славу вымахала озимь
До самой взлетной полосы.
Резвится ветер в небе чистом,
Чужие флаги шевеля.
Какого-то премьер-министра
Встречает русская земля...
За грозным ревом самолетным
Никто не видел, как прошли
Неясным клином перелетным
В холодном небе журавли.
И на обветренных покосах
Блестит стерня со всех сторон.
И тихо светится в березах
Седая боль былых времен.
Но все как будто бы забыто
Землей, природой и людьми.
И даль и сердце — все открыто
Покою, свету и любви.



Юлия
**ДРУНИНА**

*В СОРОК ПЕРВОМ*

Мы лежали и смерти ждали —
Не люблю я равнин с тех пор...
Заслужили свои медали
Те, кто били по нас в упор,—
Били с «мессеров», как в мишени.
До сих пор меня мучит сон:
Каруселью заходят звенья
На беспомощный батальон.
От отчаянья мы палили
(Все же легче, чем так лежать)
По кабинам, в кресты на крыльях,
Просто в господа бога мать.
Было летнее небо чисто,
В ржи запутались васильки...
И молились мы, атеисты,
Чтоб нагрянули ястребки.
Отрешенным был взгляд комбата,
Он, прищурясь, смотрел вперед.
Может, видел он сорок пятый
Сквозь пожары твои,
Проклятый,
Дорогой
Сорок первый год...



Владимир
**КОСТРОВ**

*ПОЮ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ»*

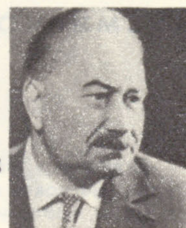
Зал для гимна становится тесен,
Не боимся мы искренних слез.
...Будет вдоволь Работы
И Песен,
Будет вдоволь и Хлеба
И Роз.
Это чувство великое живо.
Бродит молодость
В нашей крови.
Вымирай все,
Что косно и лживо,
Только доброе
В сердце живи!
Зал правдив
И торжественно светел
Светом звезд,
А не люстр осиян.
Здесь гудит
Пролетающий ветер
И разводит мехи
Океан.
И Чукотка поет,
И Эстония...
В бескорыстном порыве своем
Принимаем на плечи историю
И эпохе себя отдаем.
Я пою,
Воскресаю и гибну
Вместе с теми, кто падал в бою.
Я причастен к великому гимну,
Им клянусь,
И его я пою.
Мир не будет
Покорным и серым.
Через смерти,
Сквозь годы — вперед!
И земля человеческим сердцем
По бессонной орбите
Идет!



Сергей
**СМИРНОВ**

*ОТВЕТСТВЕННОСТЬ*

По-граждански воспитанный
здраво
И притом, как солдат на посту,
Отвечаю за все, что по праву
Я обрел и еще обрету.
Отвечаю за миг и за вечность,
За шедевры, за планы вчерне,
Отвечаю за всех подопечных,
За доверчиво внемлющих мне.
Отвечаю за мирные блага,
За контакты с шагающим днем,
Отвечаю
За огненность флага
И эмблему
Единства
На нем.



Сергей
**ПОДЕЛКОВ**

*СТИХИ О КОСМОНАВТАХ*

Когда клокочущее пламя
ракету в космос унесло,
там космонавт — за облаками —
впервые глянул сквозь стекло.
И то, что мнилось им, ученым,
увидел он перед собой,
увидел небо черным-черным,
а нашу Землю — голубой;
зловеще-красные светила
в глуби — в движении немом...
О разума живая сила!
Вселенная заговорила
великим русским языком.



Николай
**СТАРШИНОВ**

*РУКИ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ*

Это они когда-то
С материнской лаской
Раненым солдатам
Делали перевязку.
Это они в ненастье
Мерзли в траншеях дымных
И согревались наспех
Возле костров зимних.
Шили, стирали ночами,
Белые — не огрубели.
Это они качали
Дочь мою в колыбели.
Сколько работы было
Самой необходимой!..
Только вам все под силу,
Руки моей любимой...



Владимир
**ЦЫБИН**

*ВОЗВРАЩАЯСЬ*

Мир снова — прежний
и огромный,
и стало снова в нем светло,
когда под гул аэродромный
с высот на твердь тебя свело.
Все та ж земля,
все та ж планета,
и город, как и все, — взгляни;
но, может, чуть теплей,
чем где-то
нежней здесь трудятся огни.
Не зря ж вдали так грустно было
без этой плавной синевы,
не зря тебе везде чужбина,
везде чужой ты — без Москвы...

# СЕРП И МОЛОТ СТОЛИЦЫ

**Б. СМИРНОВ**

...Станция «Площадь Ильича» — первая на новой линии Московского метро. Короткий подъем по эскалаторной ленте, и мы на поверхности. Потоки машин на перекрестке магистралей, перемигивание огней светофоров, свет в высоких окнах универмага — и вечно спешащие куда-то москвичи. Все, как обычно, как всюду в столице: снежная белизна газонов, и новые дома вперемежку с причудливой архитектурой старых московских построек, и памятник Ленину на высоком постаменте. Одним словом, Москва. Более того, по сегодняшним понятиям — центр ее. Раньше вот здесь, у самого начала вытекающего с площади шоссе Энтузиастов, стоял с 1783 года верстовой столб — «От Москвы две версты». Время и его не пощадило... Теперь от бывшей Рогожской заставы Камер-Коллежского вала остался, пожалуй, единственный заметный свидетель истории — завод.

На фотографии конца прошлого века, сделанной издали, он выглядит довольно внушительно: длинные ряды цехов, трубы с белыми шлейфами дыма... Но это только издали. Ровно сто лет назад обосновавшийся в Москве французский предприниматель Гужон на пустырях у Проломной и Рогожской застав построил навесы на каменных столбах, привез станки и машины и организовал выпуск железных листов, гвоздей, проволоки, мебельных пружин. Со всей Москвы, а больше из пригородных деревень стекался народ на железопрокатный завод Гужона. Знаменитый для своего времени, печально известный в истории России и Москвы завод, положивший начало металлургическому производству в столице и измотавший чудовищной эксплуатацией многие тысячи русских рабочих. Пожалуй, в истории гужоновского завода можно найти все этапы становления русского пролетариата, все многолетние пути развития революции вплоть до того, что именно здесь, у стен завода, по случайному совпадению начиналась известная всей стране Владимирка — дорога ссыльных революционеров. И совсем нет случайности в том, что в Рогожско-Симоновском заводском районе неоднократно выступал на рабочих митингах и собраниях Владимир Ильич Ленин, находя у рабочих горячий отзвук своим мыслям. Прямая закономерность: гужоновская окраина после Великой Октябрьской революции стала именоваться заставой Ильича, позже площадью Ильича. Да, историю не переделаешь, заново не перепишешь, и бывший завод Гужона так же нерасторжимо связан с прошлым Москвы, как невозможна сегодняшняя жизнь столицы без поднявшегося на его месте металлургического гиганта «Серп и молот».

...Пешеходный мост над железной дорогой, заводские ворота и турникет проходной. После всего прочитанного о заводе в библиотеке, после гравюр, старых фотографий, газетных вырезок я пытаюсь уже зримо собрать воедино все сохранившиеся еще черты прежнего, дореволюционного предприятия, пробую представить себе как бы его исторический образ. Что же, это пока не так уж сложно. По-прежнему стоят приземистые коробки сохранившихся цехов и зданий, и толстые стены из буровато-красного кирпича с характерными для архитектуры начала века фигурными наличниками, карнизами до сих пор хранят следы от пуль и снарядных осколков времен революционных боев... Шестьдесят лет прошло с того дня — 7 ноября 1922 года, — как бывший завод Гужона был переименован в «Серп и молот», но сменить вывеску гораздо проще, чем перестроить производство. Конечно, можно было — и не один раз! — разрушить старые помещения и возвести на их месте совершенно новые корпуса. Но ведь за все эти годы Советской власти не было, пожалуй, дня, чтобы завод полностью остановился, перестал



Старший мастер М. Ткачев.
Фото Г. Копосова

давать продукцию. Даже в тяжелейшее время разрухи 1920 года завод жил, хотя и выпускал всего два процента от прежнего объема продукции. Болты, гвозди, кровельное железо... Но без болтов и гаек нельзя было бы восстановить железнодорожные пути, по которым доставлялось в столицу продовольствие. Потом — телефонная проволока для Наркомата связи, потом — металл для торфяных машин Классона, металл для Шатурстроя, металл для Московского метро, для самолетов, для новостроек первых пятилеток... Нет, не мог остановиться «Серп и молот»!

— Хотите посмотреть на наш станок-ветеран? Фирма братьев Бромлей, выпуск 1898 года! До сих пор работает...

Мой провожатый по заводу, старший мастер вальцетокарной мастерской сортопрокатного цеха Михаил Васильевич Ткачев, уверенно ведет меня между штабелей толстых, как поросята, стальных валков. Станки для их обработки под стать этим деталям — огромные, начиненные современными техническими новшествами. А вот и «Бромлей» — тоже внушительная махина, но, конечно, даже неискушенному глазу заметна его примитивность.

— Раньше он был еще с ременной передачей. Переделали под электромотор. Тихоход, но отдельные фасонные профили на нем протачивать удобно. Зачем выбрасывать, если работать можно? Новичков учить — я ведь тоже когда-то на нем учился. Мы его и в новый цех возьмем...

— А ваш отец, Михаил Васильевич, тоже, наверное, у станка-ветерана стоял?

— Нет, отец в этом же цехе работал до самой пенсии, но на другом участке, на резке матaлла. А все Ткачевы, которые на завод приходили, наверное, во всех цехах успели поработать. Первым мой дядя сюда пришел, кажется, в девятьсот шестнадцатом...

История семьи Ткачевых типична для многих рабочих династий «Серпа и молота». Она так же уходит корнями в далекое прошлое, так же повторяет историю завода. Где-то в далекой Тамбовской губернии, в глухой деревне Самодуровка постепенно разоряется бедная крестьянская семья. Глава семьи, не в силах свести концы с концами, отправляет старшего из сыновей на заработки в Москву. И вот Яков Ткачев правдами и неправдами добирается до столицы, проходит долгий путь скитаний и унижений и кое-как устраивается на завод — чернорабочим, подмастерьем, — пока не получает, наконец, какую-то рабочую специальность. Тонким ручейком текут в деревню крохи от добытых денег, простенькие подарки — и вот уже следующий подросший Ткачев, собрав котомку, едет в Москву — к брату, на завод. Ошеломляюще большой город, постоянное красное зарево над цехами, где ему, деревенскому пареньку, предстоит работать, тесная каморка в рабочей слободе у Курской канавы — сколько ветеранов, подобно Василию Сергеевичу Ткачеву, могли бы повторить этот рассказ о себе!

— Сначала я попал в шихтовый цех, потом устроился к мартыну, — неторопливо говорил при нашей встрече Василий Сергеевич, и я не сразу догадался, что «мартын» — это мартеновская печь в рабочей огласовке. — Жара у печи страшная, лицо обжигает, к полудню ноги от усталости не держат. Шутка ли, каждая завалка печи — две с половиной тысячи пудов железного лома и пятьсот пудов известняка! И все вручную, лопатами, бегом...

— Как же вы и своим детям на такую работу идти разрешили?

— Так ведь они на завод пошли уже когда! Старший мой, Анатолий, в пятидесятых в цехе появился. Сейчас он научный работник в металлургическом институте. Мишка — тот на завод пришел после армии, в шестьдесят втором. Младший мой, Николай, тоже токарем на «Серпе» работает. Я сейчас, когда прихожу на завод, своего места узнать не могу. Цеха вроде те же, а все переменилось. Да еще при мне реконструкция за реконструкцией, оборудование меняется, всюду, где можно, механизация — нет, завод совсем другим стал! А сколько нового понастроили...

— А мартеновские печи погасили без вас?

— Да, я уже был тогда на пенсии. И понимаю, что правильно это: нельзя ведь в центре города столько дыма, копоти от печей терпеть, — и все равно, как узнал, долго в себя прийти не мог. Как же, «Серп и молот» — и вдруг без мартына...

— Теперь вместо мартена у нас работают электропечи. Как раз на днях в электрофасонно-литейном цехе крупную печь после модернизации пустили, — добавил к словам отца всезнающий Михаил Васильевич. Мне кажется, нет на заводе такого цеха, участка, где бы он, средний из поколения Ткачевых, не был в курсе новостей...

Рабочая династия! В семье Ткачевых нет Героев Труда и даже орденоносцев (будем говорить — пока еще нет), но разве и без того не стала эта семья лицом завода, его прошлым, настоящим и будущим? Одним из тысячи лиц, потому что все серповцы давно уже стали единой семьей.

— Я вырос на Сортировке, то есть в заводском поселке на Москве-Сортировочной, — рассказывает Михаил Васильевич Ткачев. — Сами понимаете, детские игры, разговоры — все связано с заводом. Каждый хотел похвастаться: я, мол, у отца на работе побывал, там металл как полыхнет — ух! Смотрели на старших снизу вверх: как это они каждый день домой живыми из этого пламени возвращаются? Потом школа, пионерский лагерь — опять же заводские. Переехали в новый дом — знаете, на Краснохолмской набережной, тоже завод строил — и там все свои. Да не в этом главное, — махнул рукой Михаил Васильевич, — не в том, что мы все время бок о бок. Дело у нас общее, одни интересы, одна жизнь — понимаете?

— Это Михаил правильно сказал! — вступил в разговор Юрий Николаевич Лебеденко, секретарь партбюро сортопрокатного цеха. — Мы с ним одновременно в цех пришли, вместе работали. А когда выбрали меня секретарем, тут я особенно почувствовал, что такое рабочая семья. У меня главные разговоры происходят не в кабинете, а вот так — в цеху, на ходу, и даже дома. Один зайдет, другой, все обсудим — не административно, а как-то по-человечески. Еще есть у нас традиция — вместе собираться на отдыхе. Казалось бы, все и так на работе друг другу надоели, а договоримся — обязательно огромная семейная компания собирается.

— Но так, наверное, не только на вашем предприятии...

— Возможно. Даже наверняка так, — соглашается секретарь. — Но ведь в этом, наверное, и сила нашего общества — в едином интересе к делу своей жизни. Тем более на «Серпе и молоте», где все на глазах меняется. Вот и до нашего цеха очередь дошла — скоро переедем в новый корпус!

Конечно же, мы отправились в этот новый цех, где только-только начинается монтаж оборудования. Огромный бетонный короб каким-то чудом втиснулся между старыми зданиями — оно и понятно, ведь заводу в центре города

---

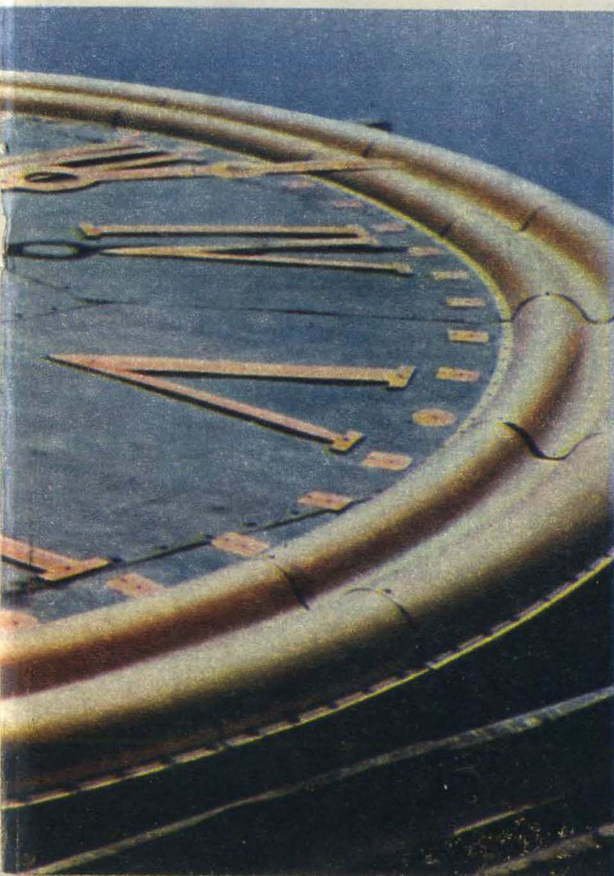
**Памятник В. И. Ленину в Кремле.**

**НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Праздничный салют * Главные часы государства * Скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница».**

**Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. ГОСТЕВА и Н. РАХМАНОВА**









вширь расти некуда. С чем сравнить новое помещение? Уместнее всего со взлетной полосой под крышей. Даже красные сигнальные огоньки в голубоватом сумраке цеха смотрятся как-то поаэродромному. Но нет — вот эти мощные крюки кранов, гнездящихся под сводами цеха, многое могут сказать металлургу о своих будущих грузах. И фундаменты для клетей прокатного стана, вытянутого в линию на десятки метров, и сплетения бесконечных серебристых труб...

Мои провожатые по-хозяйски возбуждены. Проект проектом, да и бывали они здесь, наверное, уже не один десяток раз, но как не проверить все еще раз своим глазом? Так смотрят на стены будущей квартиры только новоселы, которым в этих стенах жить да жить. И им и их внукам...

— Здесь почти не останется ручного труда,— объясняет мне Ткачев.— Автоматика везде, где только возможно.

— Как в «нержавейке»?— спрашиваю я, имея в виду гордость завода новый цех проката нержавеющей ленты.

— Даже лучше!— с какой-то ревностью отвечает Михаил Васильевич.— Наш цех моложе на несколько лет, а значит, современнее...

Стоило побывать в этом новом цехе, о котором мы заговорили, чтобы понять чувства Ткачева. Первое впечатление, что ты попадаешь на совершенно другой завод. Весь процесс прокатки, кажется, происходит сам собой — в цехе почти не видишь людей. Вот оператор неторопливой походкой приближается к пульту, легко касается пальцами кнопок — и стан послушно приходит в движение, или замирает, или беззвучно перерезается пополам стальная лента, или очередной готовый рулон ее плавно поднимается, опускается, встает на нужное место... Словно все это вот так, без видимого участия человека, и должно происходить в металлургии, словно нет за стеклянными квадратами окон старых стен, хорошо помнящих каторжный труд дедов и прадедов этих играющих кнопками операторов... И, пожалуй, что больше всего меня поразило, так это белые рубашки под спецовками лентопрокатчиков.

— Новое поколение!— подвел итог Михаил Васильевич Ткачев.— Новое поколение и машин и людей...

* * *

На днях печать сообщила: Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и Центральный Комитет ВЛКСМ рассмотрели итоги Всесоюзного социалистического соревнования. За успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, большой вклад в развитие единого народнохозяйственного комплекса страны и в ознаменование 60-летия образования СССР победители соревнования награждены Красными знаменами. Среди награжденных — ордена Ленина металлургический завод «Серп и молот».

**Москва. Гостиница «Украина» * Новый район Москвы — Строгино.**

# ЗАЩИТНИКИ МОСКВЫ

**Н. ТОЛЧЕНОВА,**
**заслуженный деятель искусств РСФСР**

Неумолимо-скорбные звуки реквиема пронзают сердце мрачным, щемяще-грозным ощущением конца... Траурным, безутешным плачем становится ария Матери Родины, Матери Земли: она теряет своих сыновей, беспредельно ее страдание. Но взмывает вдруг ввысь победная, исполненная глубокого сердечного восторга ода: всенародная благодарность, благословение подвига героев Великой Отечественной войны...

Да, мы прощаемся с ними: они уходят навсегда... Но ведь мы не просто знаем, а словно всем существом своим — до озноба, до дрожи — явственно ощущаем, что они все равно остаются с нами: вот и сейчас они здесь! И словно сама смерть уже не властна более над ними, над их чистейшим подвигом любви к Родине — тем главным, что сплачивало, объединяло героев... Поэтому-то искусству и нельзя говорить о них только в прошедшем времени: они, панфиловцы, рядом. Они живут в нашей душе...

Волнующим, страстным предстало масштабное, многоплановое сочинение композитора Газизы Жубановой «Москва за нами», в Москве же и осуществленное сценически.

Заметим сразу, что основой премьеры, но только лишь первоначальной основой, явилась предшествующая опера, которую Жубанова лаконично назвала «Двадцать восемь». В новом, нынешнем ее сочинении этот лаконизм сменился многозначным художественным изображением жизни всего борющегося советского народа. Газизу особенно волновала мысль об интернациональном, коммунистическом, советском братстве воинов-героев.

Дочь народного сказителя, уважаемого всем Казахстаном, Газиза Жубанова с юности тянулась в музыке к мелодизму мощному, к большой драме, к глобальным мыслям и чувствам человечества. И я отлично помню молодую Газизу, которая в консерватории Алма-Аты познакомила меня со своей потрясающей «Хиросимой». Уже тогда, в «Хиросиме», отчетливо слышался будущий творческий взлет композитора, музыканта незаурядного. И вот теперь все это так счастливо, объемно реализуется.

Очень серьезную, существенную роль в этом нынешнем осуществлении таланта композитора сыграл московский Академический музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко... Весь коллектив театра во главе с художественным руководителем И. Г. Шароевым работал над постановкой спектакля «Москва за нами», посвященного 60-летию СССР, с огромным увлечением, стремясь выразить ведущую идею произведения — партийную, патриотическую, глубоко современную.

В постановке крупно, вдохновенно выразилась высокая мысль о бессмертии народного подвига, мысль о красоте души героев-братьев. Они не задумываются о себе, волнуясь разве о тех далеких любимых своих, которых мы здесь видим тоже, что еще более усиливает общенародное звучание музыкально-документальной драмы,— так определили жанр оперы Газиза Жубанова и Азербайджан Мамбетов (автор либретто. Русский текст М. Вершинина).

В спектакле занят весь творческий состав театра, но на сцене видишь каждого: в каждом представлена особая, живая частица огромного целого. Действие органически сливается с грозными, тяжкими звуками боя, с краткими, выразительными репликами Левитана...

Таков подлинный жизненный фон художественного произведения — и вместе документального — которому отнюдь не противоречит его возвышенный драматизм. Напротив, он еще более волнует, когда на этом живом фоне возникают голоса солистов, голоса великолепные, сильные... Содержание оперы ведь рождено не только силой документа, но и силой лирики, поэзии... Азербайджан Мамбетов очень точно опирается в либретто на лучшие образцы стихов военного времени, рождающих мощный музыкальный импульс. С высоким мастерством, вдохновенно исполнены главные партии: Панфилова (О. Кленов, В. Свистов) и его соратников — Клочкова (В. Марутаев, В. Осипов), Касаева (Н. Гуторович, А. Мищевский), Есибулатова (Л. Болдин), Петренко (Л. Зимненко)... Запоминается символический образ Матери Родины; эту партию исполняют Л. Захаренко и В. Каевченко. В роли жены легендарного комдива заняты актрисы Л. Бондаренко и А. Фатькина; дочь Валю играет Г. Кузнецова... Да и все солисты, весь ансамбль театра доносят с редкостной правдивостью силу героики, высокого подъема души народа, вставшего на защиту Родины.

Надо ли говорить, какие разнообразные дополнительные краски внес в движение, развитие спектакля И. Г. Шароев, пригласив к участию в нем Московский мужской хор героев Великой Отечественной войны (руководитель В. И. Краснощеков). «Всамделишная» жизнь героев подлинных с редчайшей убедительностью вошла в оперу, дала ей новую силу. Герои живые пришли на сцену как реальные победители. Они сами — живое свидетельство Победы.

«Жизнь, повторись и воскресни»...— таков зачин, таков и эпилог спектакля... Художник В. Клементьев, оформляя постановку, счастливо избегает декорационной перегрузки. Строго, скупо, очень продуманно выстраивает он на сцене живые композиции. Полные драматизма, они напоминают нам те скорбно-величественные многофигурные мемориалы, с которыми встречаешься не только в Волгограде, но во многих и многих городах страны... Это тяжкая примета отгремевших битв, память об ушедших жизнях. Но главное — это бессмертная гордость, вечная слава и вечная любовь народа.



Сцена из спектакля. Фото А. Степанова.

Зрители уже оценили премьеру по достоинству. Когда в зале был погашен свет, когда более не раскрывался на аплодисменты занавес, публика стоя все еще упорно продолжала бисировать.

Новый спектакль, думается, порадовал бы даже тех великих людей искусства, чье имя носит театр: Станиславского и Немировича-Данченко. Это они утверждали в искусстве подлинное этическое и эстетическое достоинство творчества — подлинную высоту идеи... А в новой постановке живет идея высочайшая, затрагивающая душу... Очень точно отвечают сути спектакля мудрые слова Ромена Роллана: «Любовь стоит ровно столько, сколько стоит человек, который ее испытывает. Все чисто у чистых людей»...

О таких людях и рассказал нам спектакль, посвященный героям, защитникам Москвы.



Рисунок
П. ПИНКИСЕВИЧА

РАССКАЗ

# СОЛНЦЕ НАД СОЛДАТСКИМ ЛУГОМ

Ал. РОМАНОВ

За речкой, неширокой и неглубокой, перепоясанной плашкоутным мостом, до синеющей у самого горизонта дубовой рощи, лежат луга колхоза «Утро Литвы».

Тучные, пахучие луговые травы колхоз убирал на сено обычно в конце июня, а в августе — сентябре проводил и второй укос. И только небольшой участок — около четверти гектара, что возле самой рощи,— косцы из года в год обходили стороной. Участок этот в колхозе звали кто святым местом, а кто Солдатским лугом. Здесь летом сорок второго года гитлеровцы расстреляли сорок восемь военнопленных — солдат и офицеров Красной Армии, отказавшихся присягнуть фюреру. Здесь же, под полеглой травой, в братской могиле спали они вечным сном с той самой страшной минуты, когда всех их скосил вражеский пулемет.

А в минувшем году, вскоре после того, как сено за речкой сметали в стога, поздним июльским вечером в колхоз на «Жигуленке» приехали трое: Игорь Иванович Щербаков, рослый, представительный военный инженер лет сорока пяти, его супруга Антонина Алексеевна, миловидная, хрупкая женщина с темной родинкой над левой бровью, и мать Игоря — одетая во все темное, совсем седая, голубоглазая старушка Ирина Петровна. В правлении колхоза — недавно отстроенном двухэтажном здании на каменном фундаменте — в этот поздний час они никого не нашли: председатель, как выяснилось, с утра выехал в район, у телефона дежурила только сторожиха. В сельском же Совете, расположенном по соседству с правлением в старом, видавшем виды одноэтажном кирпичном домике, их встретил председатель ревизионной комиссии колхоза, назвавшийся Игнатом Петровичем. Игнат Петрович, несмотря на свои шестьдесят семь лет, о чем он сразу же уведомил приехавших, чтобы не упрекнули за неучастие в колхозном производстве, выглядел молодцом. Его старил только глубокий шрам, протянувшийся от левого уха до подбородка: его не могла скрыть и седенькая, аккуратно подстриженная бородка.

Приехавшие не сразу начали разговор по делу, а повели его откуда-то издалека, и вид у них был какой-то неуверенный, пожалуй, даже смущенный.

— Простите нас, пожалуйста,— сказал затем после длительного молчания Игорь Иванович,— но пусть вас не удивляет наш визит. Дело в том, что примерно неделю назад мы в Москве получили отсюда письмо, которому до сей поры верим с трудом. Письмо это подписал товарищ Томас Пошкус...

— А, Томас? — перебил гостя Игнат Петрович.— Товарищ Томас, вот молодчина... Этому товарищу, скажу вам, пока еще лет двенадцать, никак не больше, но паренек он добрый, хороший, наш самый первый следопыт... Что же такое он вам написал, если его письмецо заставило вас приехать к нам?..

Игорь Иванович как-то очень торопливо извлек из бокового кармана стандартный почтовый конверт с письмом, о котором шла речь.

— Видите ли, Игнат Петрович, это такое письмо, которое не могло не взволновать нас. В письме говорится, что где-то здесь, возле вашего села, на каком-то некошеном лугу возле рощи, местные следопыты-историки нашли полуистлевший кожаный портсигар, а в нем — картоночка, на которой написан адрес — наш довоенный домашний адрес, а также имя и фамилия моего отца... До сих пор мы ничего, ничего не знали об обстоятельствах его гибели...

— Ах, вот оно что... — очень тихо и с внезапно вспыхнувшим взглядом даже не сказал, а скорее прошептал Игнат Петрович.— Вот оно дело-то какое...

Он подошел к окну, открыл створки и что-то прокричал на улицу по-литовски. Приезжим показалось, что он звал Томаса. Но через минуту-другую в комнату не вошли, а скорее вбежали четверо ребятишек в возрасте десяти — двенадцати лет. Они робко поздоровались с присутствующими и молча выстроились у двери.

— А где же Томас? — спросил Игнат Петрович уже по-русски. — Я же просил вас позвать Томаса...

Ребята наперебой заговорили по-литовски, словно хотели о чем-то напомнить Игнату Петровичу, и тот огорченно закивал головой.

— Вот ведь история какая получается, дорогие товарищи,— обратился он к гостям.— Томас нынче с утра в третьей бригаде стенгазету клеит, вернется попозднней... И председателя нет... Да и время позднее. Отдохните пока с дороги, у нас есть дом для приезжающих, там и поужинать можно...

И Игнат Петрович широким жестом, не ожидая возражений, пригласил гостей следовать за ним.

Колхозный дом для приезжающих был построен года три тому назад в полукилометре от правления. Построенный, очевидно, по тому же проекту, что и правление, он был окружен посаженными в том же году веселыми тонкоствольными березками. «Жигуленка» поставили во дворе дома, а сами разместились в двух комнатках на втором его этаже. Пока устраивались, Игнат Петрович внизу, в столовой, заказал ужин — творог с молоком, жаркое по-домашнему, пирожки с капустой, чай.

— Пока вот почаевничаем,— встретил он спустившихся со второго этажа гостей,— а там, глядишь, и Юстас из района приедет...

— А кто такой, простите, Юстас? — спросил Игорь Иванович.

— Как кто? — словно бы удивился Игнат Петрович.— А председатель наш, Юстас Гедрайтис, наш, так сказать, руководитель...

Игорь Иванович хотел что-то еще спросить, но тут в разговор вмешалась Ирина Петровна. Она уже давно порывалась о чем-то спросить Игната Петровича, только это у нее как-то не получалось. Перебирая пальцами бахрому льняной скатерти, которой был накрыт стол, явно волнуясь, она наконец спросила:

— Скажите, пожалуйста, а это место... этот Солдатский луг, как его назвал Томас в своем письме, он далеко отсюда?..

— А километра три-четыре, по той дороге, за мостом... Только сейчас туда поздненько будет ехать, уже темнеет, а пока доедешь, будет совсем темно... Завтра утречком я вас поведу туда... Место это знакомое... Место святое...

Игорь Иванович заметил, что девушка в белом переднике, что несла к столу дымящуюся картошку на белом блюде, прислушавшись к тому, что говорил Игнат Петрович, словно бы побледнела и сдержала шаг. Затем, незаметно поставив блюдо на край стола, она чуть слышно отошла к стойке. На глазах у нее блестели слезы. И за столом стало тихо, так тихо, словно у всех сидевших защемило сердце.

— Скажите, пожалуйста,— вновь обратилась к Игнату Петровичу Ирина Петровна,— а не знаете ли вы товарища Слесарева, вашего односельчанина, который, как написал нам Томас, воевал в этих местах, был захвачен в плен, расстрелян немцами, но чудом уцелел?..

Игнат Петрович помолчал, глубоко вздохнул и вдруг улыбнулся так, что глубокий рубец на его лице стал вроде бы еще глубже.

— А я и есть,— как-то очень просто сказал он,— тот самый товарищ Слесарев, о котором вы спрашиваете... Игнат Петрович Слесарев, рядовой Красной Армии, который до войны жил с семьей в Курской области, а воевал действительно в этих местах, осколком снаряда был ранен в лицо, полумертвым взят в плен, вместе с другими товарищами там, возле рощи, расстрелян и, можно сказать, чудом спасен из братской могилы...

— Боже мой, боже мой,— прошептала Ирина Петровна.— Так, значит, вас... вместе с моим Иваном Ивановичем...

— Может быть... Все может быть,— снова глубоко вздохнув, сказал Игнат Петрович.— Среди нас были разные люди, хорошие советские люди — русские и украинцы, литовцы и белорусы... Помнится, были еще и татарин, и казах, и мордвин. И по возрасту люди разные: мне было двадцать два года, а поддерживал меня, раненного, старшина лет сорока. Только никто из нас в те горькие минуты плена не чувствовал этой разницы. Как ни были мы измучены, ни у кого из нас не было ни слезы, ни страха. И солдаты, и политруки, и офицеры — все мы одним советским миром были мазаны, в одной советской купели крещены и к той роще шли с проклятием врагам... только так, только так...

Нас выстроили у рощи возле развороченного нхими танками окопа, где многие из нас до последней минуты держали оборону, и ударили из пулемета. Мне прошили грудь, только сердце, видать, не задели. А закопать нас приказали здешнему старосте, человеку доброму. Ну меня, недобитого, когда закапывали, колхозники и оттащили в сторонку, почувствовали, что еще жив человек. Оттащили и припрятали в погребке у этого самого старосты, выходили и выкормили братья мои литовцы. Уже тогда я знал, что родных у меня не осталось: эсэсовцы сожгли мою деревню вместе с людьми. Вот я здесь с той поры и прилепился...

Ирина Петровна вновь и вновь расспрашивала Игната Петровича о тех страшных днях, часах и минутах. Не знает ли, не помнит ли он что-нибудь о ее муже, о политруке Иване Щербакове, ведь в то время ему, как и Игнату Петровичу, шел двадцать третий год. Только двадцать третий... Нет, отвечал Игнат Петрович, он не знал и не помнит политрука товарища Щербакова. Но он знает и точно помнит, что все, кто его тогда окружал, были его друзьями, его боевыми товарищами. Все они с высоким достоинством встретили свой смертный час и ушли из жизни как солдаты, защищая свою землю и свою честь...

Поздно вечером, часу в десятом, из районного центра вернулся председатель правления колхоза Юстас Гедрайтис. Игнат Петрович, возвращавшийся из дома для приезжающих, встретил председателя возле правления, рассказал о гостях и о беседе с ними за ужином.

— Может быть, что они еще не легли? — спросил Юстас Игната Петровича.

В доме для приезжающих они тихонько постучали в дверь комнаты, где разместились Игорь Иванович и Антонина Алексеевна.



ми нашей страны... Завтра мы съездим на Солдатский луг, и вы еще и еще раз сможете убедиться, с какой глубокой искренностью мои односельчане чтут память погибших в войну героев независимо от того, литовцы они или русские. Ваш муж, дорогая Ирина Петровна, русский человек, воевал здесь, на литовской земле, а мой отец, литовец, защищал Смоленск, Новгород и погиб в бою под Ленинградом... Они защищали нашу Советскую Родину — в этом все дело, в этом глубочайший смысл и для прошлого, и для настоящего, и для будущего...

Когда Юстас Гедрайтис и Игнат Петрович, условившись об утренней встрече и распрощавшись, ушли, будильник на столике возле кровати Ирины Петровны показывал что-то около часа, и она долго, очень долго не могла уснуть. Рассказы Игната Петровича и Юстаса взволновали ее до глубины души. Стоило на секунду закрыть глаза, как откуда-то из темноты словно бы долетал до нее тихий говор обреченных на смерть, среди которых был и ее любимый человек, ее муж, отец ее единственного сына. Их тяжелые шаги по разбитой дороге, ведущей к темной дубовой роще, к окопу, ставшему их братской могилой, звучали в ее сознании так, словно и она сама шла вслед за колонной в толпе ее провожавших плачущих женщин и детей, словно это не мать Юстаса, а она, Ирина Щербакова, вела пятилетнего малыша за руку к месту казни советских воинов, чтобы мог он навсегда запомнить кровь и крики тех, кто прощался с жизнью.

...Ирина Петровна проснулась около семи утра: ей послышалось, что в дверь кто-то тихонько постучал. И еще в полусне показалось, что она вовсе и не в Литве, а в Казахстане, где провела в эвакуации все годы войны, и что в дверь стучит Сахин, старший сынишка Диханбая, в многодетной семье которого она вместе с Игорем жила на окраине Актюбинска.

«Что это я, право? — тотчас же подумала она.— Какой тут может быть Сахин... Да и когда это было...»

А было это действительно теперь уже очень давно, как раз в то время, когда ее муж, политрук Иван Щербаков, воевал где-то в приграничных районах. Запыленный, тряский эшелон с оборудованием завода рентгеновской аппаратуры, в одном из экспериментальных цехов которого она работала, шел на восток. Она сидела в переполненной людьми и домашним скарбом теплушке, прижимая к груди спящего Игорька, неизменно возвращаясь мыслями к мужу, от которого вот уже около трех месяцев не было весточки, а то обдумывая свое будущее житье и страшась этого будущего.

Вскоре, однако, оказалось, что ее вполне объяснимые страхи были напрасны. В Актюбинске их встретили по-доброму и сразу же всех разместили, как только могли, по русской пословице: в тесноте, да не в обиде. Вот тогда-то она с Игорьком и поселилась в двухкомнатном саманном домике пристанционного рабочего Баубека Диханбаева, которого все звали просто Диханбай и семья которого состояла из его жены, приветливой, трудолюбивой Газизы, пятерых детей в возрасте от двух до десяти лет — старшего из них звали Сахин — и матери-старушки.

— Тесновато, матушка, тесновато у нас,— говорил ей Диханбай,— ну да ничего, входи в нашу семью как родной человек... В одном государстве живем... Одну Родину защищаем... Не падай духом, живи и трудись... Как нынче говорят: для фронта, для победы...

Так вот и прожила Ирина Петровна со своим Игорьком без малого шесть лет в семье Баубека Диханбаева. Завод к тому времени был отстроен, набрал мощности, какие и до войны имел, получил название «Актюбрентген», и как-то уже трудно было представить город без этого завода, словно стоял он здесь всегда, во все времена. Вместе со старшими ребятами Диханбая и Газизы Игорек пошел в школу: его водил туда в первую зиму дружок, третьеклассник Сахин. И все же Ирине Петровне захотелось вернуться в Москву, в свою пустовавшую после войны квартиру, которую когда-то она обживала с без вести пропавшим мужем. И в сорок седьмом году ее с Игорьком, которому шел уже одиннадцатый год, актюбинские друзья проводили в столицу.

— Входите, пожалуйста! — Антонина Алексеевна тотчас открыла дверь, а из соседней комнаты на стук вышла и Ирина Петровна. Тепло поздоровались, представились друг другу. Игорь и Антонина были примерно в том же возрасте, что и Юстас, и они как-то сразу нашли общий язык, словно были давно-давно знакомы. И если с Игнатом Петровичем Юстас говорил по-литовски, то с гостями он сразу же заговорил по-русски, очень чисто, почти без акцента.

— Для нас, уважаемые Ирина Петровна, Игорь и Антонина, ваш приезд очень и очень важен. Прямо скажу, что у нас вы не найдете ни одного человека, кого не затронули бы находки наших юных следопытов, в том числе и содержимое старого портсигара, о чем вам написал Томас. Спасибо вам огромное, что вы так быстро откликнулись на приглашение наших пионеров. Ваш приезд — живое свидетельство тех отношений нескоренимой дружбы и доверия, которые сложились между народа-

На вокзале вместе с друзьями по заводу ее провожала и вся семья Баубека Диханбаева. Его ребятишки совали Игорьку в руки незамысловатые подарки. А Газиза неслышно плакала, уткнувшись лицом в грудь Ирины. Сам же Баубек, не в силах скрыть волнение, целовал ее руки и все повторял и повторял одну и ту же фразу:

— Сделай, матушка, так, чтобы мы расстались ненадолго... Ведь в одной стране живем, одним воздухом дышим...

...В дверь опять постучали, теперь уже чуть сильнее, чем в первый раз.

— Кто там, входите, я уже поднялась,— сказала Ирина Петровна.

В дверях стоял мальчик, загорелый, черноглазый, в коротких штанишках и темно-синей с белым вязаной кофточке.

— Простите меня, пожалуйста,— сказал он.— Это я, Томас... Здравствуйте... Товарищ Юстас просил меня передать, что сейчас уже можно поехать на Солдатский луг. Мы вас ждем внизу...

«Жигуленок» Игоря Ивановича через мост в луга шел за синей председательской «Волгой». Машину эту вел Юстас Гедрайтис. Рядом с ним сидела Ирина Петровна, а позади Томас и еще трое ребят — все в белых рубашонках с красными пионерскими галстуками. Игнат Петрович — в застиранной солдатской форме без погон, но с тремя нашивками за ранения — устроился вместе с Антониной Алексеевной и двумя девчушками-пионерками в машине Игоря Ивановича.

Плашкоутный мост, когда по его дощатому настилу через речку шли машины, раскачивался и скрипел. А за мостом в луга повела обыкновенная неухоженная дорога, и машины время от времени зябко вздрагивали на ее пыльных ухабах, встречавшихся не так уж редко.

Вскоре дубовая роща, куда уходила дорога, словно бы сама подошла к машинам и остановилась. Под густыми развесистыми кронами первых же деревьев моторы заглохли, а приехавшие молчаливой группой, возглавляемой шестеркой пионеров-следопытов, друзей Томаса, пошли по узкой тропинке вдоль лесной опушки к стоявшим неподалеку высоким стогам свежего сена. Юстас и Антонина Алексеевна взяли Ирину Петровну под руки, а она ступала осторожно, словно боялась споткнуться и упасть, было заметно, что у нее перехватывает дыхание.

Тихо-тихо шелестела листва на деревьях, в роще перекликались птицы, и откуда-то из-за речки, из села, долетала сюда чуть слышная, но удивительно знакомая музыка. Над Солдатским лугом поднималось солнце.

Когда миновали стога, сразу же остановились. Дорогу преградили стоявшие живой плотной изгородью, не склонявшиеся даже под порывами ветра густые, нетронутые луговые травы. Чуть дальше за побуревшим уже травостоем вырастал продолговатый зеленый холм, на вершине которого разгорающимися под утренним солнцем кострами светились алые розы, темно-красные гвоздики, флоксы и пионы, окропленные росой лепестки которых, казалось, пропитаны кровью.

— Здесь...— сказал Юстас.— Все это случилось здесь. Перед нами Солдатский луг и братская могила... Вот здесь, возле этого стога, наши пионеры собирали гильзы, оставшиеся в земле от военных лет. Они, конечно, не знали, что чуть дальше, где, как рассказывали свидетели — да это помню и я, хоть мне шел тогда только пятый годок,— вот у тех муравьиных кочек гитлеровцы заставили наших воинов снять обмундирование, раздеться перед казнью. Только как раз здесь ребята и нашли теперь, видимо, выпавшие из их одежды коекакие личные вещи: довоенный значок ворошиловского стрелка, гребенку, металлическую «вечную» ручку и тот самый портсигар вашего мужа, дорогая Ирина Петровна, вашего отца, дорогой Игорь Иванович, в котором и сохранился на полуистлевшей бумажке ваш довоенный московский адрес. Все эти вещи теперь хранятся в уголке юных следопытов — в музейной комнатке нашей школы, и мы их вам непременно покажем...

Пока Юстас говорил, все, казалось, слушали его спокойно. Но стоило ему остановиться, прервать свою речь на секунду, как Ирина Петровна, которую Антонина Алексеевна и он сам держали под руки, вдруг тяжело опустилась на колени, уткнулась лицом в траву и глухо зарыдала.

— Мама, мама...— бросился к ней Игорь Иванович.— Ну, нельзя же так, возьмите себя в руки, успокойтесь...

Но Ирина Петровна вроде бы и не услышала обращенных к ней слов сына. Стоя на коленях, она прижимала к груди склонившуюся траву и плакала, плакала навзрыд.

— Мама, мама...— вновь попытался было ее успокоить Игорь Иванович, но его взял за руку и остановил Юстас.

— Не надо, дорогой, не трогайте вашу маму в эту минуту,— сказал он, прижавшись лицом к его уху.— Здесь у каждого сердечная боль прорывается наружу горючей слезой, потому что все мы свято бережем память о тех, кто нам дорог, даже если мы их никогда не знали в лицо... Пусть были они не из наших мест, но погибли-то они за наш общий очаг, за нашу советскую землю... Пусть поплачет, это святые слезы... Они пролили на эту землю свою кровь, а мы не можем не пролить над их могилой слез любви и благодарности...

Юстас замолчал. Потом, низко склонив голову, он попытался помочь Ирине Петровне подняться. Мимо стоявших у Солдатского луга гостей в этот момент, возглавляемые Игнатом Петровичем, прошли Томас и его товарищи. С трудом пробравшись через заросли доходивших им до пояса луговых трав, они поднялись на могильный холм. Здесь Игнат Петрович извлек из нагрудного кармана небольшую стеклянную коробочку и передал ее Томасу, который держал в руках пластмассовый совочек. Наклонившись возле одного из розовых кустов, он набрал в совочек сухую землю, пересыпал ее в коробочку, положил на эту землю поднятую тут же старую патронную гильзу, закрыл коробочку стеклянной же крышкой и передал Игнату Петровичу.

Вслед за ним, здесь расстрелянным и спасенным солдатом Красной Армии, подняв над головой ручонки в пионерском приветствии, они подошли к Ирине Петровне, и Игнат Петрович, распрямив плечи по стойке «смирно», передал ей в руки коробочку с землей от братской могилы, где в сорок втором году были похоронены политрук Иван Щербаков и его боевые товарищи. С этой коробочкой все они неторопливо обошли затем Солдатский луг и братскую могилу.

— Она пока безымянная, эта могила.— Растягивая слова, словно обдумывая и взвешивая все то, что ему хотелось сказать, Юстас говорил, обращаясь скорее не к москвичам, а к Игнату Петровичу и внимательно слушавшим его пионерам.— Да, пока безымянная... Но пройдет время, и она перестанет быть безымянной. Имена сорока пяти погибших наши следопыты с помощью военных органов уже установили, сорок шестой — близкий вам человек политрук Иван Иванович Щербаков, сорок седьмой — расстрелянный, но спасенный моими односельчанами Игнат Петрович Слесарев — вот он, жив и здоров... В скором времени узнаем имя и сорок восьмого... Непременно узнаем... И когда узнаем имена всех, кто здесь лежит, возведем достойный их подвига памятник и золотыми буквами вырубим на мраморе их имена...

Потом, может быть, час, а может быть, и дольше они сидели на пахучем сене у этого святого места. Сидели молча, не в силах оторвать взгляд от маленькой стеклянной коробочки в руках Ирины Петровны с землей, окропленной солдатской кровью.

Наконец Игорь Иванович поднялся и, словно силясь побыстрее освободиться от тяжелых переживаний, сказал:

— Мама, нам пора...

Ирина Петровна тотчас поднялась и, опираясь на руку невестки, направилась к машине. И вдруг оглянулась, подошла вплотную к Юстасу, дрожащей рукой склонила к своему лицу его седеющую голову, поцеловала в лоб и как-то очень просто, словно своему сыну или невестке, сказала:

— Право же, Юстас... Право же, спасибо за все... И еще за Игната Петровича и за Томаса спасибо... Мне сейчас нелегко, но я счастлива, что у меня есть такие, как вы, дети и внуки...

**35 ЛЕТ НАЗАД, 30 ДЕКАБРЯ 1947 ГОДА, РУМЫНИЯ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ. С 1965 ГОДА — СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА РУМЫНИЯ**

**Д. ИВАНОВ,**
**специальный корреспондент «Огонька»**

Всегда радостно вдали от родных мест встретить земляков. В самом сердце Румынии, в трансильванских Карпатах, в городе Сибиу, мы обменивались впечатлениями с туристской группой из Горьковской области. Тридцать пять человек — ударники полей, механизаторы, животноводы Починковского района,— они продолжали свой путь из Венгрии в Бухарест. Наша дорога лежала в другую сторону — в город химиков Рымникул-Вылча.

Здесь уже более пятнадцати лет формируется важнейший центр румынской химической промышленности, которая наряду с машиностроением и энергетикой заняла передовые позиции в стране. Планами развития народного хозяйства предусматривается, чтобы по объемам и номенклатуре химической продукции Румыния вошла в десятку наиболее развитых государств мира. В решении этой задачи важное место отводится сотрудничеству на взаимовыгодной основе с Советским Союзом. Имеющее долговременные и прочные корни делового и равноправного партнерства по СЭВу, это содружество постоянно дает весомые плоды.

Вот только один пример. В строительстве крупного химического комбината по производству каустической соды и хлора в городе Джурджу самое деятельное участие приняли советские специалисты. В Министерстве химической промышленности СССР мне сообщили, что пусконаладочные работы там успешно завершены и наши инженеры, возглавляемые Юрием Ивановичем Ткаченко, перебазировались севернее, в уездный центр Рымникул-Вылча, расположенный на одном из притоков Дуная — Олте.

— Алутус — такое название носила река у римлян. В схватках с ними,— напоминает мне редактор бухарестского еженедельника «Флакара» Михай Станэску,— отстаивали свою независимость наши предки — даки. Вот откуда «Дачия» — марка автомобиля, который мчит нас и который чаще всего можно увидеть на румынских дорогах. Но теперь к ним прибавится еще и более компактный «Олтсит»,— на основе французской (как и «Дачия») лицензии его начал производить автозавод в городе Крайова. Мы строим,— продолжает товарищ Станэску,— конечно, не только легковые машины. «Роман-дизель» — те мощные грузовики, которые то и дело попадаются нам навстречу,— они много лет уже изготовляются в Брашове.

Олт знаменит не только историей. Вот большой участок шоссе, вознесенный массивными сваями над гладью водохранилища, огибает крутые горные склоны, в которые уперлась разлившаяся река. Бег ей преградила плотина очередной, совсем недавно возведенной ГЭС,— ведь с первых лет народной власти на Олте началось сооружение целого каскада гидростанций. Ныне их число достигло тринадцати, а суммарная мощность — одного миллиона киловатт. Большие ресурсы дешевой энергии и огромные запасы ценного минерального сырья — эти благодатные факторы имели решающее значение для судьбы нового, промышленного Рымникул-Вылча.

Однако первое, чем встречает город,— музей села. В Бухаресте мне уже удалось познакомиться с подобным этнографическим заповедником, есть они и еще во многих местностях Румынии, а в Сибиу даже единствен-

# В ГОРОДЕ НА ОЛТЕ

ный в стране музей сельской техники и промышленности.

У подножия холма привольно разместились крестьянские дома и другие строения, свезенные сюда со всех концов уезда. Высокие, прямо высоченные островерхие крыши, обязательные веранды-галереи с фигурными столбиками и соединяющими их арочными полукружьями,— их и сегодня увидишь повсюду в Румынии: новенькие, с иголочки, чаще кирпичные, сочно раскрашенные во все цвета радуги. Собранные же здесь экспонаты позволяют не только познакомиться с ушедшим и уходящим бытом, не просто сохранить в первозданном виде старинные жилища, их незатейливое на первый взгляд убранство и неказистую утварь, но и проникнуться целесообразностью и красотой, которые освящали повседневную жизнь дедов и прадедов, подивиться их хозяйственной смекалке... Такие музеи под открытым небом (и другие подобные начинания) надежно служат воспитанию живой, конкретной связи поколений, прививают память о корнях, взрастивших всех и каждого, поддерживают интерес и любовь к истории народной. В социалистической Румынии всему этому комплексу вопросов придается немаловажное значение.

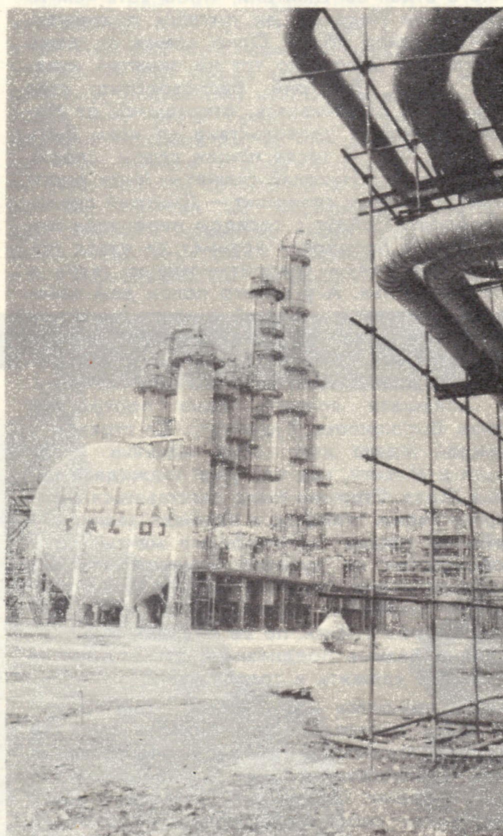
Но, понятно, первая забота и главная радость — день сегодняшний.

Взять хотя бы архитектурный облик уездных румынских городов. Побывав в Сибиу, Рымникул-Вылча, Питешти, надолго запоминаешь их центральные кварталы. Нет привычных унылых равноэтажных коробок, заполняющих пространства улиц и площадей без всякой фантазии, без привязки к местности, без созвучия историческим ансамблям. Наоборот, каждый дом здесь имеет свое лицо, отличаясь формой балконов, лоджий, эркеров, участков крыш — то скошенных, то горизонтальных, то приподнятых на разных уровнях, так что исчезает для глаза зависимость от стандартов серийного строительства. Особенно привлекательна разноэтажность: и отдельных домов и тем более когда она сочетается в одном строении. С набережной Олта я долго любовался зданием, два крыла которого этаж за этажом плавно ниспадали к земле. И квартиры в этих кварталах отличные — на 60—80 квадратных метров для семей в 4—6 человек.

Разговор на эту тему продолжился в кабинете заведующего отделом пропаганды уездного комитета партии Рымникул-Вылча товарища С. Думитру.

— 12 тысяч квартир будет построено у нас в текущей пятилетке. Согласитесь, что для города с населением в сто тысяч человек это весьма внушительная цифра. Недавно начала работать новая больница, возведен Дворец спорта на 2500 мест. А видели вы, каким замечательным Домом культуры, науки и техники для молодежи украсился Рымникул-Вылча? Архитекторы удостоены премии за это здание. В нем каждый может найти себе занятие по душе. На двенадцати этажах разместились гостиница, различные залы, библиотека. В ближайшие дни там будут проходить культурно-воспитательные и художественные мероприятия в рамках декады, посвященной национальной партийной конференции. Десять дней продолжится смотр-конкурс самодеятельных ансамблей уезда, участвующих в республиканском фестивале «Песнь Румынии». Предстоит интересная дискуссия на тему «Искусство и жизнь». А вам, я думаю, немало повезло. На открытие декады приглашен один из самых известных бухарестских театров — имени Константина Ноттара. И два вечера подряд он показывает в нашем Доме культуры профсоюзов «Карамазовых» Достоевского. Быть может, на спектакле вы встретитесь и с советскими специалистами, которые работают на нашем химическом комбинате. Кстати, я тоже начинал там же — оператором. Сейчас у нас горячая пора: только вчера состоялись выборы в местные советы, а завтра уездная партийная конференция, на ней будут подведены итоги работы за три года, прошедших после XII съезда РКП. Готовимся к деловому взыскательному разговору. У нас есть немало достижений, темпы развития промышленности в уезде в последние годы заметно более высокие, чем по стране: 16—17 процентов. А первое знакомство с нашей продукцией вы сможете совершить, когда отправитесь на спектакль и по пути посмотрите нашу выставку...

Это тоже сделалось традицией в республике: наглядный показ не только истории страны, но и ее нынешних свершений. На одной из центральных площадей, обычно рядом с Домом культуры, в уездных румынских городах устраивается выставка техники, производимой в уезде. В Сибиу привлекали внимание громадные грузовозы, выпускаемые автозаводом «Мырша»,— в ближайшее время там вводят в



**Химический комбинат в Рымникул-Вылча.**

серию самосвалы грузоподъемностью в 50 и 100 тонн. В Рымникул-Вылча прежде всего впечатляет разнообразное химическое и нефтяное оборудование. Многие из пришедших в Дом культуры осматривали выставку так, что чувствовалось: это сделано их руками.

...О бухарестском театре имени К. Ноттара мне говорили и в столице и в провинции как о коллективе, который истово служит реалистическому искусству, а новаторство и современность ищет в проблематике, в вынесении на сцену больных вопросов времени. И обращение театра к творчеству великого русского классика естественно и закономерно. Режиссура Дана Мику, сценография и музыка спектакля, исполнители главных ролей создают впечатляющую картину, развенчивающую тех, кто хотел бы подняться над схваткой добра и зла. В постановке ослаблены отдельные сюжетные линии знаменитого романа, и главной движущей пружиной действия становится трагедия Ивана Карамазова. В попытке усилить ее авторы инсценировки (директор театра Хоря Ловинеску, известный румынский драматург, и Дан Мику) во втором акте довольно неожиданно вводят героев других книг Достоевского: Ставрогина, Кириллова, Свидригайлова.

...На спектакле встретиться с руководителем советских специалистов Юрием Ивановичем Ткаченко мне не довелось. Да и на строительной площадке мы с ним в первый момент чуть не разминулись. В обыкновенной монтажной каске, в рабочем синем халате он был, как и все тут.

— В Рымникул-Вылча все проще,— говорит Ткаченко.— В Джурджу завод строился на голом месте. Тут же давний сплоченный коллектив, большой отряд высококвалифицированных инженеров и техников. У румынских товарищей немалый самостоятельный опыт. Если в Джурджу нас работало сорок человек, то здесь понадобилась совсем небольшая группа. Мы осуществляем шеф-монтаж оборудования для производства каустической соды и хлорорганических соединений. Поставляет его завод из Чирчика, что в Узбекистане. Работы идут успешно, по плану. У нас хорошо налаженные контакты. Всего я в Румынии четвертый год, скоро уже можно в родные края, под Харьков, на Первомайский химический... Последняя реальная задержка теперь — о ней вам наверняка будут еще говорить — это холодильная установка. Своевременно не заказали в Советском Союзе, и теперь нужно надеяться, что намеченные сроки ее поставки окажутся твердыми...

— Да, компрессоры для фреона — единственный сейчас стоящий остро вопрос,— подтвердил Эммануил Анку, технический директор республиканского промышленного объединения неорганической химии.— Но мы уверены, что советские коллеги, как всегда, пойдут нам навстречу.

Наше объединение включает химические производства не только в Рымникул-Вылча, но и в других городах, в том числе и в Джурджу. О его потенциале говорит хотя бы то, что в масштабах страны мы выпускаем сто процентов кальцинированной соды, 72 процента соды каустической, сто процентов карбида, половину всех пестицидов и многообразную другую продукцию. Мы используем здесь, на этом мощнейшем комбинате, передовые технологии и оборудование не только из СССР, но и из Японии, Франции, ФРГ, США, Китая... Немалая доля производимых нами продуктов идет в Советский Союз,— а также и химическое оборудование. Многие наши инженеры получили подготовку в Москве, Киеве, Фрунзе. Вообще же большинство рабочих и специалистов — а на комбинате трудится около 20 тысяч человек — местные, очень многие работают тут с самого начала, с 1967 года, хорошо освоили свои профессии. Сам-то я пришел сюда позже, проработав до этого десять лет инженером, начальником смены, установки, всего капитального строительства фабрики синтетических волокон. В Рымникул-Вылча приехал в 1972 году. Сначала опять просто инженером был, но уже через год руководил отделом. Еще через пять лет прошел подготовку в академии руководящих кадров и вот год назад назначен техническим директором объединения...

Коренастый, плотный, с приветливой уверенной улыбкой Эммануил Анку и Юрий Иванович Ткаченко, с рано побелевшей головой, но все равно бодрый и крепкий, протягивают друг другу руки: пора по рабочим местам, химическое производство — процесс непрерывный.

И неразрывны усилия этих людей, строящих в братском содружестве новую Румынию.

Бухарест — Москва.

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

# КНИГА ОБ ОТЦЕ

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

## ГОЛУБАЯ РОЗА НИКОЛАЯ

Дмитрий Артемьевич испытывал желание лечь, закрыть глаза и крепко уснуть. Казалось бы, нет ничего проще, однако, едва веки смыкались, стаи нерешенных и неразрешимых вопросов дня налетали на него, и начинались шахматные партии сложных государственных дел. Он открывал глаза еще более усталый и решал — лучше уж заниматься всеми этими делами, чем без толку думать о них. Иногда, правда, в раздумьях приходили некоторые верные решения, находились выходы. Вот уже пять лет как он вдовел, но почти не ощущал потери жены. Тихая, неслышная, она охраняла его режим. Теперь это делала так же тихо, неслышно, нанятая за деньги чужая женщина. С женою у Дмитрия Артемьевича никогда не было общих интересов, но они прекрасно прососуществовали более тридцати лет. Он женился на своей секретарше, знавшей наизусть его привычки, потому что нельзя было дальше ответственному работнику ходить в холостяках, получив отказ красавицы Нины и устав быть у сестры Жозьки нахлебником, тем более что эмансипированная Жозька жила вредно для здоровья, всухомятку.

Дмитрий Артемьевич рано понял необходимость беречь здоровье, поэтому занимался спортом, принимал пищу по часам, еженедельно проходил осмотр терапевта. Выглядел он для своих лет просто замечательно, бодро и моложаво. Низкорослого, краснолицего, с узкими глазами и брезгливым выражением лица рыжего человека нельзя было назвать красивым. Однако с годами он набрал силу. Мужчине и не нужна утонченная красота, зато вид у него мужественный, соответствующий занятиям. Девочка, как две капли воды похожая на него, с детских лет умело компенсировала недостатки отцовской наружности талантом красиво одеваться. Ее наряды останавливали его внимание, он завороженно смотрел на нее, словно была она из какого-то иного, таинственного мира. Эти наряды заставляли его невольно робеть перед нею, хотя, конечно же, он понимал, что все они есть результат эксплуатации его имени и средств. Дочка рано вышла замуж, рано разошлась, еще раз вышла, родила, разошлась и теперь жила с ребенком, нигде не работая, встречаясь с подругами, навещая портних. Жила, как хотела. Изредка приезжала к отцу, и каждый приезд заключал в себе просьбу — то квартира ее в плохом районе, хочется поменять, то денег мало — нужно ехать на курорт, то сына нужно устроить в школу фигуристов, а его не берут, говорят, нет способностей. Пусть нет, но мальчик хочет. Дмитрий Артемьевич исполнял все просьбы, за что получал мимолетные поцелуи в четко обозначившуюся плешь в рыжих волосах. Сын — безликий, бесхарактерный. Ходячий костюм.

«Не получились дети»,—без особой горечи думал Дмитрий Артемьевич, даже не виня себя в том, что мало уделял им внимания. Кто уделяет, тоже часто получает деток не лучше.

Дмитрий Артемьевич был человек волевой, железный, жесткий и сильный. Его боялись и уважали. Молчание его — а он был предельно молчалив — звучало красноречивее любого слова. Решения, принимаемые им, бывали тщательно обдуманы и бесповоротны. Перед ним трепетали все. Он не испытывал трепета ни перед кем, кроме одного-единственного человека. И то не всегда. С тех самых пор, как Митя проигрывал Николаю оловянные сражения, с тех пор, как Николай спас его от бешеной собаки, с тех пор, как на чердаке слеповского дома Колька великодушно дал Митьке пососать коренной лошадиный зуб, дал из собственного рта, ничуть не жадничая, с тех пор, как Николай первым влез в бочку и скатился с кургана — с тех пор Николай Кочерно был для Дмитрия Слепова идолом.

Они росли — Николай превращался в этакого любимца девушек, и все ему было возможно, всюду повадно, со всеми легко.

Много отдал бы Дмитрий, чтобы хоть чем-то походить на Николая, он пытался подражать ему — выходило убого. Одно время он даже возненавидел друга, но тот не заметил ненависти. Тогда Дмитрий бесповоротно стал искать себя, отталкиваясь, отвращаясь от Николая. Он нашел удовольствие во всем быть его антиподом. И тогда пошли ссоры, споры, несогласия. Что Николай скажет — Митя опровергает. Поступок совершит — Дмитрий сделает наоборот. Пойдут с соседом перепелов ловить, Митя с полдороги возьмет да назад повернет. «Не хочу,— говорит,— живую тварь в клетку загонять». А у самого полон дом канареек в клетках и попугай живет, дураками приходящих людей обзывает. Николай и Андрей собирались стать паровозниками, Митя — кадровым военным, так хотела его матушка. Она обвешала комнату сына портретами Фрунзе, Ворошилова, Буденного. Со страхом и надеждой ждала дня, когда мальчик уедет учиться в Москву, где его уже поджидала сестрица Жозя. Страшно было расставаться с последним своим птенцом, а надежда заключала в себе не только честолюбивые мечты, но и освобождение от дурного влияния уличных мальчишек — они, конечно, мешали Мите развиваться, отвлекали на всякую чепуху. У Николая, Андрея и Мити, по ее мнению, были совершенно разные предназначения. Эту мысль она сумела вложить в голову сына.

Мысль пришлась очень кстати — она примирила его с превосходством Николая там, где Митя явно отставал. Он великодушно позволил другу первенствовать, зная, что впереди все будет по-иному. Очутившись в Москве, Митя почувствовал себя освобожденным от плена Николая и на какое-то время даже забыл о нем. Встречались они летом, на каникулах. Митя был важен и отстранен от старых дружков. Он много читал, думал, рассказывал старшим о своей московской жизни. Нежная, братская любовь Николая к Андрею, прежде вызывавшая чуть ли не бешенство Мити, уверенного в том, что он-то лучше, интереснее, умнее этого унылого сухаря, теперь казалась ему скучной. И сам Николай, если сравнивать его с теми блестящими людьми, которых Дмитрий встречал в Москве, был всего-навсего обыкновенный, ничем не замечательный полудеревенский парень. Рассказы Николая, как они с Андреем подрабатывают на разгрузке овощей, как ходят на галерку в оперетту, как ездили на практику и сами водили паровозы, никакого значения для Мити не имели.

«И этот человек казался мне образцом? — думал выросший Митя.— Смешно. Глупо».

Однако незаметно для себя в Москве многие свои поступки он соизмерял с Николаем — как бы поступил тот, что бы сказал? Это помогало. Чаще всего он поступал наоборот и радовался, потому что Николай наоборот — сущность Дмитрия.

Митя хорошо и умно продвигался по службе. Он женился на дочери военачальника, служившего в Белоруссии, худенькой девушке в очках. У них не было общего языка. Единственно, что ей нравилось, это рассказы Мити о его детстве и проделках Николая Кочерно. Митя даже по-своему ревновал ее к неведомому ей Николаю, когда она просила:

— Лучше расскажи мне про Кольку.

Детей у них не было. Она не хотела портить грудь, хотя Митя ничего особенного в ее груди не находил — грудь как грудь. Родители Дмитрия, как только сын уехал учиться, стали собираться в Москву и переехали. Они умерли незадолго до войны. Повода для поездок в провинциальный городок не стало, и дружки разошлись навсегда.

Однако судьба, а точнее — техническое развитие общества и темпы индустриализации повернули так, что учившиеся на паровозников Николай и Андрей стали танкостроителями, а будущий кавалерист Дмитрий Слепов переквалифицировался в танкиста. Судьба, как говорится, свела.

До войны они не встречались. Но слышали друг о друге. Первым об Андрее и Николае услыхал Слепов. Его батальон получил на испытание их легкий танк. На испытаниях Митя поймал себя на мысли, что он желает машине провала. Прогнал недостойную мысль. Она вернулась. Танк провалился. Митя нюхом чуял, что этим дело не кончится: сегодня провалились — завтра победят.

Николай вряд ли мог знать фамилии военных, испытывавших его машины.

Митя рос по службе, и к середине тридцатых годов его слово уже имело вес.

Каждый раз, когда машина этого КБ приходила на испытания, Слепов волновался. Ему непременно докладывали всё о ней. Если она давала хорошие показатели — у него портилось настроение. Он одергивал себя. Стыдил. Воспитывал. Ничего не мог с собой поделать. Настроение портилось.

— Смотри,— сказала однажды его очкастенькая жена, входя в комнату с газетой,— награждена орденами за модель легкого танка группа инженеров-конструкторов. Среди них Николай Кочерно. Это уж не твой ли Колька?

— Не знаю! — зачем-то соврал Слепов и покраснел.

Примерно в эти дни он был назначен в государственную комиссию по приему новой техники. И очень скоро на заседании комиссии появился глава того КБ — невысокий, плотный, улыбающийся Векшин. Слепов знал, что будут принимать колесно-гусеничную модель среднего танка. Он изучил ее, придрался, как мог, выставил замечания, обнаружил недостатки. Векшин очень внимательно, безответно выслушал его. Все записал. Голосование тем не менее было единодушным — «за». После голосования Векшин попросил слова и представил на рассмотрение комиссии еще один, невиданный доселе проект гусеничного среднего танка. Это был не очень умный шаг — только что утвердили модель, и нате вам — другую. Члены комиссии зашумели, стали рассматривать проект. Потом наступило молчание, и в нем раздался голос Слепова:

— Гусеницы — калоши на ботинках. Как известно, они должны предохранять ботинки. А ходить без ботинок в одних калошах как-то неудобно.

Засмеялись.

— Гусеницы быстро изнашиваются.

— Танк будет ненадежный.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41-46, 48-50.

— Какая-то странная идея.

— Молодые ребята, фантазеры...

Решено было передать проект повыше, на новое рассмотрение.

Вернувшись домой с заседания, Дмитрий Артемьевич не находил себе покоя. Нюхом — откуда у него этот нюх? — он чуял: эта сумасшедшая идея, эти калоши без ботинок, этот бред, высосанный из пальцев Векшина, Коли и Андрея, таит в себе некую грозную, невиданную прежде силу. Да, и сегодня Слепов может сказать себе, не кривя душой: он предчувствовал этот танк, всей интуицией верил в него, как верил в то, что Колька скатится в бочке с кургана. И все же верить было неприятно, больно сердцу. Обыкновенная, лютая зависть. Диагноз точен. Ясен самому себе. Она причинила ему много неприятных минут, когда гусеничный танк одержал ту победу, в которой он не сомневался, когда эта троица была удостоена премии первой степени, их портреты украшали «подвал» «Правды», когда он читал дурацкую статью Монистова «Созидающие броню», где Николаю уделено было больше места, чем Андрею,— естественно, этот черт умел себя показать. Пыль в глаза пустить. Позднее, услышав от Николая, что у Андрея гениальная голова, он и к Андрею испытал нечто похожее на зависть потому, что именно Николай похвалил его. Удивительно то, что по натуре Дмитрий Артемьевич вообще-то завистлив не был. И ведь повода-то для зависти никакого. А разве нужен повод? Слепов в годы войны стал расти, расти и вырос так, что Николаю с Андреем не снилось. Им вправду не снилось — они ведь не завидовали Слепову.

Какое-то время, следя за продвижением вверх его имени, Николай думал, что Слепов может стать союзником. Они не виделись долгие годы. Встреча на Урале. История с Ниной. Все было как-то нехорошо, некрасиво, не оставляло надежд на союзничество.

Узнав, что Николай назначен в Москву, Слепов неприятно поморщился, словно его главный соперник мог чем-либо помешать. Николай в Москве никого не затмил, даже угас как-то, поблек, увял.

Они встречались изредка, мимоходом. Дмитрий был величественно сух. Николай особенно не приближался. Не без удовольствия видел Дмитрий, как постарел предмет его многолетней зависти, как он неважно выглядит, как устал.

В отличие от Слепова Николай не берег здоровья, и встречи с врачами — больше премилыми женщинами-врачихами — превращались в легкий флирт. Он всегда оставался верным себе. Выходя от терапевта с рецептом, нес еще и какую-нибудь просьбу: то сына помочь устроить на работу, то достать книгу, вышедшую малым тиражом, то еще что. Это было в порядке вещей.

И в Москве почти повторилась старая история, с теми же участниками, но в новые времена. В комиссии, где во главе стоял Слепов, столкнулись две машины: одна — модернизация старой холодовско-кочерновсковекшинской модели, другая — новое слово, шаг вперед — на первый взгляд сумасшедший, безумный, нереальный шаг, работа КБ Холодова при прямой поддержке Кочерно. Так определил ход событий умный Слепов. Как и прежде, инстинктом чуял он великие возможности нового варианта, инстинктом знал, что рано или поздно бочка скатится с кургана, как того хочет Николай. С удовольствием Дмитрий Артемьевич заметил про себя, что на сей раз старая зависть уступила место ровному, уверенному чувству своей силы. Сегодня ему было приятно помочь старым друзьям, показать им, на что он способен. Но как назло именно сегодня помочь он не сумел, не было никакой возможности принять безумный вариант — он не выдерживал критики, единственный экземпляр плохо прошел испытания, недоделок было множество, и Слепов, руководивший заседанием, не желая отрицательного голосования, отодвинул решение вопроса. Он видел, как желтым огнем зажглись глаза Кочерно, как повесил свой нос Холодов, но он прошел, не сказав им ни слова. Через месяц узнал: Николай Кочерно уходит на пенсию — устал, хочется отдыха и покоя.

«Сдался?» — на миг подумал Слепов. И усомнился. Что-то за этим крылось. Скоро стало ясно — что. Дмитрий все понял, получив на службу заказное с уведомлением частное письмо персонального пенсионера гражданина Кочерно, старого чайника, графомана, который, не стесняясь в выражениях, а местами впадая чуть ли не в истерику, прямым текстом расписывал всю проблему, предостерегал от возможных тяжелых последствий, если выйдет не так, как он предлагает.

Письмо это получило столько людей, что проблема вышла за узкие рамки и привлекла к себе внимание. Николай этого и хотел. Дмитрий понял его маневр. Поддержал. Были назначены комиссии, проверки, исследования — колесо пришло в движение. И вот результат: колесо повернулось в сторону машины «сухаря» — она выиграла бой и была признана лучшей. Однако с нею предстояло немало хлопот. Спустя два года после ухода Николая на пенсию стало ясно, что без него трудновато. Дмитрий Артемьевич предложил Николаю стать его консультантом.

— Поздравляю, Коля, вы с Андреем победили.

— При чем мы, машина побеждает.

— Как живется на пенсии?

— Замечательно. Розы выращиваю.

— Слушай, Николай, хоть живется тебе прекрасно...

— Но рано решил уйти от дел. Твой опыт и знания еще нужны нашему замечательному народу. Поэтому я предлагаю тебе вернуться. Старое место занято. Иди-ка ты ко мне в консультанты. Это название. А на самом деле будешь доводить машину вместе с Андреем.



Соглашайся, Николай... Я согласен. Спасибо за доверие,— залпом выпалил Кочерно.

— Ты дьявол,— засмеялся Слепов, которому больше ничего не осталось.— У тебя кругом шпионы. Если бы ты знал, сколько шуму наделало твое письмо.

— Знаю.

Впервые за долгие годы они сидели полюбовно. Помощник — лощеный юноша с безликим лицом — принес чай в хрустальных стаканах с подстаканниками. Николай вытащил из кармана пиджака флягу, плеснул сопротивляющемуся Дмитрию в чай своего зелья «Двенадцать Разбойников». Потом пошел. Он шел по длинному кабинету тяжелой походкой, в сапогах, в грязных ватных штанах, заправленных в сапоги, в старом, засаленном пиджаке.

«Нарочно вырядился. Любит попредставляться»,— думал вслед ему Дмитрий Артемьевич, глядя со стойкой смесью любви и ненависти.

Поначалу Дмитрий чувствовал себя спокойно, даже не без превосходства в роли прямого начальника Николая. Но скоро этот дьявол все стал крутить по-своему. Отродясь не зная покоя, он измучил Дмитрия необходимостями, о которых тот прежде и не подозревал.

— Как же я раньше не знал этого? Почему мне не говорили?

— Окружил себя дураками и подхалимами. Ничего удивительного.

Дмитрия слегка коробило панибратство «консультанта», но возражать он не смел. Там, у себя в КБ, ликовал «сухарь». Он переживал пору лебединых песен — машина его преуспевала, «консультант» целыми неделями торчал у него в командировках. Дмитрий уставал от «консультанта», охотно отправлял его к Андрею.

От присутствия Николая, правда, стало теплей жить. Дмитрий даже размяк немного, бывал нежен с дочерью. В воскресенье велел сторожу на даче перекопать кусок земли — он собирался сам посадить розы. Кончилось тем, что сажал сторож.

Однажды в разговоре с Николаем он вдруг вспомнил Нину и стал краснее мака, услыхав, что никогда в жизни между нею и Николаем ничего не было.

— Скажи, почему тебя так бабы любили? Неужели рост?

— Чепуха, тайну знаю. Женщина любит жалость. И красивые слова. А ты, небось, только и умел, что сидеть, краснеть да смущаться. Возьми женись на Нине — она свободна. Хочешь, сосватаю?

Дмитрий иногда вспоминал ее темноволосую голову, голос, движения. Он полюбил телевизор: удобно — никуда не нужно идти. Много ерунды, но иногда бывает... Показывали пьесу — там одна актриса чем-то ее напоминала. Конечно, далеко было до Нины, но напоминала. Он запомнил фамилию актрисы. Даже хотел пойти в театр, где она играла, но не решился. В театрах бывал редко, все больше с делегациями в Большом на балетах или на праздничных концертах вместе с другими ответственными работниками. Поход в балет был чем-то вроде продолжения служебных дел — он безропотно десять раз смотрел «Лебединое озеро», ничего в нем не понимая. К праздничным концертам относился хорошо, хотя и они не доставляли особой радости — вокруг люди, нужно отвлекаться на разговоры, обмен мнениями, а он как обстоятельный человек, любил наслаждаться искусством в одиночестве.

Кочерно внезапно тяжело заболел. Слепов испугался, подумал: «Не выживет». Почему? Неизвестно.

Так и случилось. В день похорон Николая Дмитрий Артемьевич срочно улетел в командировку. Он, конечно, мог отменить ее. Не отменил. Накануне приказал, чтобы все на похоронах было как надо — воинский караул, артиллерийские залпы, речи и так далее. Слепов боялся смерти. Чем ближе к нему был умерший, тем дальше хотел он быть от него. Когда умерла вторая жена, он еле выстоял похороны и тут же уехал на Дальний Восток.

Смерть Николая заставила его немного изменить нагрузку в утренних занятиях физкультурой. «Надо бы устраивать один голодный день в неделю — не зря говорят, что это полезно: организм отдыхает». Смерть Николая словно имела к его плоти явное отношение. Узнав, что и «сухаря» не было при прощании, Дмитрий испытал некоторое злорадство.

— Вот,— сказал он вслед Николаю,— а ты с него пылинки сдувал!

«Сухарь» умер месяц спустя. С его уходом перевернулась страница истории.

Годы высвечивают одни события — затемняют другие. То, что вышло на свет, обрастает воспоминаниями и легендами. Хватятся люди, а участников уже почти нет, а те, кто есть, между собою не согласны.

Эта женщина с лицом Николая, хотя он был красавец, а она, как говорится, ничего особенного, сидит перед Дмитрием Артемьевичем и несет несусветную чушь. Он почему-то не прерывает, не возражает, внимательно слушает и молчит.

Она проникла к нему через сестру Жозефину, хотя он никогда не отказался бы встретиться с дочерью Николая Кочерно, помочь ей. Тем лучше, что не надо помогать: он устал помогать собственным детям. Мысль, что этой помогать не нужно, ей даже отец не помогал, готова была пробудить в нем старую зависть: есть же дети!

Но откуда она взяла, что именно он, Дмитрий Артемьевич Слепов, вычеркивает из книг имя ее отца? Возмутительная глупость! Выгнать ее? Накричать? Он слушает долгую, нервную ахинею с перечислением упоминаний и неупоминаний. В сущности, и не такая уж это ахинея: в ее словах много здравого смысла. Видимо, она долго рисовала себе картину отношений двух старых друзей. Или врагов? Он, Дмитрий, всю жизнь завидовал Николаю, потому что сам ничего не мог изобрести и потому что того любили, Слепова — нет. Теперь он сводит счеты с мертвым. Она подобрала немало фактов — и откуда только взяла их? Умело расставила в своей голове. Ему, наконец, надоедает слушать ее:

— Вы забыли еще один немаловажный факт. Николай всегда обыгрывал меня в солдатики. Я был туп. Он назвал меня бревном. Вы думаете, не обидно?

Инна Николаевна не отвечает. Этот уродливый старик смотрит на нее усталым, почти добрым взглядом. Значит, все, в чем она только что обвинила его,— неправда? Он ничего не вычеркивал? Кто же это сделал?

— Я попрошу выяснить, кто, что, где и почему вычеркнул. А книгу о Николае надо написать. Равных ему не было.

Инна Николаевна, захлебываясь, бормочет, что книга должна быть о Векшине, Андрее и Николае, у Андрея была гениальная голова, и без него отец ничего не мог.

«Кочерновская порода — заботится о других» — улыбается про себя Слепов.— Жаль, не моя дочка. Опять Коля обошел меня на повороте».

«Полное поражение,— думал Слепов, сидя в машине, надежно отделявшей его от великого города.— Я впрямь, подлец, должен был заняться памятью Николая, Андрея, Векшина. Нужно подумать о памятнике им троим в городе, где начали свой танк. Нужно назвать улицы.

Полное поражение,— думал Слепов,— после смерти мои дети станут ли воевать за доброе имя отца? Сомневаюсь.

Полное поражение,— думал Слепов, вспоминая, что не сумел как следует успокоить, обласкать дочку друга.— Грош цена государственному мужу, если он не находит в себе сил и слов.

Интересно,— думал Дмитрий,— знал ли Николай, что тогда, в тридцатых, именно он, Слепов, возбудил комиссию против их проекта? Хотя, если честно говорить, он никого не возбуждал, просто высказал сомнение, точно так же, как спустя много лет он не высказал его по аналогичному поводу, чем спас машину от полного провала. Что думал о нем Николай все эти годы? Понимал его? Похоже, что да».

Он вошел в теплый пустой дом. Горячий ужин был на столе. Женщина, обслуживающая его, только что ушла. Медленно поел: медленно — полезно. Немного полежал на диване после еды — рекомендация врача. Встал. Включил телевизор — программа «Время» сообщала о напряженном пульсе мира. Супердержава наращивала военный потенциал. В Иране женщинам запретили ходить без паранджи. Подводная лодка...

Выключил телевизор, сел за стол, раскрыл тяжелую папку с документами — важнейшие проблемы дня. Без Слепова их решение невозможно.

Он вдруг почувствовал смертельную усталость и вспомнил голубую розу Николая. Вот бы... Но груз на плечах Слепова был слишком тяжел, чтобы сбросить его, не рискуя умереть.

«В сущности,— подумал он,— с Николаем случилось то же самое: чуть освободил плечи и начал угасать. Мы поколение умирающих стоя».

**ЗАОБЛАЧНЫЙ СУХАРЬ**

— Коль, ты думаешь, выйдет?

— Когда это у нас не выходило!

— Я за тебя боюсь. Уж очень ты в письме злой. Как бы тебя по партийной линии...

— Сейчас!

— Что Дмитрий думает?

— Ничего. Смотрит, куда колесо повернет.

— Свинья.

— Нет, нормально. Иначе не может. Стратег. Даст буре подняться, увидит все «за» и «против»...

— Думаешь, в результате он будет за нас?

— Что ты из себя дурака корчишь? Любишь за моей спиной греться!

— Люблю!

Оба смеются и долго молчат. Ни с кем так хорошо не молчится Николаю, как с Андреем. Кто-то сказал, что Андрей — человек с тяжелым характером. Николай даже переспросил. И сам Андрей так думает:

— Знаешь, с моим тяжелым характером...

Народ в КБ стонет:

— Этот Холодов просто все силы выматывает. Он гениален, за ним не поспеешь. Но нужно же думать, что обыкновенные люди тоже что-то могут, если им дать хоть какую-то инициативу.

Для Николая нет легче человека, чем Андрей. Вот уж бог наградил любовью. На всю жизнь. Самый неинтересный тип на свете. Бесстрастный. Ледяной. Никаких увлечений. Никаких порывов.

— Слушай, ты хоть в женщину когда-нибудь был влюблен? Кроме Рины?

Андрей долго думает.

— Два раза.

— Быть не может!

— Первый раз в Дашу.

— Нашу? Чертежницу? До войны? Сто лет назад?

— А ты не знал?

Андрей эгоистичен и нетерпим к людям. Не прощает серой мысли. Очень любит награды. Любит возвышаться. Его портрет две недели украшал холл в здании КБ. Приехал Николай.

— Это еще что за вождь?

— А я не вождь разве?

— Именно поэтому сними. Стыдно.

Дважды в жизни у них были разногласия. Умирал Векшин. Приказал ребятам разыграть место Главного:

— Нельзя человека со стороны. Работа в самом разгаре.

Они заспорили, уступая друг другу.

Вечером у Векшина бросали монету. Выпало Андрею.

Второй раз рассорились из-за Москвы. Оба не хотели ехать. Собирались в родной город.

— Ты без меня пропадешь!

— Как же, незаменимый!

Вместе решили, что Николай из Москвы сможет помочь делу лучше, чем Андрей.

Холодов был ледяной человек. Он пережил все, внешне ничего не переживая.

Он не пережил смерти Кольки Кочерно.

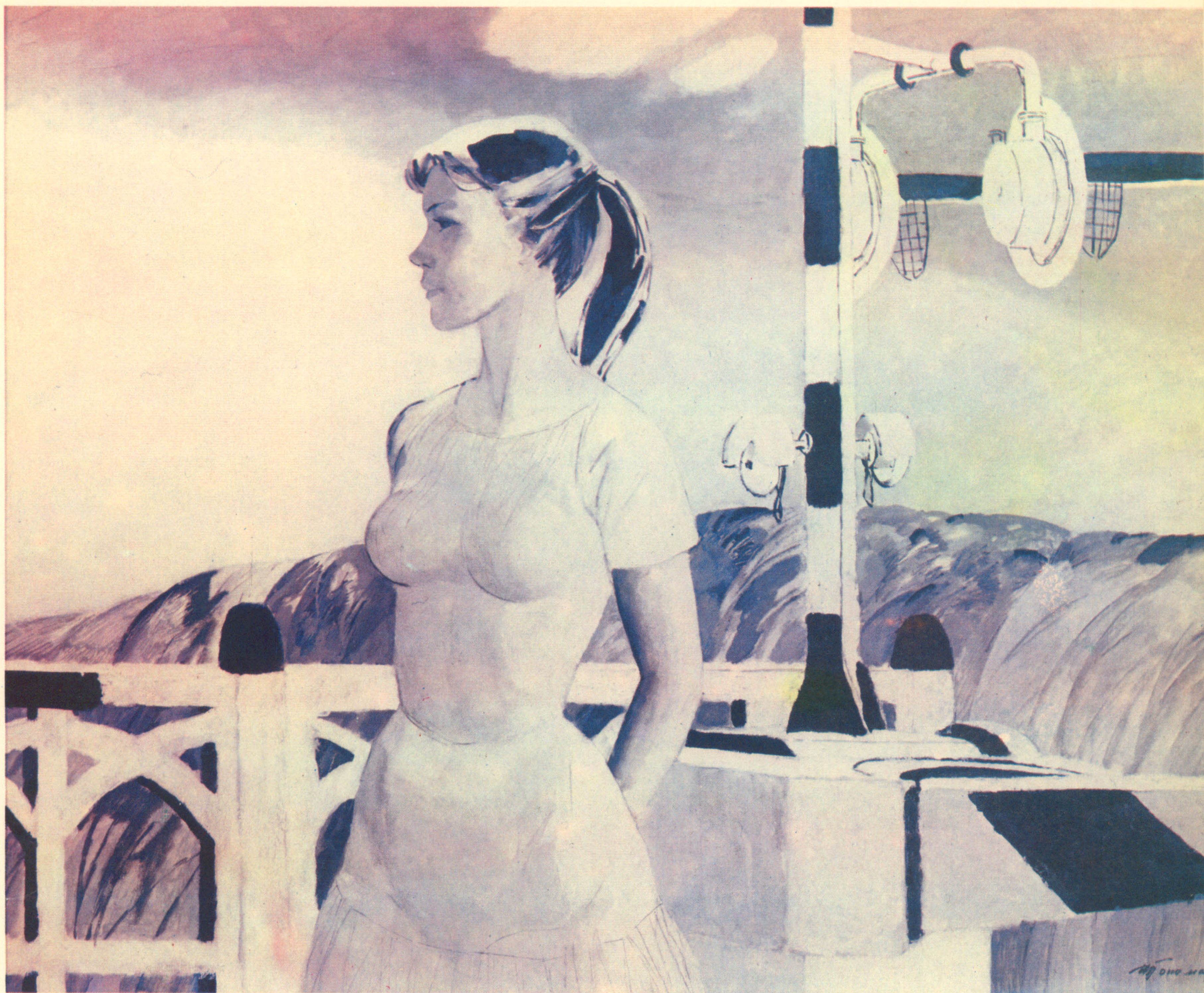
— Вы поедете на похороны? — спросили его.

— Зачем? Мы скоро встретимся.

Он не пережил этой смерти. Без Николая собственная жизнь не имела смысла. И ведь есть люди, утверждающие, что они не были друзьями. Просто приросли друг к другу.

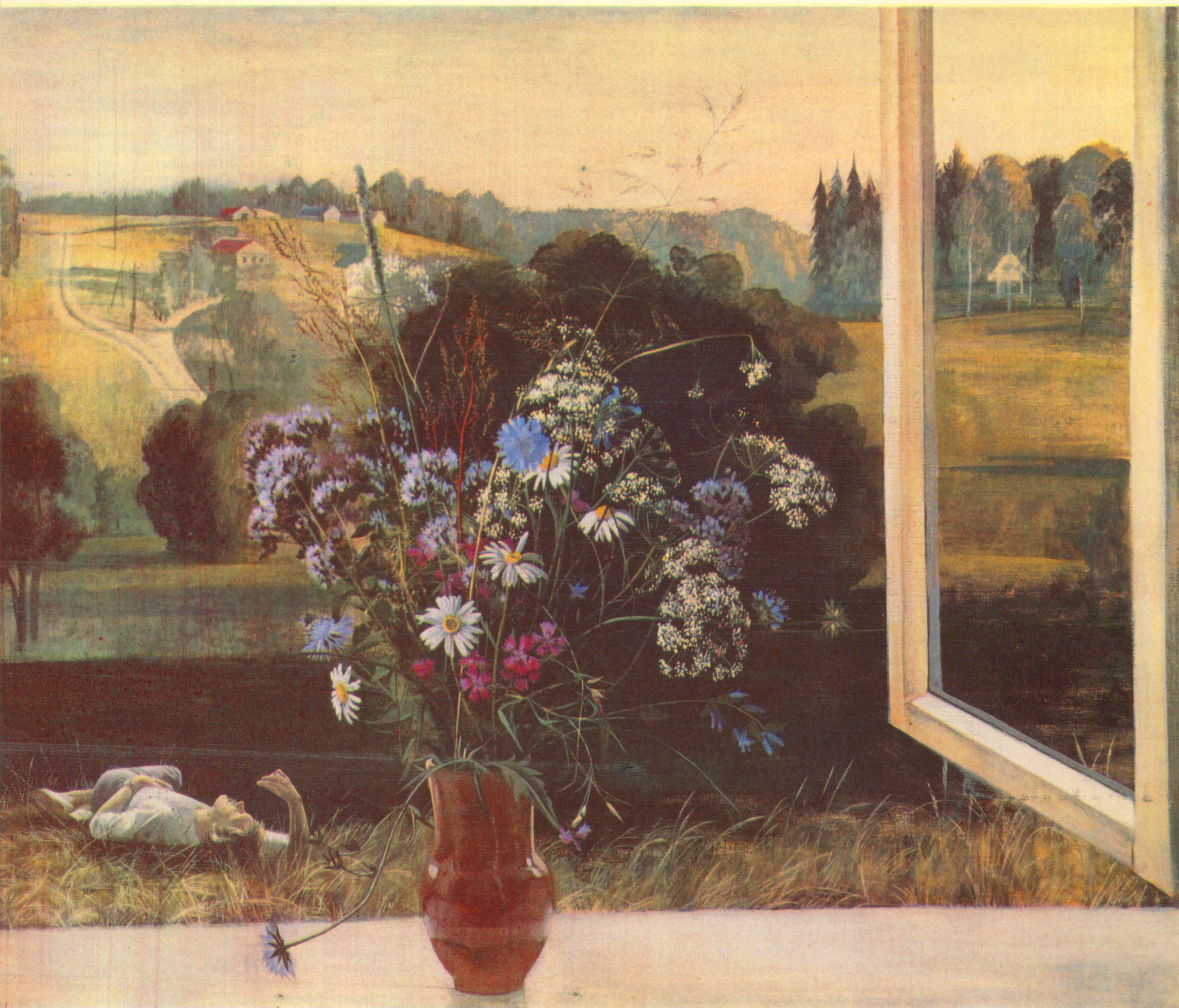
Тогда что же такое дружба?

*Окончание следует.*



**Н. Пономарев. Род. 1918.** ДОНСКОЙ КРАЙ. У ПЕРЕЕЗДА. 1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».



**Е. Романова. Род. 1944.** ДОМ, ОКНАМИ В ПОЛЕ. 1982.

Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».




### ВИКТОР УТКОВ

## ПРЕДВЕСТНИКИ

«Мысль», 1982.

Как часто, погружаясь в прошлое, изучая жизнь замечательных людей, поражаемся мы гениальным предвидениям, сбывающимся в наше время, преклоняемся перед величием личностей, отдавших жизнь и талант служению Отечеству. Виктор Утков назвал свою книгу «Предвестники», точно обозначив ее тональность и направленность. А. Н. Радищев, Д. И. Менделеев, П. А. Словцов, Ю. И. Кушелевский, П. Л. Драверт, К. И. Тимковский и П. П. Ершов — писатели и ученые, чья жизнь и деятельность были связаны с Уралом и Сибирью, стали ее героями. Вот автор отправляется по следам Д. И. Менделеева, к началу его жизни в старинное сибирское село Аремзянка близ Тобольска, откуда начался путь Менделеева к вершинам славы. Сейчас особенно интересно внимательно вчитаться в этот очерк. Через год исполнится 150 лет со дня рождения русского гения, и интересно узнать,




что же сохранилось в Верхних Аремзянах, где в последний раз Менделеев был летом 1899 года. Увы, немного. Разрушена церковь, построенная матерью ученого, когда-то, по его словам, «бодро стоящая» на горе, не осталось и следа от менделеевской стекольной фабрики, лишь стекольный шлак на месте плавильной печи напоминает о том месте, где она находилась. Напоминают нам, потомкам, эти грустные картины и о том, что в бедственном положении находятся и менделеевские места в Подмосковье, то самое Боблово, о котором также есть строки в очерке В. Уткова. Таким образом, работа писателя заставляет задуматься над достаточно сложными проблемами.

Стремление открыть неизвестное, расширить наши знания о людях, чьи имена оставили славный след в истории, познакомить читателей с вновь открытыми документами отличает новую работу В. Уткова. Его книга насыщена интересной, полезной информацией, и в то же время она легко, увлекательно написана, писатель и в сравнительно небольших очерках сумел создать выразительные характеры героев, он внимателен и к мелким фактам, отлично сознавая их значение для создания документального образа.

Герои В. Уткова совершили многое, о многом задумывались и мечтали. Некоторым из них воздвигнуты памятники, другим посвящены книги и научные исследования. Очерки В. Уткова вносят новые штрихи в портреты замечательных сыновей России.




### АЛЕКСАНДР КАРЕЛИН

## ПРАВДА ЗЕМЛИ

«Молодая гвардия», 1982.

Раздумья критика Александра Карелина над произведениями современных публицистов привлекают острой постановкой проблем, развитием тем и идей, которые звучат в произведениях таких интересных писателей-очеркистов, посвятивших свой талант жизни сегодняшней деревни, как Иван Васильев, Иван Синицын, Юрий Куранов, Евгений Максимов, Владимир Ситников. Критик ставит произведения писателей, наших современников, в контекст развития отечественной публицистики и аргументированно утверждает, что сейчас в литературе работает ряд талантливых, остро и творчески мыслящих, интересно пишущих публицистов. Автор доказывает это утверждение, обращаясь, например, к творчеству Ивана Васильева. Причем, отлично сознавая глубину разрабатываемых Васильевым экономических и социальных проблем села, Карелин точно подмечает одну из основных черт его публицистики — внимание к нравственной проблематике, к тому, как «экономические процессы отражаются на психологии людей».

То, что А. Карелин пишет о публицистах, не только хорошо знакомых с проблемами, к которым они прикасаются, но знающих их изнутри — многие из тех, о ком говорится в книге, живут в деревнях и стремятся поднять вопросы самые актуальные, самые наболевшие,— делает эту небольшую по объему, но очень содержательную книгу еще более привлекательной. Действительно, критик проанализировал работу очень своеобразной группы писателей и журналистов, чьи произведения «из глубинки» все чаще появляются на газетных и журнальных страницах, останавливая внимание читателей прежде всего правдой жизни, которая в них звучит. Очень конкретно и точно разбирая эти произведения, Александр Карелин не проходит и мимо их художественного своеобразия и достоинств: ведь часто именно очерки и книги публицистов наиболее достойно продолжают традиции великой русской прозы.




## МЫ ЖИВЕМ В МОСКВЕ

«Московский рабочий», 1982.

В последние годы стало принято говорить чуть ли не о кризисе русского рассказа, во всяком случае, о тяготении современных писателей к формам более обширным — повести и роману, об уходе некоторых литераторов в чисто документальную прозу. В чем-то эти суждения справедливы. Теперь нередко уже дебютант стремится передать на суд читателей обязательно объемистый роман, в крайнем случае немалую повесть. Работники издательств и журналов остро ощущают эту тенденцию. Но те же один-два последних года показали, что традиция рассказа жива, и если она чуть-чуть отступила, то временно, и год минувший принес нам интересные рассказы Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Солоухина, Г. Немченко и ряда других.

Только что вышел сборник рассказов молодых московских писателей. В нем напечатаны произведения тринадцати авторов. Для некоторых из них, видимо, это литературный дебют, имена других (Н. Никишин, А. Яхонтов) уже знакомы читателям. Сборник привлекает прежде всего разнообразием сюжетов — от непритязательных зарисовок о детстве и ужении рыбы Николая Никишина до резкого в своем обличении приобретательства и душевной скудости рассказа «Болеро» Михаила Левитина. Еще одно останавливает внимание при чтении рассказов молодых писателей — умение авторов ограничить тему, не растягивать искусственно сюжет, стремление к той смысловой емкости и глубине, которая всегда отличала русскую литературу. Конечно, сейчас можно говорить лишь о стремлении приблизиться к вершинам, но и оно прекрасно. И можно согласиться со словами послесловия к сборнику, написанными Ю. Антроповым: «Молодые пишут о том, что знают... Ибо материал взят из собственной жизни, из пережитого им самим».

В заключение остается только перечислить имена других, не упомянутых выше молодых писателей, опубликовавших в сборнике свои рассказы,— это С. Акчурин, А. Белай, Н. Булгаков, М. Воздвиженский, Н. Дорошенко, В. Куценко, М. Наумов, В. Пьецух, М. Урусова, Н. Ясенева.




### ЕВГРАФ КОНЧИН

## ЭМИССАРЫ ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА

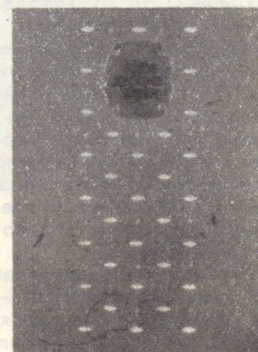
«Московский рабочий», 1981.

О спасении художественных ценностей в первые годы Советской власти рассказывает в строго документальной, увлекательной книге Е. Кончин. Автор посвятил ее первым советским музейным работникам Москвы, тем, кто в тяжелейших условиях лета 1918 года сумел спасти неоценимые сокровища, выдающиеся произведения искусства, которыми сейчас любуемся мы в лучших наших музеях и картинных галереях.

В течение нескольких лет в архивохранилищах и библиотеках разыскивал Кончин сведения о людях, в далеком 1918 году спасших и вывезших из имения князей Барятинских Марьино «произведения искусства, предметы старины, библиотеку, архив». Спасение исторических ценностей дворца Марьино специалисты определяют сейчас как событие выдающееся.

Чрезвычайные эмиссары музейной коллегии, спасшие марьинские сокровища, долго оставались для исследователя фигурами загадочными. Постепенно он установил их имена, узнал биографии. Одним из тех, кто спасал ценности из имения Барятинских, оказался Н. П. Киселев, человек необыкновенный, эрудит, многие годы отдавший работе в Ленинской библиотеке; вторым — В. И. Раевский, о нем удалось найти меньше сведений — видимо, Марьинская операция была значительнейшим событием в его жизни.

Е. Кончин подробно рассказывает о том, как шаг за шагом приближался он к разгадке подробностей событий в марьине, предшествовавших тому моменту, когда от дворца двинулся целый обоз с книгами, древним архивом, первоклассными картинами, коллекцией оружия и т. д. И само описание процесса поиска не утомляет читателя, напротив, все более обостряет внимание к деталям, подробностям, на которые не скупится автор. Эта книга представляет собой удачное сочетание журналистского поиска, искусствоведческого исследования и исторического очерка, объединенных темой, которая никого не оставит равнодушным, — темой действенной любви к Родине.



## МУЗА В ХРАМЕ НАУКИ

«Советская Россия», 1982.

Достаточно познакомиться с краткими биографическими аннотациями об авторах этого поистине необычного сборника, чтобы затем, не отрываясь, прочесть их стихи. Вот лишь несколько имен поэтов, представленных в книге: академик Г. М. Кржижановский — всемирно известный ученый-энергетик; Н. А. Морозов, выдающийся ученый-энциклопедист, двадцать лет проведший в Шлиссельбургской крепости, почетный член АН СССР; профессор А. П. Семенов-Тян-Шанский; крупнейший офтальмолог, академик В. П. Филатов; академик А. Н. Несмеянов; профессор А. Л. Чижевский... Поэзия для них и их коллег, чьи произведения включены в сборник, не была легким увлечением, занятием для свободного времени. Философская и интимная лирика, поэтические картины природы и гражданские стихи ученых являют нам не только незаурядные, способные к глубокому осмыслению мира и бытия личности их авторов, но и людей художественно одаренных, чувствующих музыку языка и многозначность слова, владеющих поэтической техникой.

Пусть наш привет твои невзгоды
О милый друг мой, облегчит!
Пусть пролетит сквозь эти своды
И светлым ангелом свободы
Тебя в темнице посетит!

Писал в Шлиссельбургской крепости, обращаясь к Вере Фигнер, Н. А. Морозов.

Такие стихи имеют значение не только как документы эпохи, но и как самоценные художественные произведения.

В науке я прослыл поэтом,
Среди поэтов — я ученый,
Увы, не верю я при этом
Моей фортуне золоченой.
Мой путь поэта безызвестен,
Натуралиста путь тревожен...

Эти строки А. Л. Чижевского можно было бы взять эпиграфом к небольшой антологии «Муза в храме науки», тщательно и с любовью составленной поэтом и ученым, доктором физико-математических наук В. Ф. Ноздревым. Поэтический вкус составителя и точность, проявившаяся при отборе произведений, немало способствуют высокому литературному уровню книги, которой, верится, суждено продолжение.

**Наталья КАЛИНИНА**

**ПОВЕСТЬ**

**Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА**

# НЕ ВЕТЕР,

Весна уже чувствовалась в воздухе, но природа, боясь обмана, еще не откликнулась на ее волнующий зов. На горизонте каждый день лохматились снеговые тучи, ничуть не подавлявшие своим грозным величием недавно прилетевших скворцов, которые разбудили еще дремавший в почерневших зимних сугробах бульвар перед зданием редакции.

Саша Березовский распахнул на несколько минут окно, и в пропахшую застоявшимся сигаретным дымом и пылью редакционную комнату ворвался влажный воздух, наполненный сочным щебетом птиц.

Ольга чувствовала, как по ее спине бегают мурашки. Не от холода, нет... Сегодня им с Колей предстояло идти на Бездорожную, где устраивался скромный семейный вечер по случаю шестидесятипятилетия Анастасии Никитичны. Ее с самого утра мучили всякие сомнения — с Алешей они не виделись давно, еще с тех пор, как она забирала свои вещи. Он не звонил ей, ничем не напоминал о своем существовании. От Коли она знала, что Алеша каждый день бывает у все еще прикованной к постели Тамары, что по ночам работает над книгой о Блоке.

— Копается в стародавних страстях,— язвил по этому поводу Коля.— Алешка совершенно от реальности оторвался. Попросил я его тут статью написать к юбилею всеми нами уважаемого писателя, так он представляешь что сказал: «Найдутся такие, кому от Савченко услуги нужны. Ты только клич брось — в очередь у твоего кабинета выстроятся. А я не стану у них хлеб отбирать». Обнаглел парень.

— Знаешь, по-моему, он прав,— возразила Ольга.— Это твой Савченко обнаглел: звонит в отдел и интересуется как бы между прочим, читали ли мы стихи Елены Суворовой. «Отличные,— говорит,— стихи, советую обратить внимание». А ведь весь город знает, что Суворова его жена. И мы срочно даем целую подборку ее жиденьких стишков.

— Ничего. Не обедняем. Я смотрю на эти вещи просто: мы помогаем начинающей поэтессе выбиться в люди.

— Почему же мы в таком случае не помогаем другим? У нас в отделе пухнет целая папка стихов, есть среди них просто талантливые, а едва наш отдел сунет два-три в номер, как секретариат вырубает. Видите ли, места у вас вечно не хватает.

— Конечно, у нас плохо с местом. Сама знаешь. Между прочим, если бы Алеша был кое в чем погибче, давно бы в столице барствовал. С его-то мозгами. Разъезжал бы каждый год по загранкомандировкам, а то так и сгинет в этой дыре.

— Выходит, эти поездки — цель жизни?

— Ну, если и не цель, то приятное удовольствие. По крайней мере дает кое-какие немаловажные блага, а главное — престиж.

Ольга чувствовала, что в ней накипает раздражение, и не только против Коли, а против всех рассуждающих вот с таких же позиций о жизненных благах. Примерно так же рассуждала ее мама. Она и на пенсию не уходила только из-за того, что раз, от силы два в году вырывалась на недельку в Женеву или Париж. Остальное время года мама просто отсиживала за своим столом в неуютной комнате одного весьма солидного НИИ, жаловалась домашним на скуку и бесполезность своей работы, на бездельников-сослуживцев, бегающих в рабочее время по магазинам. А когда отец говорил: «Что ж, Лилечка, чем так прозябать, лучше бы шла на заслуженный отдых»,— она недоуменно вскидывала на него глаза и говорила: «Опять ты, Васенька, чушь сморозил. Ты ведь знаешь, что на мое место и так уже метят трое из соседнего отдела. «На пенсию»... Да я всю Европу объездила. Париж знаю лучше, чем Москву. А ты со своей интересной и нужной работой ездишь по всяким Омскам да Астраханям. Даже в соцстраны вас не посылают».

— ...Коля, а это правда, что юбилейную статью о Савченко взялся писать ты?— поинтересовалась Ольга.

— Ну да. Знаешь, я даже рад, что Алешка отказался. Как говорится, что ни делается, все к лучшему.

— Для кого?

— Не для него, разумеется. Оттого, что он считает Савченко графоманом, хуже только ему.

— Последний его роман — настоящая графомания.

— Ну, я думаю, есть критики посолидней нас с тобой. А они так не считают.

— Это потому, что он принадлежит, как выражается Большаков, к обойме. Напиши такой роман никому не известный автор, в издательстве за голову схватятся.

— Знаешь, Оля, кончим этот разговор. А то, чего доброго, поругаемся. Ты еще так наивно смотришь на жизнь...

Дом на Бездорожной показался ей меньше и обшарпанней. Он весь был в темных мокрых потеках, порожек будто покосился, осел в землю.

Первый бокал за здоровье именинницы Ольга выпила до дна, выпила с удовольствием, даже с наслаждением и, еще не дождавшись действия вина, смело посмотрела на Алешу.

«Ты здесь, и я счастлив безумно»,— ответил ей его быстрый взгляд.

«Еще любишь?»

«Теперь только и люблю».

«Не сердись на меня за то, что я сделала».

«У меня нет такого права — сердиться на тебя. И ты прости»

«Прощаю...»

— Врач Томочкин говорит, дай-то бог к майским бы встала,— рассказывала Анастасия Никитична.— А домой отпустят не раньше лета, и то если все в порядке будет. Похудела она, прямо высохла вся. И нервная до невозможности стала. По каждому пустяку к нам с Алешей придирается. Вчера я ей сказала, что мы думаем собраться по-семейному, так она в слезы. «Веселитесь,— говорит,— без меня. Пир во время чумы устраиваете». Ну, зачем же так!

Ольга подняла глаза, чувствуя на себе пристальный Алешин взгляд.

«Я все равно люблю тебя, люблю всем назло».

«Я так счастлива... Мне так больно...»

— Коля, ты прости меня, я старая и от жизни отстала, но вы как-то не по-людски с Олей живете,— говорила Анастасия Никитична, разрезая большой пирог с мясом.

— Опять ты за старое,— раздраженно откликнулся Коля.— Хоть сегодня бы помолчала.

— Кабы Оля чужой мне была, а то же я ее как дочку полюбила. Но почему, спрашиваю, ты не можешь потребовать у Ирины развода?

— Я же объяснял тебе тысячу раз. Что ж, повторю в тысячу первый. Яков Фомич — человек уважаемый в нашем городе, и пока я формально числюсь его зятем, мне меньше палок в колеса вставляют.— Коля многозначительно посмотрел на мать.— Тем более Ирина в моей квартире не прописана, так что никаких осложнений быть не может.

— Да разве ж в квартире дело?— не унималась Анастасия Никитична.— У Оли вся жизнь впереди, а ты ее на птичьи права посадил. Свадьбу вам устроим честь по чести. Помнишь, Алеша, как у вас с Томочкой? Может, потому и живете между собой ладно, что свадьба настоящая была.

— А я свадьбы люблю, ой, как люблю,— подала голос Поля.— Жених с невестой оба нарядные, в губы принародно целуются. «Горько! Горько!» — буду орать. Да только свадьба без любви трех большой.

Ее, кажется, никто не слушал. Коля встал и нервно зашагал от стола к печке и обратно.

Ольге вдруг сделалось страшно, что Коля на самом деле захочет развестись с прежней женой и, как говорит Анастасия Никитична, узаконить отношения с ней. «Только не это, только не сейчас,— лихорадочно думала она.— Это уже похоже на что-то настоящее. Это... невозможно без любви».

— Анастасия Никитична, мы с Колей обсуждали эту тему,— звонким, уверенным голосом заговорила она.— Развод может на Колиных делах отразиться, к тому же ему летом поездка в Болгарию предстоит. Ведь это куда важней какой-то печати в паспорте.

— А как же свадьба?— ныла Поля.— Хочу, чтобы жених с невестой в губы целовались, и обязательно при народе.

— Да помолчи ты, Поля, ей-богу, надоела!— в сердцах прикрикнула на сестру Анастасия Никитична.— Не понимаю я вас, дети мои, не понимаю. Глядите, не обманите сами себя...

Алеша вдруг сорвался с места и бросился к лестнице. Спустился оттуда бегом с какими-то листками в руке.

— Коля, послушай ради бога, какое удивительное письмо я откопал. Это Блок пишет к своей невесте накануне их свадьбы. Все послушайте.

«Я сегодня не могу написать много, в третий раз разрываю и бросаю. Мне так хорошо и спокойно. Хочу только, чтобы Ты совсем не боялась и помнила, как мы прочно, неразрывно и несомненно связаны. Мы бесстрашны и свободны, и вчера я говорил то, что Тебе не нравилось, не от страха и не от рабства. Будь спокойна и тиха, я с Тобой все время. Ничего дурного мы не сделали и не можем сделать. Если бы Ты знала, с какой уверенностью я это пишу и как я близок к Тебе, Ты ни минуты не боялась бы и не сомневалась. С Тобой, моя Белая Невеста, я думаю, дышу и живу».

— Алешка, Алешка, ты неисправим,— усмехнулся Коля.— Здорово, конечно, но Савченко ты зря, между прочим, своим вниманием обошел. Когда в Союз писателей надумаешь податься, твой Блок не будет за тебя выступать на собрании...

Они остались ночевать в бывшей Ольгиной комнате. Коля, зевая, стаскивал с себя рубашку и штаны, а она сидела в углу у окна и смотрела на него невидящим взором.

— А ты что, не собираешься спать?— спросил он.

— Я, Коленька, выпила сегодня лишнего, и меня слегка мутит,— легко солгала она.— Боюсь лечь. Ты спи.

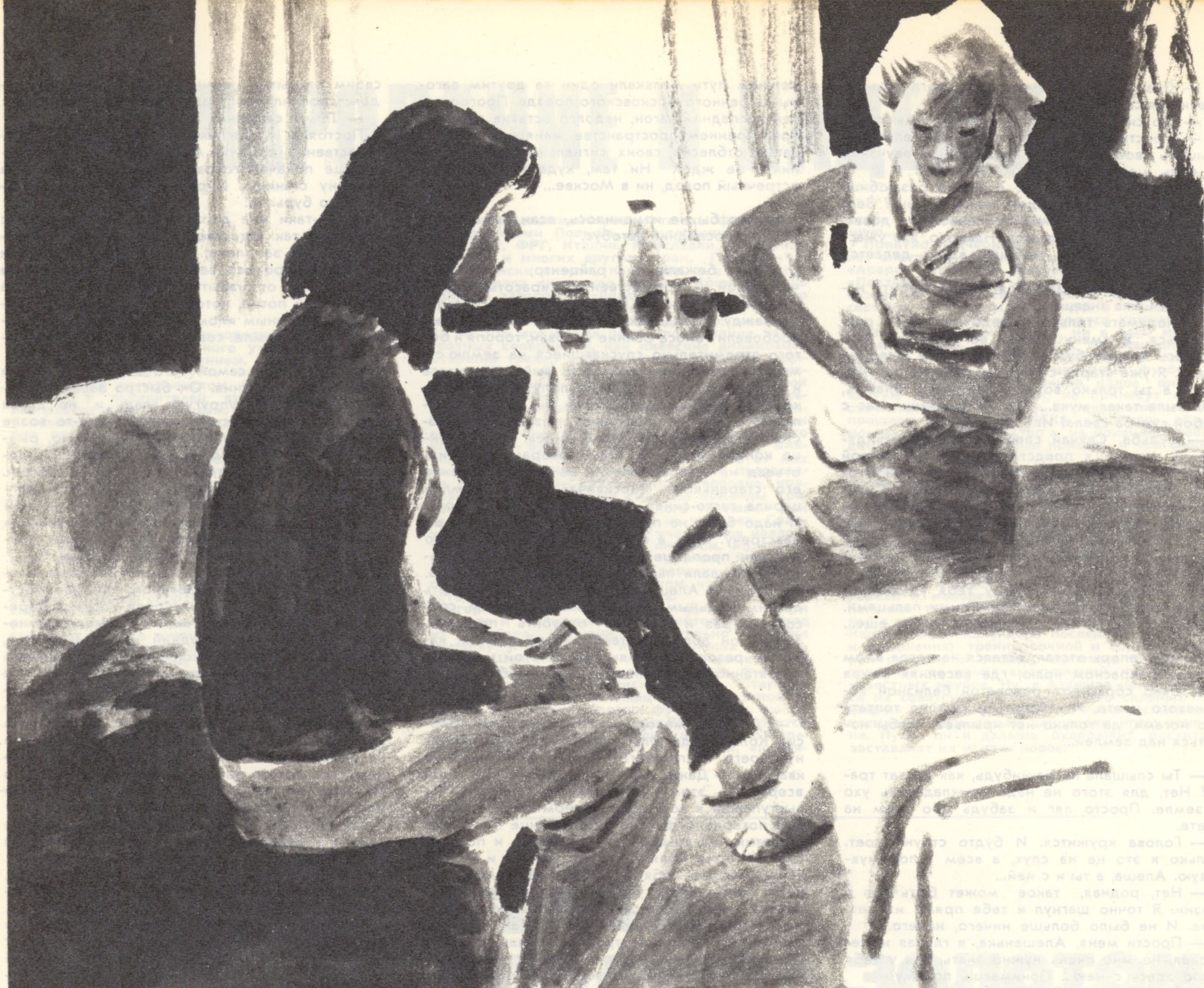
— Ах ты моя маленькая пьянчужка.— Он забрался под одеяло, удобно вытянулся.— Ты уж извини, утомился я сегодня. Плохо станет, разбуди меня. Советую подышать свежим воздухом — помогает в таких случаях.

Она тихонько вышла в темную столовую, нащупала свое пальто и, накинув его на плечи, отворила дверь на крыльцо. Ей в лицо дохнул теплый влажный ветер, несущий в себе запахи внезапно пробудившихся почек, бесповоротно оттаявшей и жаждущей солнечной ласки земли. В вышине курлыкали, хлопали крыльями какие-то птицы. «Счастье, какое счастье,— думала она.— Отчего? Ведь все осталось, как было. Ничего у нас с Алешей невозможно. Нет, нет, счастье, какое счастье,— пело в ее душе.— Во мне, в воздухе, в небе... Счастье, счастье...»

Ей казалось, что это для нее рассыпались по небу удивительные узоры звезд, для нее несется над городом этот теплый южный ветер, касающийся своим легким пьянящим дуновением ее внезапно оживших румянцем щек...

Поезд стремительно мчался сквозь синеватую ночь, наполняя своим железным лязгом сладко млеющую под майским небом степь.

Окончание. См. «Огонек» №№ 47—50.



Временами над ней грохотал глухой бархатистый гром. Потом по крыше вагона заплясали тугие, точно ошалевшие струи вешнего дождя.

Ольга проваливалась в глубокую черную яму и, еще не успев долететь до самого ее дна, вздрагивала, приподнимала голову с жесткой подушки и вслушивалась в мерный стук дождя по стенке вагона. Но ни его успокоительный шум, ни выпитая на ночь таблетка димедрола не могли принести ей полного забвения. Она его и не хотела. Вот почему каждый раз, проваливаясь в эту глухую бездонную яму, отчаянно цеплялась за стенки, пока ее в конце концов не выталкивало наверх. На нижней полке тоненько и жалобно хныкал грудной ребенок, и его молоденькая мама зажигала тщательно занавешенную пеленкой лампочку в изголовье и, мурлыкая что-то ласковое, ловко меняла мокрые пеленки. Мама с двухнедельным сыном ехали к отцу, который еще не видел своего первенца. «Они там в лесу живут, от города семьдесят с лишним километров,— рассказывала с вечера женщина.— Мать меня отговаривала: куда ты с грудным малышом, будешь сидеть возле него, как привязанная, а я подумала-подумала и все-таки решила к Петьке ехать. Разве ж это жизнь — врозь? Я уже места себе не нахожу, представляете, два месяца, как расстались. Мать говорит: зачем ты училище музыкальное кончала, кому, говорит, в том медвежьем углу твоя музыка нужна. Считай, одиннадцать лет, извините за выражение, коту под хвост. Пускай хоть так — мне лишь бы с Петькой рядом быть.— Женщина улыбалась загадочно и счастливо.— Соскучилась я. Как вспомню его, так все внутри и замрет...»

Ольга села в поезд вечером, еще не до конца веря в бесповоротность их разлуки. И все надеялась, что вот на следующем полустанке он подсядет к ней в вагон и они вместе уедут куда-нибудь далеко. Она вздрагивала каждый раз, когда хлопала дверь в тамбуре, но вот они миновали межевой столб, разделяющий их область с соседней, и теперь поезд уже не задерживался у маленьких полустанков, а мчался вперед, спеша увезти ее в Москву...

— Ты чувствуешь, трава какая шелковая? Да ты разуйся, не бойся — землю только на ощупь можно полюбить. Колется?

— Немножко.

— Давай сядем под той старой вербой. Я здесь пацаном коз пас. Придремал как-то в тенечке, а они в колхозные виноградники зашли и начисто обглодали три куста.

— Как я завидую твоему деревенскому детству! А меня водили за ручку на музыку, на уроки английского. Летом на море вывозили. Некоторые считают это счастливым детством.

— Все равно ты выросла... удивительная. Знаешь, а ведь это ты снилась мне в детстве, когда я в стоге сена засыпал. Ты, помню, шла мне навстречу с простертыми руками и все куда-то звала. А я не мог идти за тобой, потому что боялся.

— Чего?

— Не знаю. Неизвестности, наверное. Ты была такая неземная и звала меня на свою далекую звезду.

— Я бы хотела приходить в твои сны.

— Лучше приходи наяву, родная...

Неподалеку чмокала о глинистый берег широко разлившаяся равнинная река. В прибрежном вербняке куковала кукушка, ей эхом вторила другая, заречная. Порой их голоса сливались в унисон, и тогда та, далекая, точно чего-то испугавшись, обрывала свой крик на первом слоге и долго слушала подругу.

— Ты задремала?

— Нет. Просто мне хорошо. Боюсь — открою глаза, и все кончится. Нам еще долго идти?

— Километра четыре.

— Так мало... Я бы хотела идти целую вечность. Спасибо тебе за этот лес, кукушку... Если б только можно было очутиться в твоем детстве и вместе пасти стадо, смотреть со стога на звезды...

# ВЕЯ С ВЫСОТЫ...

— Скажи, ты на самом деле могла бы поселиться со мной в глуши?

— До сих пор ты мог читать мои мысли.

— Прости, родная. Просто мне хотелось услышать твое «да» в материальном звучании. Я ведь, между прочим, материалист.

— Да, Алешенька, да. А ты не разлюбишь меня, если будешь видеть каждый день? Ведь нас всегда влечет к недозволенному, а дозволенное быстро приедается. Наверно, это ужасно, когда тот, кого любишь, вдруг делается к тебе равнодушен.

— Еще ужасней заставлять себя любить насильно. Сама знаешь.

— Подумать только, а ведь мы могли разминуться. Я имею в виду во времени. Мне снилось зимой, будто тебя еще не было на свете. Я уже старая-старая, должна скоро умереть, а ты только вот-вот родишься. Знаешь, это была такая мука... Как ты думаешь: нас с тобой судьба свела? Или случай?

— Судьба. Случай слеп, а судьба всевидяща. В детстве я представлял судьбу толстой злой теткой. Младший брат в проруби утонул, бабушка крестилась и говорила: «Судьба». Телка пала в голодный послевоенный год, и тоже взрослые все валили на судьбу. Как же я, помню, ее ненавидел! А теперь боготворю за нас с тобой. У нее мудрый и нежный взгляд, как у Мадонны Рафаэля, а кожа как у тебя... Господи, какая она у тебя удивительная, будто растворяется под моими пальцами. Не верю, что к ней прикасался кто-то еще...

Дождь теперь отстал, остался навсегда в том дивно прекрасном краю, где весенняя земля вся точно сбрызнута розоватой белизной яблоневого цвета. И страшно и грешно топтать его ногами, да только нет крыльев, чтобы носиться над землей...

— Ты слышала когда-нибудь, как растет трава? Нет, для этого не надо прикладывать ухо к земле. Просто ляг и забудь обо всем на свете.

— Голова кружится. И будто струна поет. Только я это не на слух, а всем телом чувствую. Алеша, а ты и с ней...

— Нет, родная, такое может быть раз в жизни. Я точно шагнул к тебе прямо из детства. И не было больше ничего, ничего...

— Прости меня, Алешенька, я глупая и жестокая, но мне очень нужно знать, как у тебя было здесь с нею... Понимаешь почему?

— Ты не глупая. Было не так. Наверно, поэтому все эти годы я чувствовал себя чужим в своей станице. Пришельцем. Даже мать моя заметила.

— Она страдает за тебя.

— В деревне испокон веку развод воспринимали как мировую трагедию. Люби, страдай, сколько влезет, а семью уж, будь добр, сохрани.

— Может, это и мудро. Знаешь, беда наша в том, что мы разучились жертвовать собой. Это даже стало чем-то постыдным. Прежде всего я и моя боль, а на остальное наплевать. Раньше я как-то не задумывалась над этим.

— Но почему именно я должен приносить себя в жертву? Всю жизнь, день за днем? А другие будут воспринимать это как должное. Средневековье какое-то. Все, все они покушаются на самое дорогое. И мать и...

— Ты мнешь цветы и пчел всех распугал. Сегодня во сне ты так вздыхал. Снилось что-то нехорошее?

— Будто бабушка взяла меня с собой в церковь и заставляла поцеловать в лоб страшного нищего в лохмотьях и коросте, который, помню, вечно сидел под кустом сирени. Я плакал, потом вырвался и в степь убежал. А нищий умер, и это было такое непоправимое горе... Фу, ерунда какая! Скоро мы с тобой займемся толкованием снов. Только этого не хватало. Олечка, давай уедем сегодня последним автобусом? Вставай, вставай скорей, еще успеем!

Они на него опоздали. Ну, а если бы успели, что бы от этого изменилось?

...Поезд медленно подъезжал к какой-то, судя по огням, большой станции, замер, вздохнув скрежещущим стоном тормозных колодок. В тамбуре захлопали дверями, приглушенно забубнили оживленные голоса.

Ольга отогнула край шторы. На противоположном пути мелькали один за другим вагоны встречного московского поезда. Прогромыхал последний вагон, надолго оставив в сером предутреннем пространстве манящие красноватые отблески своих сигнальных огней... Ее никто не ждет. Ни там, куда умчался этот встречный поезд, ни в Москве...

Ничего бы не изменилось, если бы они успели на последний автобус.

...Они бежали в райцентр, не замечая тихой и торжественной красоты теплого майского вечера. Река все так же скользила между двух далеких берегов, в вербах уже пробовали голоса ранние соловьи, торопя и без того стремительно спускавшиеся на землю сумерки. Наверное, надо было выйти на шоссе и добираться до города на попутках. Они бы, конечно, так и сделали, если бы не этот Павлюков на своем «Москвиче», вызвавшийся «доставить до дому в лучшем виде». Они в конце концов уступили его уговорам отложить отъезд на завтра, залезли на заднее сиденье его старенького «Москвича», а над землей царила густо-синяя бархатная ночь. Их ночь. И надо было не прятаться от нее, а выйти ей навстречу. Туда, в степь. Они же вместо этого дышали пропахшей пылью и бензином духотой и слушали пьяную болтовню Павлюкова.

...Все-таки Алеша должен, должен был быть другим: сильным, может, даже жестоким, способным раз и навсегда отрубить прошлое. Только он дорог ей такой, какой есть, и, кажется, разорвет все внутри от этой насильно запрятанной, запиханной куда-то глубоко любви.

— Дешевая мелодрама,— презрительно бросил Коля, когда Ольга объяснила ему причину своего поспешного переезда на частную квартиру.— Даже не могу ревновать тебя всерьез к этому мягкотелому донжуану. Ты выступаешь в том старомодном амплуа, которое потерпело фиаско еще в конце прошлого столетия. Ме-ло-дра-ма,— медленно и по слогам повторил Коля.— Что же, вы так и будете вечно казнить себя за свою преступную любовь? Черт знает что — играют в двадцатом веке в какие-то детские игры. «Люблю, страдаю, страшно причинить боль». Так, что ли? Прямо-таки оперные страсти. Знаешь, я после всего этого даже потерял к тебе интерес.— Он приблизил к Ольге свое бледное взволнованное лицо, и ей показалось, что он говорит совсем не то, что думает.— Представь себе свое будущее: куча орущих детей — да, да, таков уж, поверь мне, идеал твоего пылкого Ромео,— скучные беседы за вечерним чаем о детских болезнях и урожае, душеспасительные разговоры о вечном грехе и той незабвенной покинутой страдалице, чей образ будет витать над вашим семейным очагом, точно лик распятого Христа.

— Это ты все от злости говоришь.

— И от справедливости. Оля, это блажь. Умный человек должен уметь заглядывать в свое будущее беспристрастным взглядом.

— Скажи еще, что умный человек должен любить не сердцем, а разумом.

— Он не станет противопоставлять эти понятия. И непременно будет знать, что́ для него хорошо, а что́ плохо...

А она, как поступила она, хорошо или плохо, сбежав от Алеши, даже не попрощавшись? «Ме-ло-дра-ма, ме-ло-дра-ма»,— безжалостно выстукивали вагонные колеса. Ее столичные подружки непременно бы еще и добавили эпитет «провинциальная». А может, осмеять свое недавнее прошлое, начать совершенно иную жизнь, насыщенную серьезными делами, интересными знакомствами, и стыдливо спустить над тем, что было, ситцевую занавеску в мелкий цветочек, какие еще висят на окнах некоторых домов на Бездорожной? Это было бы хорошо для ее будущего. Такого, каким его представляет ее мама...

...Алеша сидел в лодке, привязанной тяжелой цепью к огромной кривой коряге, и, не отрываясь, смотрел на воду. Ольга заставила себя остановиться на яру. Она не должна мешать ему принять решение, а когда она рядом, это сделать невозможно. От реки поднималась женщина в телогрейке, с веслами на плечах. Она замедлила возле Ольги шаги, беззастенчиво обшаривая ее с ног до головы своим открытым, немного удивленным взглядом, спросила, сострадательно наморщив лоб:

— Ломит сердечко молодое?

Постояла, глядя вместе с Ольгой на неестественно прямую Алешину спину и, понимающе покачав головой, медленно пошла в сторону станицы, шурша зарослями прошлогоднего бурьяна.

И все-таки она должна быть с ним рядом: ведь это так естественно, так необходимо — обнять его за плечи, прижаться к его груди и забыть, про все забыть. А это несется не взыгравшая от избытка вешних сил река, а вселенский потоп, который похоронит под своим плодородным илом все старое, чтобы произросла на земле совершенно новая, настоящая жизнь...

Они были на самой его середине. Алеша греб против течения. Он быстро зарывал весла в мутную и упругую гладь и, не давая стечь с них воде, снова опускал где-то возле самого носа. Лодка двигалась медленно, рывками. Алеше, по-видимому, доставляло удовольствие противостоять буйной силе стихии. Он старался не смотреть на Ольгу, а когда все-таки не удержался и скользнул по ней взглядом, весла описали в воздухе слишком высокий замедленный полукруг, и лодку сразу же подчинило своей власти течение.

— В этом году особенный разлив.— Алеша, видимо, устал от неравного противоборства со стихией, развернул лодку носом к берегу, и он приближался к ним с неумолимой неизбежностью.— В последний раз такой был, когда я десятилетку кончал. Помню, вместо того, чтоб к экзаменам готовиться, дотемна коряги вылавливал. Мать говорила, на три зимы хватило им дров. Цыпки у меня были по самые локти. Другой большой разлив был пять лет назад, правда, поменьше этого. Я его не видел — мы в Ленинград ездили на праздники, а потом раздождилось так, что наша станица вся плавала в жидкой глине. Только верхом и доберешься. Тамара шутила, что скоро наступит конец света, и озорства ради купила в церкви лампадку, которую повесила на веранде перед боттичеллиевской «Весной». Дождь перестал на следующее утро... Прости, тебе, должно быть, не очень приятно это слышать.

Она тряхнула головой, отгоняя навязчивую картинку: весело улыбающаяся Тамара стоит на табуретке и вколачивает большой гвоздь в деревянную стенку веранды, к которой приколота кнопками давно поблекшая на солнце огоньковская репродукция знаменитой картины Боттичелли, а Алеша держит обеими руками табуретку, потом снимает с нее Тамару и осторожно ставит на пол.

Он высоко поднял весла, и лодка мягко ткнулась в скользкий глинистый берег.

— Ты иди, а то дождь собирается. Я лодку примкну и весла выну...

— Я вот зашел полюбопытствовать, как вы насчет отъезда,— услышала Ольга из сеней голос Павлюкова.— До самого города доставлю — все одно еду тещу из гостей получать. Что называется, и по праздникам ни сна, ни отдыха замученной душе. Дак вы как насчет отъезда?

— Иду,— не колеблясь, откликнулась она.

— А... супруг ваш тоже поедет? Или...

— Он останется на денек, а меня срочно на работу вызывают. Поехали, Василий Степанович.

Дождь застал их уже в вербах. Его мелкие, точно просо, капли бесшумно ложились на лобовое стекло машины, время от времени сливаясь в тоненькие извилистые ручейки.

— Теща, как всегда, не вовремя — к вечеру так дорогу развезет, что придется в «Сельхозтехнику» за подмогой бечь.— Павлюков сокрушенно качал головой.— Я ж говорил ей: задержитесь там на праздники, и мы заодно без вас отдохнем. Дак нет, мыкается туды-сюды. Дома у ней, видите ли, душа по сыну изнемогает, а у сына по дочке томится. Не понимаю я ихнюю бабскую натуру...

Он бубнил что-то еще, но Ольга его не слышала. Они выехали из вербного леска, и перед ее глазами предстала широкая равнинная река во всей ее безудержной красе. «Наверно, далеко не каждый сумеет выгрести против ее течения,— невольно подумала она.— Особенно в такой разлив».

О край далекого горизонта ломались змеистые стрелы бесшумных молний.

# РАЗОЧАРОВАНИЕ И НАДЕЖДЫ

Юрий ВАНЬЯТ

Будем откровенны: монополия на чемпионский титул всегда немного утомляет любителей спорта, за исключением, конечно, ярых сторонников того клуба, который является этим самым монополистом. Она опасна еще и тем, что у победителей вырабатывается некое равнодушие к победам, этакое пресыщение успехом. Вот почему рождение нового чемпиона радует миллионы почитателей того или иного вида спорта, особенно вида игрового, командного, такого, как футбол.

Футбольный чемпионат нынешнего года дал нам нового чемпиона. Ему 46 лет. Имя «Динамо». Место пребывания — Минск. Наивысшие успехи в прошлом — бронзовые награды 1954 и 1963 годов. И тренер, приведший клуб к успеху, — тоже новый, молодой, Эдуард Малофеев.

То, что в минувшем футбольном сезоне минская команда «хорошо смотрелась», говорит о большой работе самих игроков и их наставника. Каждый матч нового чемпиона был насыщен хорошей спортивной злостью. И поскольку мы вступаем в год предолимпийский, а основу олимпийской сборной СССР ныне составляют именно минчане, мне хотелось бы напомнить крылатые слова отца современного олимпизма Кубертэна: «Настоящий спортсмен ищет страх, чтобы его подавить, усталость, чтобы ее побороть, препятствие, чтобы его преодолеть». В минувшем чемпионате минское «Динамо» так и действовало. За что ему низкий поклон от миллионов любителей футбола нашей страны.

Впрочем, успех белорусской команды был широко прокомментирован также футбольными изданиями Польши, Чехословакии, Болгарии, ГДР, ФРГ, Италии, Югославии, Испании, Венгрии и многих других стран. Газета «Чешскословенски спорт», например, все лето комментировала лидерство минчан. Приведу лишь один ее заголовок: «Двадцать две недели во главе. Выдержит ли минское «Динамо» до финиша?». Да, выдержало! Выдержало, несмотря на то, что все время ощущало дыхание таких грозных соперников, как киевские динамовцы. Старший тренер вице-чемпиона команды «Динамо» (Киев) В. Лобановский — ныне освобожденный старший тренер национальной сборной СССР — укрепил ряды своей команды несколькими интересными игроками. Заметно возмужали в игре Евтушенко и Хлус, отлично провели весь сезон Балтача, Демьяненко, Чанов, а его концовку — Буряк и Блохин, но обогнать минчан киевляне так и не смогли, отстав от них на одно очко. Ну, а третью ступень пьедестала почета заняли спартаковцы, свободно, красиво, мощно разгромив сильные команды Еревана и Тбилиси, но у минского «Динамо» они взяли всего лишь одно очко из четырех. Спартаковцы тоже были в числе участников коллективной погони за дерзким лидером, но споткнулись, как говорится, на ровном месте, в Одессе и Ташкенте, где «Спартак» выглядел просто заурядно. И это при том, что в команде есть такой вратарь, как Дасаев.

Огорчило нас тбилисское «Динамо», хотя команда и заняла высокое четвертое место. Уход из футбола Кипиани значительно ослабил команду и отразился на атакующих возможностях Шенгелия. В то же время мы еще раз с радостью убедились, сколь богата футбольными талантами грузинская земля. Старший тренер команды Н. Ахалкаци включил в команду ряд способных молодых футболистов, таких, как Месхи-младший, Цава, Кудинов. Хочется верить, что мы снова увидим команду с берегов Куры в ее обычной, я бы сказал, «искристой» форме — изящную, быструю, атакующую...

Приятно подчеркнуть, что после нескольких лет апатии и застоя пошли вперед ереванский «Арарат» (тренер А. Андреасян) и ташкентский «Пахтакор» (тренер И. Секеч), но этот обзор сезона не ставит своей целью воздать всем сестрам по серьгам. Речь идет в основном о тех командах, которые являются ключевыми в нашем футболе. И потому, ни в коей мере не желая обидеть иные клубы, занимающие следующие места в итоговой таблице, я все же обязан сказать, что тот мизерный футбол, то судорожное добывание очков, какое они зачастую демонстрировали, не принесут лавров отечественному футболу. А таким именитым в прошлом клубам, как ЦСКА, «Торпедо», «Динамо» из Москвы, «Шахтер » из Донецка, необходима футбольная скорая помощь, и чем скорее, тем лучше.

Через несколько месяцев в нашем высшем футбольном обществе мы увидим новые лица: «Жальгирис» из Вильнюса и «Нистру» из Кишинева: они сменят команды «Кайрат» и «Кубань». Надеюсь, что они последуют примеру прошлогоднего новичка, харьковского «Металлиста», подарившего ряд интересных игр.

И в заключение — о заголовке обзора. Да, ушедший футбольный год вызвал как разочарование, так и надежды. Нас огорчили сборные — первая и молодежная. Слабо сыграли в европейских турнирах наши клубы. Запаздываем мы с подготовкой новой олимпийской сборной. Неритмичный календарь последних лет привел к ухудшению тренировочной и соревновательной работы, и отсюда зияющие пустоты на трибунах во время выступлений многих, даже известных клубов. Ну, а надежда наша зиждется на советском футболе, на его славных традициях и, конечно же,— на новом, столь симпатичном всем истым ценителям игры чемпионе. Пусть он и дальше будоражит маститых, заставляет их искать новое.

---

# АТАКА ОПЛАЧЕНА ЗОЛОТОМ



Э. В. Малофеев, старший тренер футбольной команды «Динамо» (Минск).

Фото А. Бочинина

**Беседа со старшим тренером минского «Динамо», заслуженным мастером спорта, заслуженным тренером Белорусской ССР Эдуардом МАЛОФЕЕВЫМ.**

Он назначил встречу на стадионе.

— Приходите с утра. У нас тренировка.

В пору было удивиться: сезон закончился, команда выиграла золотые медали, можно бы, как говорится, и дух перевести. Но пока не наступило время отпусков, у динамовцев занятия, строгий и четкий ритм жизни.

Характер команды — характер ее тренера. Эдуард Малофеев, известный в недавнем прошлом форвард, умный, самоотверженный, яркий, не сразу согласился возглавить команду высшей лиги. Считал, что после окончания учебы надо доказать право на это, сделать что-то на «нижних этажах». Но когда согласился, вложил все: и опыт бывалого футболиста и знания, полученные в Высшей школе тренеров.

— Эдуард Васильевич, успех команды — случайность или закономерность?

— Конечно, закономерность. Просто пройден какой-то важный этап, после которого команде оказалась по силам борьба за победу в чемпионате. Создан коллектив единомышленников. Ушли из команды те, кто по тем или иным качествам не соответствовал нашим требованиям. Причем речь идет не только о способностях, необходимых хорошим футболистам, но и о преданности делу, об умении жить интересами коллектива. Воспитать в спортсмене искренность, принципиальность, скромность — это вписано в нашу программу. Если же говорить о чисто футбольном мастерстве, то эти годы ушли в основном на то, чтобы научиться играть в комбинационный футбол, чтобы освоить коллективную творческую игру, где каждый раскрывается сам и помогает раскрыться партнеру.

— Вы подчеркиваете слово «игра». Входит ли в это понятие футбол незаорганизованный, лишенный практицизма, погони за очками?

— Да, входит. Пусть не покажется странным, но одно из правил, которое мы утвердили в команде: «Давай играть сопернику». Ведь разрушением ничего не создашь. Давая играть сопернику, команда играет сама, старается не одолеть, а переиграть его, а сделать это можно, только атакуя, забивая голы. Вот так складывается почерк, стиль. Отсюда и зрелищность, без которой футбол теряет всякий смысл.

Мы развиваем в игроках способность сочетать творчество со строгой игровой дисциплиной. Для этого необходимо умение мыслить на поле. Для этого требуется отточенная техника, отличная физическая подготовка. Тут у нас, разумеется, тоже имеется целая программа, и, как показал сезон, нам удалось ее во многом осуществить.

— Можно ли сказать, что в какой-то мере вам помог усовершенствовать игру чемпионат мира 1982 года? Ведь он подтвердил ваши идеи, принципы.

— Да, чемпионат мира подтвердил, что право на существование имеет только один футбол — созидательный, атакующий. Думаю, что любители футбола заметили: наши защитники в конце сезона стали еще активнее, еще сильнее, чем прежде, подключаться в атаке, еще вдохновеннее стали штурмовать ворота соперников наши нападающие. У нас часто говорят: риск — и добавляют: разумный... Надо проявить большую смелость, чтоб зачеркнуть слово «разумный», но не с боязни ли зачеркнуть это слово начинается тот самый практицизм, который ставит футбол «вне игры»?

— Интересно ваше мнение о белорусской школе футбола. Минское «Динамо» — чемпион страны, наконец-то в первую лигу вошла команда из второго республиканского эшелона — могилевский «Днепр». Пополнение в белорусские команды теперь приходит, как правило, из местных резервов. Так сложилась ли белорусская школа?

— О сложившейся школе говорить еще рано. Но сдвиги бесспорны. В республике очень много сделано для развития футбола. Плодотворно работают детские и юношеские футбольные школы, найдены верные организационные принципы, менее остра, чем прежде, проблема тренеров-воспитателей. Но впереди еще уйма дел, особенно если иметь в виду школу как устоявшиеся принципы, как свой неповторимый стиль, как традиции, надежно гарантирующие большой и прочный авторитет.

— Эдуард Васильевич, что, на ваш взгляд, больше всего мешает развиваться советскому футболу?

— Мое мнение: надо основательно укреплять нравственные основы спорта. Побольше честной самоотдачи, поменьше корысти, самолюбования, попыток прожить в спорте легкую, бездумно красивую жизнь.

* * *

...Да, характер команды — характер ее воспитателя. Минское «Динамо» великолепно завершило сезон. Выиграно самое почетное первенство — чемпионат страны. В нем одержано самое большое число побед — 19. Никто не забил больше мячей, чем минчане,— 63. Команда уже сейчас готовится к новой борьбе.

**Беседу вел А. ЩЕРБАКОВ.**

# ЛЮДИ—ВЫСОКИЕ ЗВЕЗДЫ...

**«К дальним звездам, в небесную роздымь улетали ракеты не раз. Люди, люди — высокие звезды, долететь бы мне только до вас». Сбылась мечта автора этих строк — народного поэта Дагестана, лауреата Ленинской и Государственных премий, Героя Социалистического Труда Расула Гамзатова. На языках народов нашей страны и за рубежом звучат его стихи о мире и дружбе, о вечной материнской любви и сыновнем долге, красоте возлюбленных сердец, о дружбе... Поэтический мир Гамзатова — вся планета, с горестями и радостями, болью и тревогой, былым и настоящим. И летят сегодня в небе белые журавли, рожденные в строках одноименного стихотворения.**

**Р. Гамзатов — страстный борец за мир, за покой сердец и будущее человечества. Подтверждением тому стал и творческий вечер аварского поэта во Дворце спорта в Лужниках, весь сбор от которого был передан в Советский фонд мира. Весьма символично, что этот вечер состоялся в дни, когда вся страна отмечает славную годовщину 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик. Среди гостей — первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, Чрезвычайный представитель Организации освобождения Палестины в СССР Мухаммед аш-Шайер, Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди, член Политкомиссии ЦК Компартии Чили Володя Тейтельбойм, известный египетский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Абдуррахман аль-Хамиси, гости из Дагестана... Председательствовал на вечере поэт Мустай Карим.**

**Обращаясь к собравшимся, Расул Гамзатов сказал: «Три венка надежды, любви и дружбы я привожу в Москву. Первый — к Мавзолею Ленина, самого великого и человечного из людей; второй — к могиле Неизвестного и всем известного солдата, который уничтожил зло нашего века; и третий — к памятнику Пушкину».**

**О творчестве поэта говорили его друзья: переводчики Елена Николаевская и Яков Козловский, Владимир Солоухин и Юлия Нейман, Роберт Рождественский и Андрей Вознесенский, Яков Хелемский и Юнна Мориц, композиторы, написавшие музыку на его стихи,— Ян Френкель, Оскар Фельцман, Игорь Лученок... Песни и стихи исполнили популярные артисты — Вахтанг Кикабидзе, Яков Смоленский, Иосиф Кобзон, Виктор Вуячич... Много добрых слов о творчестве Гамзатова сказали Михаил Ульянов, Юлия Борисова, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Виталий Севастьянов...**

**Поэт отвечал на вопросы самого разнообразного толка — о родном ауле Цада и творческих замыслах, своем отношении к событиям современности. То были не праздные вопросы, чувствовалось, что почитателям его таланта хотелось узнать как можно больше и о самом поэте и о его общественной и литературной деятельности. В заключение вечера Расул Гамзатов вместе с артистами — посланцами Дагестана Муи Гасановой, Тагиром Курачевым, Хайбуллой Магомедовым, Магомедом Омаровым исполнил аварскую песню о родной земле.**

**Среди наград и премий, которыми отмечен советский поэт, появилась еще одна — Почетный знак Советского фонда мира, врученный ему председателем Советского фонда мира, чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым.**

**М. КОРОТКОВ**



**На снимке: Анатолий Карпов вручает Расулу Гамзатову Почетный знак Советского фонда мира.**

**Фото В. Кузнецова**

# ШОРОХ ЛЕБЕДЯ И РЕКЛАМА




Сквозь толпу, запрудившую Главную площадь обычно тихого и нарядного Линца, столицы Верхней Австрии, невозможно было протиснуться: расставленные в разных местах площади, играли одновременно несколько оркестров, довольно слаженно, но не только оркестров — по периметру зданий расположились... компрессоры, токарные, фрезерные и расточные станки, сварочные аппараты, которые по команде дирижера включались на полную мощность, вливая свой скрежет и шипение в общее тутти, прерываемое могучим баритоном певца, стоявшего на возвышении в центре площади... Шла «Стальная опера». Шел международный Брукнеровский праздник в честь известного австрийского композитора прошлого века, продолжателя традиций Моцарта и Бетховена. Читатель вправе спросить: а при чем тут станки, этот поп-арт под открытым небом? Устроители были явно не против того, чтобы создать побольше эффектов. Организаторы праздника, длившегося больше месяца, проявили масштабность мышления, граничащую с фантастической,— не только потому, что в рамках фестиваля проходил Всемирный конгресс фантастов «Сайенс Фикшн-82», но и по количеству всевозможных шоу, по размаху сценической «площадки»,— даже небо над невозмутимым Линцем на берегу Дуная стало ареной действия артистов и музыкантов.

Наиболее грандиозное шоу называлось «Арс электроника-82» («Электронное искусство-82») — смотр и прослушивание новейших электронных аппаратов в области музыки, цвета и т. д. Многорегистровые электроорганы, извлекающие «звуки будущего», и поражающие воображение игровые автоматы, сервис-роботы, умеющие делать, кажется, все, небо, расцвеченное с помощью лазеров и экранов цветомузыки, с которого спускались на воздушных шарах музыканты... Сказать, что программа «Арс электроники» была перенасыщена встречами, дискуссиями, конкурсами, демонстрациями «новейшего» искусства,— это значит ничего не сказать. Если на улицах города в эти дни с утра гремели джаз-оркестры, а в современного стиля Брукнер-хаусе в течение дня заседали дизайнеры, режиссеры, сценаристы и создатели электронной техники, то в студии верхнеавстрийского радио шли теле- и радиопередачи с включением радиопьес, комиксов, видеофильмов на фантастические сюжеты и, наконец, передавались в эфир интервью со зрителями о фантастике, о космосе, о любимых героях книг...

Хорошо организованный парад электроники, микропроцессорной и дигитальной техники завтрашнего дня был, однако, не без солидной доли торговой рекламы (она проглядывала в режиссуре многих шоу или тихо кричала со страниц проспектов, где немало фигурировало и заокеанских компаний). Все это понятно — продавать надо, но, как сказал один известный западный писатель-фантаст, его пугает коммерческий дух, витающий над демонстрируемой техникой и проникающий даже в некоторые произведения коллег по жанру.

Сам съезд фантастов — писателей, переводчиков, кинопродюсеров, художников, композиторов — скромно уложился в три дня вместе с дискуссиями и оргмероприятиями, выставками и просмотрами фильмов. Президент ассоциации Ф. Пол (США) уступил свои полномочия Б. Олдиссу (Англия), который был избран многими членами этой организации заочно, по почте. Вообще слет фантастов многолюдным не назовешь: в конференц-зале отеля «Шиллер-парк», где проходили заседания, было что-то около тридцати человек, из них больше половины — представители прессы и телевидения. Большое внимание уделялось финансовой стороне деятельности ассоциации. Хотя Австрия — срединное государство Европы, многие из авторов и переводчиков не смогли приехать из-за отсутствия средств: не свидетельство ли, что фантастику все еще мало издают?

Оживление в зале вызвала демонстрация слайдов со статистическими данными по изданию научно-фантастической литературы за истекший год (1981/82). Если в Китае, например, из 24 выпущенных книг по фантастике 21 явилась переводной (из них 8 — из СССР), то в ГДР на 46 книг приходится лишь 10 переводных: сами богаты авторами и в то же время экономны на переводы. В Италии, Швеции переводная литература превалирует, а вот в Англии перевели только 4 книги (2 с русского, 2 с французского)...

Советская полка фантастики (56 названий) вызвала интерес еще и тем, что впервые в число республик и областей, располагающих собственными писателями-фантастами, вошли Якутия и Горная Шория. Была отмечена большая работа издательства «Мир» по выпуску книг зарубежных фантастов.

После того как обсудили и приняли предложение югославских коллег провести в 1983 году очередной конгресс «Сайенс Фикшн» в Загребе, вице-президент ассоциации, советский писатель Е. Парнов от имени СП СССР просил рассмотреть возможность проведения встречи «СФ-85» в Советском Союзе, что было встречено с одобрением...

В начале этого краткого репортажа я упомянул, что небо над Линцем было сценической площадкой. Оказывается, более того: космос тоже. Одним из эффектов было прослушивание «белого шороха» (космического излучения), идущего из созвездия Лебедя. Таким он и останется в памяти, этот Линц: плавный, спокойный Дунай, белые пароходы у причалов, тонкая игла моста Фёст-Альпине, на горизонте в синей дымке горы, огромная чаша Брукнер-хауса и устремленные ввысь антенны верхнеавстрийской радиостудии, принимающие «белый шорох» таинственного Лебедя.

**Ю. НОВИКОВ,**
**специальный корреспондент «Огонька»**

Линц — Москва.




# ОБРЕСТИ СЕБЯ

Так назывался материал, недавно (№ 37, 1982 год) опубликованный на страницах журнала «Огонек». Сотрудники Московской клиники неврозов, собравшись за «круглым столом» редакции, рассказали о том, как современному человеку надо бороться с последствиями эмоционального перенапряжения и нервных потрясений. Знаменательно, что для этого уже не предлагают столь популярных «успокоительных таблеток». Актуальность проблемы становится еще более очевидной, когда знакомишься с материалами Всемирной организации здравоохранения: специалисты утверждают, что в 2000 году первое место среди заболеваний займет аллергия, которая не позволит широко использовать для профилактики и лечения неврозов многие лекарственные препараты.

По официальным данным, уже сейчас многолетнее и массовое применение лекарств для профилактики неврозов приводит к тому, что не менее 25—30 процентов больных, обращающихся в поликлиники и стационары, предъявляют жалобы на возникновение так называемых «дыхательных расстройств», «астмоидных состояний», «сердечных нарушений».

Как оказать помощь этой группе населения без использования «пилюль», читатели «Огонька» узнали из статьи «Обрести себя». Мне бы хотелось добавить, что есть еще один способ избавиться от вредных последствий стресса — с помощью слабых электрических токов. Осуществлять этот способ могла бы широко развитая в нашей стране физиотерапевтическая служба, которая есть почти в каждом лечебном учреждении, ею накоплен значительный опыт по профилактике и лечению многих заболеваний.

Но, к сожалению, в существующих повсеместно кабинетах физиотерапии методы профилактики и лечения невротических состояний используются крайне редко.

Большим препятствием на пути решения этой проблемы является, по-моему, тот факт, что Центральный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения СССР не всегда заинтересованно относится к тем достижениям науки, которые созданы вне стен этого учреждения.

С 1979 года в Советском Союзе выпускается аппарат «Лэнар». Сначала он успешно применялся при обезболивании и подготовке беременных к родам, в спортивной медицине, а потом оказался весьма эффективным для снятия производственного утомления. Его стали применять в санаториях, терапевтических клиниках.

Двойственный успех этого нового советского метода обезболивания и профилактики невротических состояний не является случайным совпадением, а связан с особенностями лимбической системы мозга, которая одновременно осуществляет центральную регуляцию интенсивности болевых ощущений и в то же время определяет степень эмоционального напряжения при тех или иных стрессовых ситуациях. Уже сейчас десятки энтузиастов с помощью импульсных токов защищают человека от последствий нервного и психического напряжения.

Министерство электронной промышленности довольно быстро организовало выпуск аппаратов «Лэнар», приказом министра здравоохранения СССР С. П. Буренкова он включен в план внедрения важнейших достижений медицинской науки на 1981—1985 годы. Аппарат успешно трудится, охраняя здоровье нефтяников Нижневартовска, рабочих предприятий Урала, ивановских ткачих...

Однако этим опытом мало интересуются те, кто в силу своих служебных обязанностей должен дать ему зеленую улицу. Журнал «Огонек» своевременно поднял вопрос о защите широких масс населения от неврозов, о профилактике стресса.

Цель моего письма — ускорить внедрение отличного советского аппарата «Лэнар» в практику народного здравоохранения, быстрее сделать его достоянием всех советских людей.

Э. КАСТРУБИН,
доктор медицинских наук

## ГОСТИ «ОГОНЬКА»



Открыл концерт в «Огоньке» в день встречи журналистов с передовиками крупнейших строек и предприятий пятилетки иллюзионист Ю. Рубанов. Он всех заставил удивляться «чудесам», которые загадочно совершались у зрителей на глазах.

Выступает «Джанг» — известный ансамбль цыганской песни и пляски под управлением Н. Эрденко.






Писатель А. Карасев порадовал аудиторию своими веселыми и добрыми рассказами.

Фото М. САВИНА

# ЖИЗНЬ ПТИЦ В ОБЪЕКТИВЕ

Большинство людей, попадая в лес или в городской парк, не замечают, как живут птицы: просто не умеют смотреть и этим обкрадывают себя. Разве может что-либо сравниться с тем пьянящим чувством, когда глядишь на милых, обаятельнейших созданий не издали, в бинокль, а на расстоянии двух шагов. Стоит протянуть руку — и дотронешься до нежного искристого тела. Чувствуешь быстрое дыхание птицы, различаешь каждый волосок пера. А выражение глаз! В них мелькают и любопытство, и забота, и нежность, и усталость...

Если человек в душе немного поэт, художник, натуралист, трудно будет оторваться ему от крошечного отверстия в его «шапке-невидимке», сквозь которое он, едва дыша, собственными глазами раскрывает одну за другой тайны интимного мира птиц.

Вы спросите, что это за «шапка-невидимка»? Дело в том, что человека, движущегося по лесу, птицы обычно сразу замечают, пугаются и либо затаиваются, либо улетают. Во всяком случае, ведут себя совсем не так, как без него. Поэтому каждый, кто всерьез занимается наблюдением и фотосъемкой диких птиц, не может



обойтись без своей «шапки-невидимки» — особой палатки, которая не пугает птиц ни цветом, ни структурой материала, ни размерами и формой своей конструкции. В ней, если нужно, можно ходить по лесу, как ходит улитка со своим «домиком».

Ее можно поставить и на земле, и среди крон деревьев, и на воде, и среди болота. Пичужки, даже такие, что не подпустили бы человека и на десяток метров, спокойно занимаются своими делами: охотятся, отдыхают, купаются, ухаживают за птенцами и друг за другом, чуть ли не задевая «шапку-невидимку» своими хвостами и даже склевывая с ее стенок гусениц и пауков.

Сколько же времени уходит на съемку птиц около их гнезд? Я глубоко убежден, что этот вопрос — самый важный для того метода фотоохоты, о котором здесь идет речь. Спешка и вытекающая из нее непредусмотрительность фотоохотника крайне опасны для судьбы гнезд. Желание побыстрее сфотографировать птицу часто оборачивается не только полным фиаско, но гораздо более страшной вещью — гибелью кладки или птенцов. Гнездо может погибнуть, когда фотограф спешит начать съемку, не учитывая особенностей психики птиц и не обеспечив условий, при которых хозяева гнезда могли бы не тревожиться.

Ни в коем случае нельзя снимать в период строительства гнезда (птицы тотчас перестанут строить его) и во время насиживания (бросят кладку). В дальнейшем, когда появятся птенцы, привязанность родителей к гнезду возрастает в десятки раз. Тогда-то и можно начинать съемку.

Из всего этого следует вывод: надо очень бережно относиться к птицам во время съемки, когда она ведется близко от гнезда. Если у вас времени недостаточно, то начинать такую фотоохоту — преступление. В этом случае допустимо фотографировать лишь с довольно большого расстояния: 5—10 метров, применяя длиннофокусную оптику. Конечно, это ухудшит качество снимков, но зато сохранит жизнь нескольким очаровательным созданиям, копошащимся на дне гнезда.

Обычно я провожу у одного гнезда две-три недели. Этого бывает достаточно, чтобы вылупившиеся птенцы подросли и смогли летать. Теперь им уже не страшны ни ворона, ни сойка, ни куница, ни ласка, которые могут явиться к гнезду, привлеченные человеком.

Но эти две-три недели пролетают для меня как одно мгновение, и лишь два десятка отснятых пленок говорят о том, что время прошло не зря.

Михаил ШТЕЙНБАХ,
орнитолог, научный сотрудник биологического факультета МГУ

Юмор

## КАК МЕНЯ ПОЛЮБИЛИ

Наталия ГРАЧЕВА

Я сделала все, чтобы понравиться своим новым сослуживцам. Нарядная, как продавщица центрального универмага, я летала по коридорам юной Терпсихорой. Я охотно ответила на все вопросы, задаваемые обычно новому человеку. Я сказала, что недавно окончила институт и призрак грядущей диссертации уже не раз являлся мне тихими ночами. Я сказала, что мой муж — кандидат наук, и показала его фотографию, способную свести с ума любую особу женского пола в возрасте от 18 до 45 лет.

— Но жить вам, конечно, негде,— сказала секретарша Томочка,— снимаете, небось, комнатку?

Я небрежно пожала плечами и сообщила, что мы живем в отдельной двухкомнатной, с раздельным санузлом. Томочка поскучнела.

— А муж как? — спросила Лидия Сергеевна, моя непосредственная начальница.— Ну, в смысле измен и выпивки.

Я с гордостью поведала о том, что мой муж не пьет и любит меня, как Ромео Джульетту.

— Это временно,— вздохнула Лидия Сергеевна.— А потом дети пойдут, крик, гам, помогать никто не хочет,— сразу не до любви станет.

— А у нас уже есть сын! — весело сказала я. — И с ним сидит бабушка. И учит его старославянскому языку.

Томочка стала совсем скучной, а все остальные посмотрели на меня с явной неприязнью.

— Может, вы болеете часто? — с робкой надеждой спросила тетя Дуся, нянечка с третьего этажа.

Мне было жаль огорчать этого доброго человека, но что я могла сделать, если за последние два года ни у кого из нашей семьи не было даже насморка? Окружающие потеряли ко мне всякий интерес.

Но по-настоящему понимать весь ужас своего положения я начала только со следующей недели. Меня попросили заменить заболевшую Марию Васильевну. С тех пор в течение трех месяцев я работала за всех заболевших вирусными и простудными заболеваниями. Я трудилась с утра до ночи, так как была самой здоровой. По ночам я замещала сторожа, который в это время подрабатывал истопником в котельной. У него было трое детей, и я должна была сочувствовать его вечному безденежью. Я выпускала все газеты за нашего художника, который находился в недоступном для моего понимания углубленном запое по поводу несчастной любви. Я собирала всевозможные взносы, так как получила хорошее воспитание и не могла даже под страхом смертной казни растратить казенные деньги. О появлении в соседнем магазине зимних сапог я узнавала последней, а запах праздничных заказов вообще не тревожил моего обоняния. Меня не впускали ни в тихие дамские разговоры, ни в середину буфетной очереди.

Я стала раздражительной и нервной. Неведомые прежде головные боли гнали меня на поиски анальгина и японского бальзама... Но я держалась на высоте. Мои ресницы не стали ни на миллиметр короче, а походка — ни на грамм тяжелей. Но однажды случилось непредвиденное.

Пролетая по коридору, я услышала предательский треск и поняла, что злодейка-судьба подрезала мне крылья. У меня сломался каблук. Я сидела на полу, из глаз у меня катились слезы. Они были черными от обиды и потекшей с ресниц туши. Через пять минут, подняв голову, я увидела, что вокруг меня собрался весь ненавистный коллектив.

— Ну ты даешь! — сказала Томочка, и я впервые поймала ее сочувствующий взгляд. Несколько оживленных голосов обсуждали мое падение. Чьи-то заботливые руки помогли мне подняться и усадили в мягкое кресло.

Я поняла, как это чудесно — быть несчастной. И я не выдержала. Я сказала, что муж бросил меня. Что он выгнал меня на улицу из двухкомнатной квартиры и я ночевала на вокзале. Все сочувственно кивали. На меня смотрели милые жалостливые глаза, и я почувствовала прилив вдохновения. Я объявила, что у меня неладно с печенью. Я сказала, что у моего сына врожденная шизофрения, что бабушка отказалась с ним сидеть и теперь он бегает по двору в дурной компании.

После этого я поняла, что любима всеми, как родная дочь. За полчаса они скинулись и купили мне новые сапоги. С тех пор все изменилось. Я прихожу на работу, когда мне вздумается. У меня всегда есть о чем поговорить с сослуживицами, а продовольственные заказы мне приносят на дом. В свободное время я по-прежнему думаю над диссертацией, а вечерами сын читает нам с мужем что-нибудь на старославянском...

## ГДЕ МЫ ДРУГ ДРУГА ВИДЕЛИ?

Лев ЛАЙНЕР

В автобусе Толя Кочерыжкин сел рядом с девушкой, которая показалась ему знакомой. «Где же я ее видел?» — размышлял он и искоса поглядывал на попутчицу.

Наконец девушка не выдержала и строго спросила:

— Послушайте, молодой человек, что вы все время на меня смотрите?

Кочерыжкин смутился.

— Э-э-э... Извините, но мне кажется, что мы уже встречались.

— Все вы так начинаете. Неужели нельзя найти более интересный способ для знакомства? — сухо ответила девушка, но тут же внимательно оглядела Толю.

— Откровенно говоря, мне ваше лицо тоже знакомо. Вы не работали летом в пионерском лагере «Елочки-сосеночки»? Я там была вожатой.

— Нет, не работал,— отозвался Толя.— Летом я работал в подшефном колхозе «Ясные зори». Вы там случайно не бывали?

— Не бывала,— сказала девушка.— А мои имя и фамилия — Марина Курносова — вам ничего не говорят?

— Ничего не говорят,— честно признался Толя.

— Н-да,— сказали они одновременно.— Где же мы друг друга видели?

— Может, мы на плодоовощной базе встречались? — высказала предположение Марина.— Я там работала в сентябре с первого по десятое...

— Был я на базе. Был! В сентябре был,— оживился Толя, но тут же нахмурился.— Только я на базе был с одиннадцатого по двадцатое... А с первого по десятое меня от работы направили играть на шахматном турнире.

— Вот как,— сказала Марина.— А меня с одиннадцатого по двадцатое направили от работы играть в хоккей...

— В хоккей? — удивился Толя.

— Да. На траве... Я как пришла на работу после окончания института 30 мая, так больше там не появлялась. То туда пошлют, то сюда...

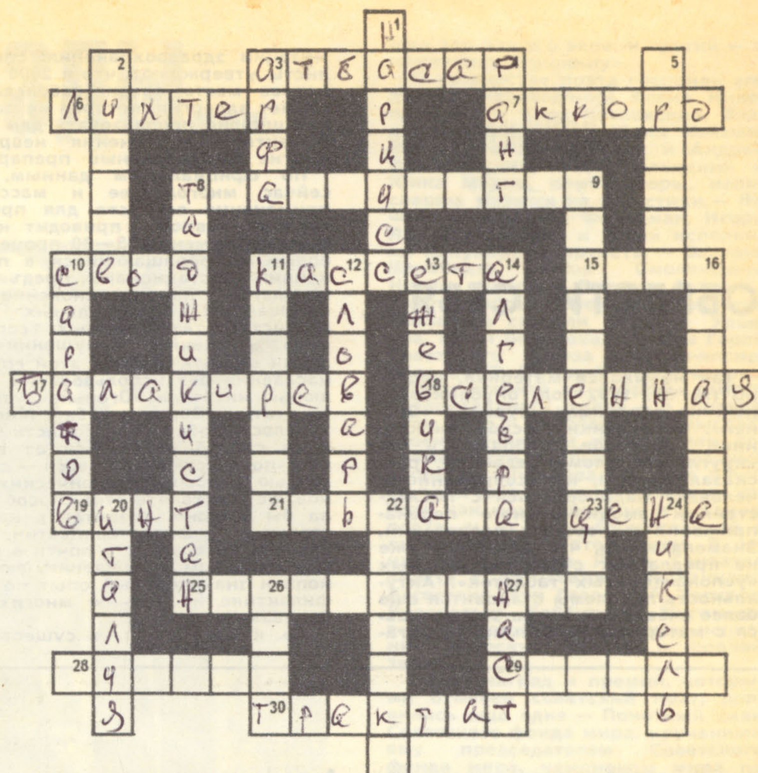
— Вы сказали очень интересную вещь, Марина,— опять оживился Анатолий.— Я тоже как на работу 30 мая по распределению пришел, так больше там не появлялся. Меня тоже все время посылают... Где же вы работаете?

— Где?.. В научно-исследовательском институте... В НИИКУКУ...

— Потрясающе! — воскликнул Кочерыжкин.— И я в НИИКУКУ! Все! Вспомнил! Знаю, где я вас видел... 30 мая мы встречались в отделе кадров, заполняли анкеты.

— Совершенно верно! — удовлетворенно улыбнулась Марина Курносова.— Теперь и я вас вспомнила, Толя... Извините, Толенька, мне пора выходить. С этой недели меня направили на курсы повышения квалификации... Может, когда еще встретимся. На работе.

...Через две остановки вышел из автобуса и Толя Кочерыжкин. Посмотрев на часы, он бодро зашагал на семинар молодых специалистов.



## КРОССВОРД

**По горизонтали:** 3. Город в Целиноградской области. 6. Несамоходное грузовое морское судно. 7. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 8. Пьеса К. Гольдони. 10. Выпуклое перекрытие здания, сооружения. 11. Светонепроницаемый футляр для фотографической пленки. 15. Река в Восточной Сибири. 17. Композитор, пианист, дирижер, глава «Могучей кучки». 18. Космос. 19. Крепежная деталь, стержень с резьбой. 21. Домашнее животное в Перу и Боливии. 23. Денежное выражение стоимости товара. 25. Картина И. Н. Крамского. 28. Небольшая пестрая птица. 29. Определенная ступень, период, этап в развитии. 30. Краткое изложение научного труда.

**По вертикали:** 1. Луковичное декоративное растение, цветок. 2. Персонаж романа Л. М. Леонова «Русский лес». 3. Многострунный инструмент. 4. Река в Индии и Пакистане. 5. Спутник Нептуна. 8. Союзная советская республика. 9. Повторение одинаковых согласных для звуковой выразительности в стихе. 10. Областной центр в РСФСР. 11. Большой круглый хлеб. 12. Сборник основных единиц языка, лексика. 13. Ягодный кустарник. 14. Часть математики. 16. Рассказ А. П. Чехова. 20. Государство на юге Европы. 22. Русский поэт XIX века. 24. Химический элемент, металл. 26. Приток Дуная. 27. Ледяная корка на снежном покрове.

### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

**По горизонтали:** 7. Яблочков. 8. Фарватер. 9. Цинк. 10. Тиса. 11. Бондарчук. 14. Кабарга. 15. «Колобок». 16. Терракота. 19. Паланга. 21. Флорида. 22. Амальгама. 23. Фунт. 25. Афон. 26. Мистраль. 27. Элеватор.

**По вертикали:** 1. Обсидиан. 2. Полк. 3. «Родинка». 4. Казачок. 5. Карт. 6. Бессонов. 11. Борштанга. 12. Астрахань. 13. Колпакова. 17. Распутин. 18. Одеколон. 20. Алаколь. 21. Фланель. 24. Титр. 25. Адан.

**НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:** Цех холодной прокатки нержавеющей ленты завода «Серп и молот». Владимир Хабаров — бригадир линии светлого отжига. (См. в номере материал «Серп и молот столицы».)

Фото Г. Копосова

**НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:** Зеленые пеночки * Кукушонок и серая славка * Отец и дочь (пестрые дятлы) * Дрозд-белобровик. (См. в номере материал «Жизнь птиц в объективе».)

Фото М. Штейнбаха

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

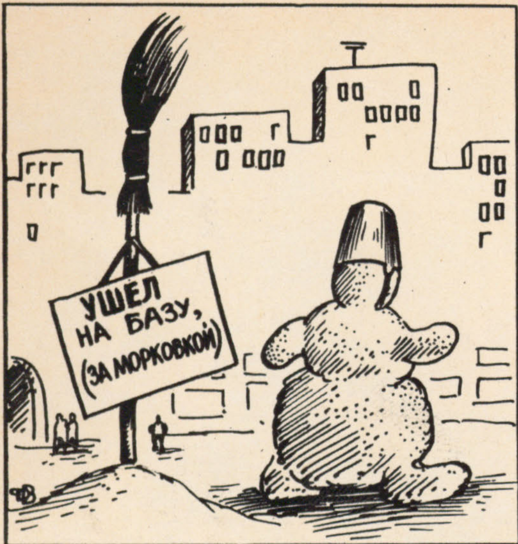
Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

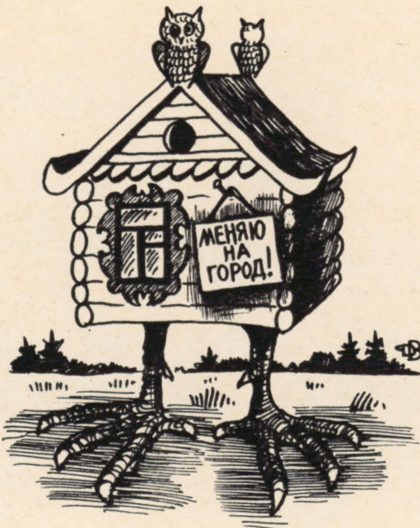
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.11.82. Подписано к печати 14.12.82. А 07575. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2997. Заказ № 3419.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунки В. Дубова



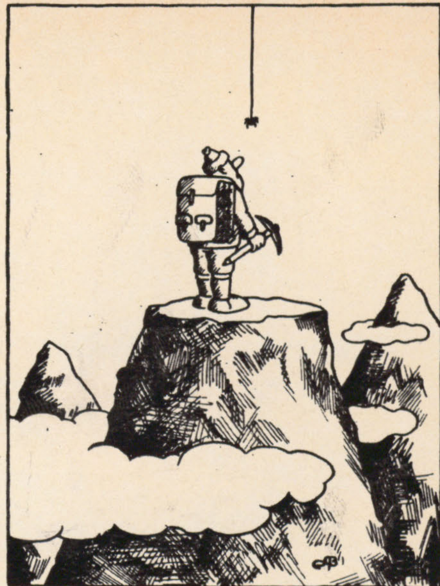
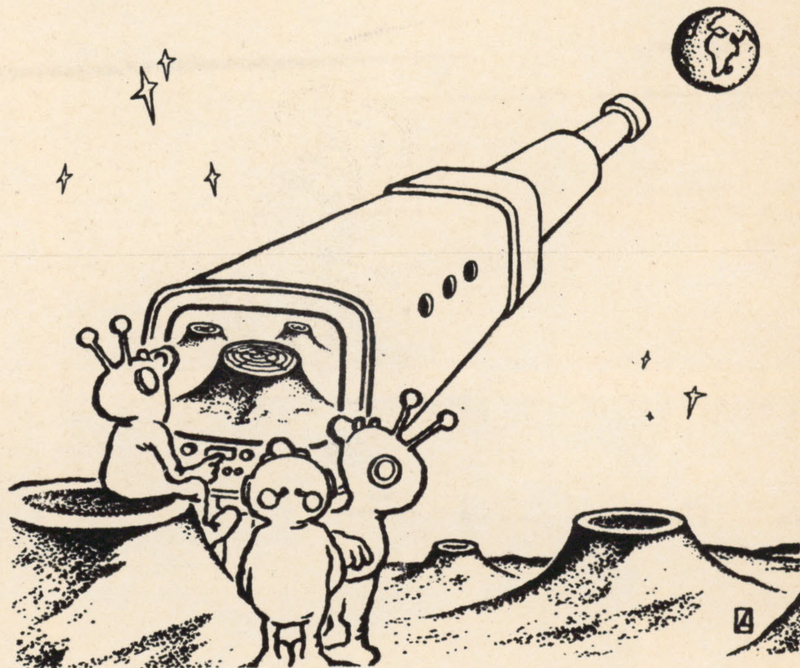



Рис. В. Ашманова

По привычке.





Рисунки А. Орехова

# Юмор

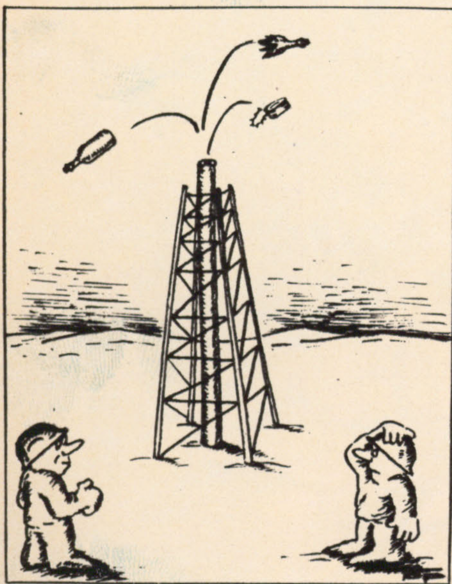


Рис. В. Бреуса



Рис. В. Чаусова (Ростов-на-Дону)

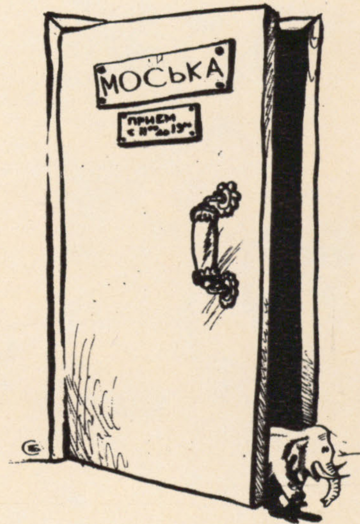



Рис. С. Богачева





ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663



